Иван Паульс

12 тетрадей из прошлого

Оглавление

Слово к читателю

Это было в 1985 году. До конца моего срока заключения оставалось шесть месяцев. Давление со стороны начальства заметно уменьшилось. Я работал дневальным в медпункте барака для туберкулезных больных. Вдруг во мне с новой силой пробудилась великая благодарность Господу за Его чудные дела и Его водительство в моей жизни. И у меня появилось сильное побуждение поделиться с другими пережитым. С другой стороны поводом к написанию этой книги явилось мое искреннее желание, чтобы и другие братья и сестры увидели необходимость в благовестии в любых условиях, увидели еще раз, как люди непомерно страдают без Бога, без надежды... Люди, оставленные всеми... И какие чудные благословения переживает тот, кто отдается благовести/о. Я закрывался вечером в медпункте, завешивал окно и двери и писал, писал... доколе терпела рука. Медсестра-казашка рисковала многим, вынося из зоны мои тетради. А там, на воле, их забирали мои родители. Много лет тетради лежали где-то спрятанные, чтобы не нашел их КГБ. Теперь они дождались своего часа. Они становятся книгой. И как бы хотелось, чтобы Господь пробудил еще делателей на Свою жатву. Об этом и молитвы мои.

Они приходят к вам, дорогие читатели. Мои бессонные ночи, мои думы, мои надежды... Нет, не мои... Ведь то, что я делал, делал, я уверен, по Божьей воле.

История эта берет начало с августа месяца 1981 года.

Иван (Иоганн) Паульс

Накануне я раздал Евангелия

Здравствуйте, дорогие родители. Мир вам!

Пишу вам письмо, где хочу описать то, что было незадолго до ареста и в последующие дни.

Ясное предчувствие того, что меня возьмут, появилось в воскресенье. И, прислушиваясь к этому голосу, я даже видел день-понедельник. Но сегодня еще было воскресенье, день, который был дан Господом, день еще на воле и, надо сказать, день насыщенный. До обеда проходило служение в доме сестры, которая желала свой дом посвятить Господу (посвящение и освящение дома). Были гости,

что дополняло торжество служения и его возвышенность. Дух Божий наполнял нас. Брат-гость сказал Слово: "...И листья его для исцеления народов" и сказал, что их очень обрадовали слова, которые они прочитали на одном из домов своего города, написанные крупным шрифтом: "Верующий во Христа имеет жизнь вечную". И, надо сказать, что именно его слово, подсказанное Духом Святым, служило в дальнейшие годы моего заточения большим утешением, ибо свидетельство таким методом до сих пор мало практиковалось и не всем было понятно. Затем, в конце собрания, я смог еще новообращенным раздать каждому по Евангелию и Библии, что служило и им большой радостью (да и обыск на следующий день в моем доме имел меньший, минимальный успех, так как Господь сам приготовил мой дом и меня к этому). После общения, как мы и договорились, поехали с молодежью на посещение в село. Трудно, надо сказать, ехать в автобусе с такими талантами, с молодой силой - поколением для славы Божией в последние дни, - и молчать. Даже невозможно молчать, ибо Дух влечет, а все, водимые Духом Божиим, суть сыны Божий. Мы пели, и пели с воодушевлением! Вдруг автобус резко остановился около какого-то дома. Оказалось - милиция! С нами, оказывается, ехал один большой противник веры, а с ним -работник прокуратуры. Автобус стоял долго. Выводили одного за другим, и меня в том числе. Со мной сразу же пошла вся молодежь, были также два брата из соседнего города, которые активно защищали меня. Убедившись в своем бессилии, записали мой адрес, место

работы, и мы поехали дальше. Надо сказать, что многие в автобусе, даже человек с папкой в руке, удивлялись: "Из-за чего был поднят такой шум противниками веры? Ведь люди поют о любви, и что может быть прекраснее?!".

Приехав на место, пошли к сестре-старушке, которая жила в своем маленьком домике одна, радуясь и служа Господу с усердием при всей своей физической слабости. Собрания мы проводили у нее уже не в первый раз. Местной церкви в селе не было. А как важно пробудить спящий народ, указать путь к свету тем, которые еще так далеки и никогда не слышали, что служит к их спасению! Мы пошли по улицам и домам, приглашая на богослужение. В назначенное время начали собрание прямо во дворе у старицы. Пение наше не задерживали стены, и оно разносилось далеко по улицам. Слушающих все прибавлялось, приходили и дети, и взрослые, и мамы, и папы, и молодежь, - они только играли в волейбол недалеко от нас. Некоторые из них уже отбыли срок наказания в лагере. После собрания завязалась беседа. То там, то здесь по группам разделялись беседующие, и везде столько интересных вопросов, где сердце все более наполнялось Духом Святым, и радость наполняла и переполняла. Тут и отчет о своей вере и уповании, о смысле жизни, тут и проблемы войны и мира, тут и вопросы мироздания и т. д. И когда, казалось, время было самое интересное, явились слуги люцифера. Да и как он мог равнодушно смотреть, когда его царству грозит серьезная опасность, когда души начинают освобождаться от вековечных пут его, когда они, видя избавляющую силу Христа и любовь Его, потянулись к Нему всем существом своим. И меня опять повели. Но я не был оставлен ни Господом, ни детьми Его. Со мной пошли почти все. Вы представляете? Одним Духом, решимостью стоять друг за друга по направлению к сельскому совету идет немалая группа людей. А их было двое, тех, которые думали, что одним окриком остановят общение, что их испугаются, и все разойдутся. Когда меня ввели в кабинет, а за мной зашли все - представителям власти, фактически нечем было нас укорить, не в чем обвинить, даже вопросов существенных не было. Просто нас просили очень не нарушать их покоя, покоя к погибели, и уехать, вот, где они сами тоже не такие уж безбожники, но с них требуют. Мы не стали ни спорить, ни давать обещаний, засвидетельствовав еще раз о любви Божией, пошли на место общения. Там еще остались некоторые слушатели.

Спели им еще по их просьбе, закончили молитвой и, так как время было позднее, поехали домой. Слушатели же приглашали нас приезжать еще. Домой мы совершали путь, радуясь. Славили Господа песнопением. Пассажиры просили нас петь еще, восхищались хорошим пением. Пение сопровождалось, или, вернее, прерывалось мирными беседами с неверующими о Господе. И так мы доехали до дому. С тем и кончился благословенный воскресный день.

Случилось так, что как раз в это летнее благодатное время жена с детьми (кроме одной дочки) уехали на юг в гости, и в моем доме временно поселилась семья одной сестры во Христе, которая решила за это время покрасить свою квартиру. Муж ее еще был необращенным. Детки уже активно помогали славить Господа. Утром в понедельник я пошел на работу, отработал, пришел домой и, к удивлению моему, все спокойно. Я поел переоделся, взял детей в люльку, завел мотоцикл и поехал на шахту договариваться насчет жести делать погреб. По пути назад мы еще заехали к одной больной сестре навестить ее. Сестра нас всех пригласила в дом отведать ее арбуз. Трудно было отказаться, да и дети были рады. Мы с удовольствием съели угощение и поехали домой. Я резко свернул в переулок и, подняв глаза в свой двор, который был метрах в пятидесяти, увидел над забором синие фуражки с красными околышками... ждали меня... Ждали не по поводу прошедшего воскресного дня, нет. И если вам будет интересно, я опишу, как я пришел к тому, зачем меня ждали, а затем опишу, что было дальше, и как удивительно меня Господь вел дальше.

Нашел я мир с Господом, когда учился на третьем курсе медицинского института. Долго и терпеливо ходил за мной любящий Спаситель, пока достиг души моей, и, надо сказать, Он один знал путь к моему жестоковыйному сердцу, погрязшему во грехах в самой юности, вернее, в самом расцвете сил, которые уже давно можно было посвятить Господу. Говорили мне о Нем и молились обо мне родители. Приглашали с собой на собрания, но я уходил все дальше в мир. Похоть очей и похоть плоти влекли меня все сильнее. Круг друзей и поклонниц ширился все

больше. Родители далеко. Останавливать некому. Общежитие и то меня уже не вмещало, меня выгнали из него за гулянку, которую я там организовал, и испортил радиопроводку. В одном из дней водка взяла верх над моими силами, и я остался спать под зеленым кустом прямо на улице. Господь терпеливо и со скорбью следовал за мной. Правда, совесть осуждала меня; после очередной гулянки я потихоньку под одеялом просил прощения у Господа, но остановиться не было сил, и с началом нового дня я снова окунался в прежнюю жизнь. И тут, когда я насытился ресторанами, попойками, театрами, миром, Господь послал ко мне человека, который меня пригласил на собрание. Знакомое Слово, знакомый, теплый, родной, любящий круг, - но как решиться?! Одно воскресенье на собрание, другое - в ресторан. И так еще год колебаний. Затем Господь проявил ко мне особую милость тем, что привел меня в семью, особенно талантливую, живую и духовную. Шестеро детей, и все играют, поют. Самый меньший - лет пяти -играл на балалайке. У отца голос артиста. Сам - полуцыган. Ревностно служили Господу. Общение с ними, встречи Нового года в особенно дружной обстановке в близком кругу меня приблизили к Господу. Их участие, жертвенная любовь ко мне растопили мое сердце. И слова матери семьи: "Ваня, Дух Божий побуждает человека к покаянию три раза" - меня сломили. Я решился, сознавая, что ко мне Господь стучался уже не раз, и я могу погибнуть навсегда. В этот же день в конце собрания я встал и сказал, что хочу служить Господу. Молитва искренняя и покаяние дали мне полный и неописуемый мир с Господом! Груз, который я носил за плечами и на сердце вот уже столько лет, Он снял, и мне стало так легко и свободно, радость сердца плескалась через край, и, если бы это возможно было, я бы кричал на улице о своем счастье.

Господь дал сил порвать со всем старым сразу же. Круг старых друзей уже не прельщал. У меня появились друзья искренние, с чистыми помыслами, с ревностным желанием трудиться для Господа. Вскоре и я имел возможность совместить дальнейшую учебу и участие в русском и немецком хорах, в оркестре и общениях. Через полгода я женился и труд продолжал до окончания учебы в общине, где я нашел мир с Богом.

Чтобы не обременять вас чтением, я упущу многие трогательные события и дивные пути Божий со мной в последующие два года. Волею Господа я оказался в курортном городе, где в пути без денег получил работу, и стали жить мы с супругой у ее родителей. Обильно благословлял меня Господь в церкви, и тут Дух Господен стал побуждать меня ко свидетельству в мире. Укрепили меня в этом влечении прочитанные книги: "Berufen zum Waschen und Predigen" (Призвана к стирке белья и к проповеди); "Несите весть им о Христе"; "О духовном пробуждении". Одна молитва и немое хождение пред Богом в мире сем не давали мне мира и покоя, не давали удовлетворения. Долго я мучился и противоборствовал голосу Духа Божия во мне. Страх, ложный стыд держали лучше всяких цепей. Но Господь знал мое сердце. И помню, как-то, сидя в автобусе, который мирно вез меня по городу, я по-прежнему боролся с Богом. Силы мои иссякали, силы ненужного сопротивления, и я согласился: "Хорошо, Господь, если Ты дашь мне возможность, я одному человеку в день буду говорить о Тебе". И вы знаете, у меня камень упал с сердца. Господь победил!!! Иногда я имел возможность говорить с человеком и исполнить мое обещание прямо в кресле при его посещении меня, как зубного врача. Иногда хватало сил прямо на улице, по пути на работу или домой остановить человека и что-нибудь сказать ему о Боге. Я чувствовал огромное удовлетворение и радость от этого труда. Вскоре число один умножилось до 8 - 10 человек в день. А в городе людей ведь так много! А вокруг городов в селах, и кто им скажет? Господь постепенно расширял мой духовный взор и показывал все большее количество погибающих грешников. Правда, и лукавый не спал. Естественно, мой труд ему не нравился. На работу писали анонимные письма: "Когда мы избавимся от попа в больнице?". Дома меня тоже не совсем понимали. Как-то задержали меня при распространении "Книги жизни", повезли в милицию, долго допрашивали, желая знать источник книгопечатания, но, ничего не добившись, отпустили.

Немало сил опять стоило побороть робость и брать с собой гитару в путь, когда куда-либо ехал. Но какова же была радость, когда это ложное стеснение было побеждено, и пение под гитару в вагоне пробуждало в людях интерес, иногда слезы, начинались беседы, и славился Господь. С этих пор гитара была моим постоянным спутником в дорогах, и если ее изредка не

было - путь мой не приносил мне радости, ибо проходил не с полной отдачей. Появилось желание свидетельствовать многим через написанный текст на открытках, которые разрезались на четыре части и затем мной распространялись по разным городам в почтовых ящиках. И тут сначала страх был настолько велик, что не смог я начать труд, хотя и ходил по домам и подходил к почтовым ящикам, пока прямо в сквере не склонил колени и искренно помолился. И тут Господь дал победу. Как-то, после такого труда, когда я собрался ехать домой, деньги, на которые я должен был взять билет, у меня украли, а, может, и выронил. Так было угодно Господу. Через это Он расширил мой духовный взор и показал еще большее количество погибающих грешников, находящихся на вокзале. Они уедут! Может, у кого-то это последняя дорога, может, у кого-то это последний час на этой земле, может, у кого-то - последняя возможность услышать Слово Божие, Слово спасения! И Господь мне ясно сказал: "Если ты этим людям скажешь о Господе, ты без денег уедешь домой!". Долго опять же я боролся. К тому же в зале сидел милиционер. Но тут он ушел. Ждать больше некуда. Встать не хватало сил... Я прямо тут же встал на колени, повернувшись к скамейке, где сидел, коротко помолился, встал и... Господь дал сил... Короткая проповедь о вере, покаянии, об отчете перед Богом..., последние слова заглушил репродуктор. С великой радостью я повернулся и тихо вышел, нашел уединенное место, и благодарности моей Господу не было конца... Я встал с колен, вскоре подошел наш поезд. Ни тени сомнения у меня не было, что я не уеду. Глубокая вера и спокойствие переполняли мое сердце. Первый же кондуктор, к которому я обратился с просьбой довезти меня до дому, согласился и не переменил своего решения даже тогда, когда я сказал, что у меня нет денег. Видимо, лицо мое было слишком радостным, чтобы омрачить его, да и Господь ведь управляет сердцами. Он мне даже не отказал, когда я по пути спросил разрешения у него сказать всем людям, сидящим в его вагоне, что-либо о Господе. Я приехал домой счастливым и удовлетворенным! Я сделал, что мог. А что может быть радостнее?!! Хотя и наблюдали власти, но не арестовывали. Труд открытого свидетельства проповедью на вокзале, автовокзале, в автобусах своего города длился всего полторы недели. Органы КГБ организовали собрание в районной больнице, подготовили людей с докладами, осуждающими меня, настроили коллектив против меня, привезли и меня туда, посадили в центре впереди, в зале сидел начальник КГБ. Дали мне затем слово, но слова и вопросы мои перекрикивались, и я сел. Составили документ. Назавтра меня вызывали в прокуратуру. Я знал, что на этот раз я ухожу надолго из дому. Соответствующе оделся не в очень хорошую одежду, годную для камеры, сказал об этом жене, она очень плакала. Дочь, еще спала, а сын играл во дворе. "Папа, ты куда?" Трудно было ответить ему, трудно было уходить. Срок мне дали два с половиной года и плюс еще три года лишения права заниматься врачебной деятельностью после освобождения. Последнее по ходатайству братьев было отменено областным судом, но работу все же после освобождения мне в городе по специальности не давали. Радовало то, что с супругой мы после моего возвращения стали членами одной церкви, хотя и это произошло не сразу. Длинное, возможно и интересное, получилось бы описание первого срока, периода моего странствования по поводу поиска работы по специальности, моей болезни туберкулезом, нашего переезда, смерти тестя. Но хочется оставить место и силы для чтения о втором сроке, и, потому, упущу все вышеперечисленное и опишу немного период перед тем, как меня взяли во второй раз, а затем уж и саму высшую школу жизни.

А сердце рвалось к грешникам

Анализируя метод открытого свидетельства проповедью миру, в общественных местах, пришел к выводу, что в нашей стране он .почти невозможен. Этот метод можно сравнить с загоревшейся скважиной с газом, столб огня которого светит ярко и далеко вокруг и дает много тепла, но... очень быстро делается все возможное, чтобы его потушить. И, надо сказать, что методы придуманы действенные и эффективные. Эти факелы тушат с вертолетов.

Значит, надо применять и совершенствовать другие методы, чтобы исполнить главное и основное назначение церкви: свидетельства. "Идите и научите все народы...". Пока возможно было, я много ездил, и до того, как устроился на работу, и после этого. Ездили, пели и свидетельствовали с молодежью, с чего я и начал писать. Затем Господь мне дал хорошего и талантливого помощника - сына. Когда мы начали учиться петь с детьми - ему было четыре годика. Не имел я тогда еще ни цели, ни желания с ним прославлять Господа среди неверующих. Он усваивал быстро песни и стихи, имея хороший музыкальный слух и память. Сначала в автобусах, а затем и на вокзалах, в поездах он по просьбе моей громко рассказывал призывные стихи, когда я его ставил на скамейку. Затем мы вместе пели и славили Господа. Иногда слушателей собиралось очень много. Иные думали, что мы делаем это за плату. Приходилось усиленно убеждать, что Царство Небесное даром дается. Когда ехали в поезде, Дух звал и в другие вагоны, и только пройдя поезд и засвидетельствовав желающим слушать о Христе, душа умиротворенно отдыхала, и мы радовались с сыном. В гостях были на богослужении и у единственников, и у православных, и у лютеран, но чаще всего в родном братстве. Господь не отказывал в спасенных душах, за что Ему слава и благодарение. На новом месте жительства церковь надо было строить почти сначала. Везде надо было обязательно присутствовать и вести: и собрания, и библейские и молитвенные часы, и молодежные и поездки с посещениями... А дома семья росла, и жене было все трудней. Свой дом, хозяйство, работа на полторы ставки с утра до вечера. Так что сил и времени для свидетельства оставалось очень мало. Но все же мы делали возможное. Иногда с сыном по вечерам, взяв гитару, направлялись в какую-нибудь квартиру, адрес которой я приобрел днем, предварительно хотя бы немного поговорив с пациентом о Боге. И при малейшем интересе я записывал адрес. Но очень, очень много адресов так и остались необслуженными - время не позволило. Был плод и при данном свидетельстве. Но, свидетельствуя еще и еще раз, убеждаешься, насколько трудно человеку-грешнику вырваться из своей квартиры, от своих домашних, от знакомых и друзей. Это - целое событие. И хочет, и обещает, и заходишь за ним в назначенный час - и, все же, какая-то причина появляется, чтобы не идти к Слову, к верующим. Дьявол все делает, чтобы удержать своего пленника в сетях. И мы иногда забываем, что эти люди "связаны", когда говорим, что они могли бы придти, если бы захотели, ибо знают, где мы собираемся. Как мы жестоко ошибаемся. Тут нужны действия и усилия, а не только слова, тут нужна прямая наша помощь, как тому расслабленному, которого четверо несли ко Христу. И порой наше положение таково, как говорил автор Никитин еще в 1857 году:

Новой жизни заря - и тепло и светло;
О добре говорим, негодуем на зло.
За родимый наш край наше сердце болит;
За прожитые дни мучит совесть и стыд,
Что цвести не дает, держит рост молодой.
Так и сбросил бы с плеч этот хлам вековой!
Где ж вы, слуги добра? Выходите вперед!
Подавайте пример! Поучайте народ!
Наш разумный порыв, нашу честную речь
Надо в кровь претворить, надо плотью облечь.
Как поверить словам - по часам мы растем!
Закричат; "Помоги!" Через пропасть шагнем!
В нас душа горяча, наша воля крепка,
И печаль за других глубока, глубока!..
А приходит пора добрый подвиг начать,
Так нам жаль с головы волосок потерять:
Тут раздумье и лень, тут нас робость возьмет,
А слова... На словах - соколиный полет!..

Очень бы хотелось развить и эту тему, но молю о том, чтобы каждому читающему Господь сам открыл нужду времени, самую основную нужду времени, и послал в мир к погибающим людям...

По воскресеньям и праздникам с молодежью посещали больных, старых, а также неверующих по домам, у кого имелся какой знакомый адрес или желание на сердце в своем городе. Ну а села вокруг?! Мертвая тишина! Никакой жизни, никаких церквей и богослужений, беспросветная тьма и невежество, народ в суете, "будучи помрачены в разуме, отчуждены от жизни Божией по причине невежества и ожесточения сердца их, они, дошедши до бесчувствия, предались распутству так, что делают всякую нечистоту с ненасытимостью". Кто им скажет о спасении? Как-то ко мне на прием приехала одна женщина, уже в возрасте, живущая одна в далекой деревне, с некоторой верой. Я предложил ей: а что, если мы приедем к ней с молодежью и сделаем богослужение? Она отказалась. Когда мы приехали, она в поле за деревней собирала картошку. Мы ее разыскали и помогли ей. У себя она принять нас отказалась. Мы поговорили с ее сыном, который жил недалеко с семьей, мирским человеком. Он нас принял. Мы пошли из дома в дом, приглашая желающих послушать Слово Божие. Несколько человек пришло. Провели богослужение. Слушателям понравилось, и нас приглашали вторично приехать. Второй раз мы договорились ехать в другое село. Кое-кто опоздал, и мы с сестрой оказались одни на этом труде. Поехали. Те лютеране, которые, мы думали, нас примут, отказались нас принять, особенно поднялись на нас их неверующие дети, и мы пошли... пошли свидетельствовать по домам. Некоторые боялись нас принять, другие, наоборот, с радостью, кто-то с предосторожностью. Но, послушав пение гимнов под гитару, чтение стихов из Библии, беседу - оставались очень довольны. Сердца размягчались. Иным оставляли что-нибудь почитать, приглашали на собрания в наш город. Людям это было очень ново и интересно. Противились особенно молодые и те, кого весть о нас, перегонявшая нас, настигала прежде, чем мы успевали что-нибудь сказать. Вскоре, после 3-4 часов свидетельства, мы узнали, что уже доложили парторгу и нас ищут на автобусе. Мы вынуждены были прекратить и идти на автобусную остановку, и тут приехали остальные наши, думая попасть на организованное богослужение. Мы им рассказали обо всем и пошли к близлежащему озеру и лесу и там провели прекрасное служение и отдых. Домой поехали, радуясь.

Приходилось как-то быть три месяца в одном городе на специализации. Нашел я верующих, наше общение было сильным, духовным, многочисленным; много молодежи. Как-то при встрече Нового года я высказал предложение о нужде поехать со свидетельством и посещением в село. Кое-кто согласился. Утром же нас на вокзале оказалось 2 -3 человека. Я опечалился. Такая сила, такое множество, а тут... Мы поехали. Побыли у них на собрании в селе. Затем я предложил посетить неверующих со свидетельством, знакомых и т. д. Мы пошли, три человека. Даже зашли в дом, если это можно назвать домом, где жили люди опустившиеся, грязные, странного образа жизни и сомнительной репутации. Но Слово они не отказались слушать. Грязь на стенах и на полу, сесть некуда. Но сердце пело. А какие благословения, какой интерес, какие вопросы, слезы. И так один дом, затем другой, третий. На другой день одна душа пришла и покаялась. Не знаю, правда, ее дальнейшую судьбу. Каждое, почти каждое воскресенье - село. Нигде, нигде нет свидетельства. Все заняты только сами собой. Ехал я в основном один. Помощников не было. Потом мне уже сказали, когда я уезжал: "Почему не приглашал с собой?". Ищущий труд - найдет его. Да и во мне ли дело? Я - ничтожный человек. Сколько могло бы быть организовано групп для свидетельства в своем городе, в окружающих селах из этой многочисленной молодежи! Труда такого не было. Радовались, когда я начинал пение в автобусе, ибо гитара всегда была со мной, и хорошая гитара, с крупной надписью: "Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное". И куда бы не приезжал, изредка, кое-где слабые попытки ко свидетельству. Как исполнятся слова Христа: "И проповедано будет сие Евангелие Царствия по всей вселенной, во свидетельство всем народам"? Время идет. Каждую секунду в вечность уходят два человека в мире. В каждом большом городе - почти ежечасно - человек. Сделали ли мы возможное, чтобы эти люди спаслись? Как мы им посмотрим в глаза перед вечной разлукой - им - в огонь адский, нам - в рай?!

Чтобы каждый житель нашей страны хотя бы основное узнал о спасении своей души, о вечности, о Боге, то каждому верующему придется беседовать в день с 130 неверующими. Если же с каждым по часу хотя бы, то на это уйдет месяц, беседуя каждый день по три-четыре часа! А мы?! Что делает каждый из нас?! Круг наш замыкается на работе и знакомых. И им не всегда и не всем, и очень мало, мимоходом, о Боге, о самом важном! Я не могу исправить положение. А сердце рвалось к грешникам! Их так много! Псалмопевец в 39 Псалме говорит: "Хотел бы я говорить и проповедывать, но они превышают число".

Как же охватить как можно большее количество людей свидетельством? Вспомнил я царя Навуходоносора и персть, пишущая на стене... Читали все гости царя, а их было множество, и великие, и малые. Поехали сначала с братом на место отдыха людей, на гору, И на камнях написали краской и кистью некоторые призывы. Безопасно, народу как-раз не было, и в то же время радостно - что-то сделали для Господа, для спасения грешников. Но кисть в городе - слишком неудобный инструмент. Придумали и сделали трафарет: "И будет: всякий, призывающий имя Господне, спасется". Поехали поздней осенью, еще подвез милиционера до желаемого им места, он еще удивился: куда в такую пору и в такой холод? Думали пульверизатором для побелки брызгать на приставленный к красноватой стене трафарет, и слова отпечатаются на стене. Пока доехали на мотоцикле - руки не слушались, холодно. Выбрали место, расставили инструмент, а пульверизатор не действует. Оказалось, мороз схватывает льдом отверстие, откуда брызгает известь. Пришлось мероприятие отложить до более теплых времен. Сами, забрызганные известкой, поехали к одним верующим, заночевали, а утром раненько домой. Зимой у брата созрела мысль: а что, если взять аэрозольную краску в баллончиках? Действительно, мысль хорошая. Мы взяли 10 флаконов и в один из майских теплых дней на автобусе поехали в тот же город ночью, дабы нам не помешали. Сначала трафаретом, а потом и без него, писали призывы - слова из Священного Писания - на наиболее видных удобных местах, стенах домов. Тут-то прочитают и задумаются многие. Мы шли и писали до изнеможения. Ведь город большой, и надо охватить как можно больше. Баллончик очень удобен: нажал на кнопку, и только успевай водить рукой. Некоторые надписи были до 18 метров длиной. Буквы - сантиметров 30 - 40 высоты. Внушительно и, главное, видно издалека. А пока спохватятся и сотрут - большая часть людей прочтут слова жизни, а эти уже расскажут остальным. Так что труд, и немалый, свидетельство, хоть и не проповедью, как Христос сказал, но Его слова доведены почти до каждого сердца этого города.

Естественно, находились и противники, и хулители. Но разве их не было во время Христа? Разве их не было во время проповеди учеников Его и после них? Радость от подобного труда была огромной. Мы шли пешком, временами останавливались для молитвы и отдыха. Все обошлось хорошо. Мы уехали домой и продолжали трудиться дома. Весть о прочитанном разнеслась и в другие города.

Срок я отсиживал очень далеко от дома, в городе Гурьеве, и надо же так, сам начальник колонии читал в свое время написанное мной на стене дома напротив, где он жил в городе Целинограде. Туда мы приехали тоже на автобусе с братом где-то через месяц-полтора после предыдущего и написали уже больше и смелее, чем раньше. В третий город мы поехали через месяц. Перед этим я еще съездил домой к родителям. Господь дал мне эту радость еще побыть с ними.

Писали следующее: "Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное", - первые слова Христа при начале Его миссии. "Верующий во Христа имеет жизнь вечную". "Бог есть любовь".

"Только в Боге успокаивается душа моя". "Ты нуждаешься в Боге!".

"Кто будет веровать и креститься - спасен будет, а кто не будет веровать - осужден будет".

"Ищите Господа, когда можно найти Его, призывайте Его, когда Он близко".

"Веруйте в Евангелие".

"Счастье только в Боге".

"Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят".

"Человеку надлежит однажды умереть, а потом суд...".

Ну и многое, многое другое, что могло бы коротко и ясно выразить всю сущность бытия нашего, греховность души, предстоящего суда и любви Божией и вечности.

Хотелось сделать еще больше, а ноги уставали.

- Давай поедем на мотоцикле?

- Давай.

Поехали. Сначала, правда, думали поставить его у одних верующих, подъехали к ним, они уже спали, будить не хотелось. Я развернулся, и мы поехали. Мотоцикл ставили подальше, и писали, чтобы не быть замеченными. Здесь уже мы (вернее, я) писали на самых видных местах, не боясь, хотя соблюдали осторожность. Господь дал сделать много за эту ночь. В последнем баллончике оставалось немного краски. Мы уже ехали по направлению домой. И тут мелькнула такая мысль: "А вдруг через эти слова, написанные этой последней краской, покается человек?". Я свернул к домам, мотоцикл поставили невдалеке. "Человеку надлежит однажды умереть, а потом суд", "Бог есть любовь".

Оказывается, слова я писал на каком-то учреждении, а там была женщина-сторож. Поняв смысл слов и кто мы такие, она, не боясь, окликнула меня и спросила мое имя. Я счел излишним говорить свое имя, и мы потихоньку стали уходить. Женщина отчитала. Я обошел кругом, сел на мотоцикл, захватил брата, и мы поехали домой.

Господу угодно было, я твердо верю, повести меня именно таким путем. Тут не было ничего случайного. После, анализируя, я понял, что женщина та заметила номер моего мотоцикла и заявила. Вот мы и подошли к тому моменту, с которого я начал. Побыл я еще дома субботу, воскресенье, а в понедельник меня дома уже ждали.

Второй арест

Вот с этого, можно сказать, началось или, вернее, я продолжил учебу в высшей школе жизни, которая началась на общем режиме в тюрьме. Я сам не люблю длинных, подробнейших и утомительных рассказов, они занимают слишком много такого драгоценного времени. Короткого отрезка времени, данного нам Господом на этой земле. Она должна быть как можно полнее насыщена деянием, жизнью, сеянием и жатвой. Сам тоже не могу рассказывать подробно и долго, да и память не оставляет в себе всех подробностей. Когда приходилось говорить Слово, как только замечал скучающих слушателей - закругляся Так же и здесь боюсь утомить читателя подробным описанием тех четырех лет на строгом режиме, и, в то же время, хотелось бы полнее, яснее осветить то, что многие еще не видели, возможно и не слышали, не пережили, с тем, чтобы соучастие наше к погибающим грешникам умножилось, сердца наши стали горячи, свидетельства и пламенные молитвы за всех людей достигли предела, ибо время последнее!

Итак, я подъехал к дому, зашел во двор, поздоровался с милицией. Громко удивился, что меня уже ждут гости. Мне предъявили санкцию на обыск с Темиртауской прокуратуры, дали расписаться, и началось.

Не впервой, правда, нашему дому доводилось испытывать такое небрежение к порядку в нем. Переворачивалось всё, заглядывали всюду, остукивали всё, перелистывали и читали чуть ли не каждый листочек. Тут же ходили понятые и тоже смотрели, как бы что не ускользнуло от глаз ищущих. А их было немало. Даже дрова не оставлялись на месте, земля в огороде перекапывалась и обследовалась местами; чердак, крыша, уборная обследовались до мелочей, даже навоз в конюшне за свиньями и коровами переворачивался. Подпол, гараж, - в общем, ничего не оставалось необследованным. Но была закрыта на ключ комната матери, которая ее закрыла перед отъездом в гости. Как я был рад, что она на этот раз не видела всего, и сердце ее хотя бы этим не ранилось, ее больное сердце. Как она радовалась и улыбалась, когда я их провожал, и автобус весело покатил их в сторону юга, в сторону фруктов, которые она так любила и, надо сказать, так мало могла есть, - край наш не растил фрукты, можно сказать - солончаки. Но меня туда послал Господь, мы молились о том, чтобы Он дал мне там работу по специальности, где бы Он хотел, чтобы мы были.

И действительно, потом я понял, что нужда в том городе была огромна в труженниках. Начали мы с 8 членов церкви. Когда я был взят, было где-то за двадцать, и молодежь, и оркестр так хорошо играл, что, конечно, всё было делом милости Божией и Его благословений.

Итак, мама, жена и детки поехали гостить на юг, кроме одной дочки, которая осталась с нами. Знало бы тогда бедное сердце матери, что она меня видит предпоследний раз на этой земле. Через год мы с ней виделись еще полминуты буквально, где она только и смогла произнести: "Ваня...!" - когда меня вели мимо решетки на свидание к жене с детьми и родной матерью. А ее, тещу, конечно, уже не могли пустить. А как она меня хотела еще повидать! Сколько слез и сколько молитв было произнесено, хотела дождаться, но не дождалась... Еще через год путь ее на этой скорбной земле кончился...

Итак, когда они гостили, дома у нас был обыск, и комната ее была закрыта на ключ. Ищущие настаивали туда пройти. Как? У меня ключа не было. Дверь была со стеклом. Я предложил: разбейте на крайний случай стекло и залезьте, там нет ничего вас интересующего. Но меня не послушались. Взломали дверь топором и ломом, всё перевернули и там: вдруг мой будущий следователь вышел с торжественным возгласом, неся перед собой варежки-спецовки (мать мне их хранила на случай осени и грязи - ухаживать за скотиной и работать на улице). Следователь, видимо, думал, что я в них писал и на них остались следы краски. Но он ошибался. Всё тщательно переписывалось и многое изымалось: тетради, записные книжки, песенники, письма, деньги, которых было немного, адреса, записки, всякая литература, открытки, и даже Библия и песенник усопшего отца (тестя), которые были еще царского издания. Магнитофонные ленты, правда, оставили, так как их многократно до этого забирали, проверяли, прослушивали и возвращали после долгих ходатайств. Особенный интерес для них составляла литература, изданная издательством "Христианин". Пришел один из милиционеров и сказал, чтобы мы с ним прошли в летнюю кухню, нет ли там чего. Я отказался, сказав, что это будет не ново, если они мне припишут статью за хранение столового ножа. Это, видимо, его остановило, и они пошли дальше искать. Обыск длился очень долго. Дело шло к вечеру. Временами делать и говорить было уже нечего, - приходилось крепиться, чтобы не возмутился дух, а тем более плоть, когда попиралось ногами самое святое, когда в нас видели таких страшных преступников, и каждое движение принималось за умышленное и зловредное. Часто приходилось успокаивать сестру, которая жила, как я уже писал, с мужем и детьми у нас временно, пока покрасят свою квартиру. Она видела такое впервые.

Паузы, пока другие искали, читали, писали, мы заполняли пением.

Взяли гитару, песенник - и давай петь. Кое-кому понравилось и стали просить еще. Ну мы и не отказывали. Дочь между тем каталась на трехколесном велосипедике по комнате, мало понимая, что происходит: папа рядом и притом поет, - что может быть за опасность? Всё спокойно; значит, можно и покататься. Я-то предполагал, и оттого сжималось сердце, но она не знала, что через час-два с папой разлучиться придется надолго.

Когда обыск был закончен, следователь мне великодушно еще сказал: "Сделайте наказ по дому", - и дал еще нам всем вместе помолиться одним, без их присутствия в зале, где часто проходили наши собрания, до того близкие и родные...

Видимо, надолго... Хотя следователь утверждал, что довезут до отдела, разберутся и отпустят.

Я же был в поисках: как быть? Врать, что не я... нельзя и не могу; молчать - не имеет смысла, все равно докажут. Сознаться?.. Но ведь я не один. Посоветовался с сестрой, но ведь и она не хотела мне срока...

Взял на руки дочку, донес до ворот, поцеловал и отдал сестре...

Меня повели... Повстречался сын соседки, часто пьющий. С презрением и гордой усмешкой посмотрел на меня...

Как я понял, соседка, хоть и немного держалась православного исповедания, но ее уговорили следить за нашим домом... Это было больно... Полгода до этого у нее умерла от неудачной операции аппендицита молодая дочь. Ее сын, встретивший нас, умер тоже где-то через год. Печальная участь, когда могли бы вместе радоваться у ног Господа. Соседка осталась

одна бедной вдовой. Итак, меня посадили в машину и повезли: следователь, шофер и я. Повезли мимо отделения и все далее и далее из города. Машина шла легко и быстро. Мимо проплывали знакомые места: шахта, поселки, стройки, посадки. Мысленно я прощался со всем этим и вдыхал, вмещал, наслаждался. Следователь все допытывался, я или не я писал стихи на домах. Я ему говорил: "Потом скажу". И размышлял: "Как же быть?". И, надо сказать, что все более росла уверенность в том, что лучше сказать, как есть, и взять все на себя, не втягивая и не вредя никому. Так будет лучше, видимо. "Меня уже не отпустите?" - спросил я. "Конечно, нет", - ответили мне. По дороге разговорились со следователем. "Почему вы не ходите к православным?" - спросил он. "Вы, наверное, видели, возможно, сами задерживали пьяных пьющих попов?". Он согласился, и вопрос был ясен, когда я ему пояснил о другой стороне дела. Привезли меня в отдел того города, где я писал. Коротко был допрошен следователем. Он тут же печатал на машинке протокол допроса. Временно закрыли в так называемый "телевизор", а затем в 12 часов ночи меня и еще одного пьяного человека, который вместо своих туфель надел туфли жены и пошел на улицу, где и был задержан, -в КПЗ. Наверное, вы знаете, что это такое. Оно, на мое удивление, было просторным и чистым, даже светлым, - коридор, разумеется. За черными, небольшими железными дверями, которые видны были недалеко друг от друга на противоположной стороне, начинался другой мир. Мир темноты и клопов. Мир грязи и вшей.

За дверьми камеры начинался мир тесноты и горя, мир голода и неизвестности, мир ожидания, что принесет следующий час, следующий день. Правда, если говорить о голоде точнее, то он скрашивался все-таки передачами для некоторых. Кормили раз в день первым, вторым и чаем с хлебом. Самое трудное в этой школе, видимо, все-таки начало, подобно тому, как, когда нужно переплыть реку с холодной водой - окунуться, когда вода обжигает тело. А когда тело привыкнет - и вода, вроде, теплее, и страх прошел. Меня обыскали, отобрали последнее, что я имел: маленькую книжечку со списанными песнями и стихами. Некогда мы с сыном много пели из нее. Она мне была сделана еще братом на общем режиме. Пришлось отдать, хотя желания такового не было совсем. Скандалить - будет ли смысл? Сняли шнурки с ботинок, ремень, часы, изъяли рубль с копейками и открыли камеру. Немного жутко. То ли в шутку конвою, вернее, дежурному сказали: "Политический!". В камере, к моему облегчению, был всего один человек: маленький, картавящий человек лет четырнадцати, хотя выглядел лет десяти.

Ну и нас ввели с тем пьяницей, которого через два дня отпустили, признав невиновным. Я очень боялся того, что будет подстроено так, что брата, который был со мной, вызовут и скажут, что я про него все сказал, и он поверит и скажет более, чем нужно, и его тоже арестуют. Очень я этого боялся, ведь он так нужен был церкви, молодежи на месте. Тружеников, особенно молодых, там не было, сколько мы ни просили, приглашали, убеждали. Передал с этим человеком, который уходил, чтобы он сходил, сказал, как обстоит дело, и чтобы спрятали мотоцикл. Очень я молился и переживал за брата.

С вольных дорог, когда ветер свистит, овевая лицо, и скорость и быстрота движения зависит только от поворота ручки газа, после уюта дома, ласки детей, улыбки жены, после дорогого общения братьев и сестер, после музыки и пения, после обильного духовного и физического стола, надо сказать, стены камеры давят, и давят довольно сильно. Четыре, пять шагов туда - стена, поворачивайся, четыре, пять обратно - опять стена. От лежания начинают болеть кости, ибо и подушкой, и матрасом, и одеялом, и простыней являются то, что надето на тебя. А дело было в начале августа, фуфайку или пальто еще рано надевать. Вскоре мне принесли обвинение. Следователь сказал: "Думали, думали мы с прокурором и толком не могли подобрать тебе статью. Распишись за 200 статью (хулиганство)". Что делать? И согласиться трудно. Теперь дьявол порадуется. После я написал несогласие с квалификацией статьи, но разве наш голос слышен?

Ночью спал урывками. Клопы заползали под одежду и кусали. Оценивая сделанное, я не жалел о нем, сознавая, что в стане Люцифера это вызовет немалое движение, и многолетнее спокойствие там крупно нарушено, и многим, очень многим указан путь к свободе, к спасению, к свету, и, поэтому, будет сделано все, чтобы наказать меня как можно строже. Рассчитывал лет на семь.

Верил и душою чувствовал, что братья и сестры рядом, молятся, сочувствуют, хотя сознавал и то - и немало переживал - многие ли меня поймут, и не буду ли я осужден своими же. А это больнее всего. Втайне ждал какой-нибудь привет, весточку с воли, от своих, но все было тихо. Правда, слышал, что приезжала жена. Через четыре дня нас погрузили в воронок и повезли в тюрьму. Ощущение опять же не из приятных. Будка без окон разделена на два отсека: задний побольше, где нас иногда набивают довольно много, что и вздохнуть трудно, и передний с дверью для входа, с сиденьем для солдат с автоматами, там же огромная собака, и там, прямо как входишь, два "стакана", то есть две отдельные маленькие камерки с одним глазком наружу к конвоирам для особо опасных преступников, для женщин, которых везут отдельно, для малолеток и общественников. Однажды и мне пришлось ехать в нем. Видимо, посчитали меня слишком опасным для общества, ибо где люди - там души, а где души - там нужно слово для нее, а где слово - там и плод, хороший или плохой.

Через минут сорок или чуть побольше въехали в Караганду. В щель в дверях конвоя была видна полоска света - полоска мира: беззаботно шли люди, кто в магазин, кто с работы в уютный дом, кто просто шел и вдыхал свежий воздух последних дней лета и радовался солнышку. Мимо плыли дома, деревья, автобусы, люди. Никто не оглядывался, да и трудно догадаться, что в такой снаружи безобидной машине внутри томится столько сердец в духоте, изнеможении, иногда сидя один на ногах другого или стоя впритирку с неизвестным и страшным будущим. Подъехали к тюрьме. Вскоре она раскрыла для очередной партии машин, таких же, как наша, свой страшный зев - ворота. Нас перекликнули, пересчитали и ввели в камеру. Тюрьма эта меня принимала уже со вторым сроком. Нельзя сказать: как в дом родной, - но, все-таки немного спокойнее, чем в первый раз было на душе, так как многое было знакомым и известным. Тюрьма. Один Господь Бог видит, знает всё, что там происходит. Какое великое скопление людей в одном доме, и, притом, не таком уж большом. Две-три тысячи. Двухярусные нары, спят часто по двое, а то и по трое на одном месте, спят под нарами на полу, спят просто на полу. Подъем рано, в шесть часов. Разносить посуду и готовиться к завтраку начинают еще раньше. Черпачок жидкой каши - ложек десять, 650 граммов хлеба на день. В обед - чашечку супа, о качестве его трудно писать: капуста, вода, иногда 2-3 картошки с воробьиное яйцо. Изредка такой же кусочек мяса. Вечером опять черпачок каши. Две чайных ложечки сахару. Всё. Если думать о еде тяжело, то стараешься не думать, не говорить о ней, читать что-нибудь, лежать побольше. Самое радостное - это время сеяния, когда завязывается мирная беседа, возникают вопросы, и как хорошо, когда в душе есть масло, есть также Слово - знание, есть стихи и песни в голове, есть любовь и соучастие к погибающим грешникам.

Опять же затхлый запах и духота, мучают одежные вши, ибо матрасы очень часто переходят из рук в руки. Простыней нет. Часто нет ни кружки, ни ложки. Свет в окно почти не проникает - много решеток, и к тому же еще жалюзи - щиток, чтобы невозможно было смотреть на волю и сообщаться с другой камерой. Но все равно сообщаются, и при том проявляют удивительные способности: стучат по трубке отопления, и тот, кто говорит с одной камеры, ставит кружку дном на трубку и громко говорит в кружку, тесно прижав к ней лицо. Другой, в другой камере, иногда на значительном отдалении, ставит кружку открытой стороной на трубку, ухо прикладывает к кружке и слушает.

Жажда к общению и нужда в том очень большая. Идут даже на то, что снимают рукавицу, колено - трубу для умывания, и говорят в нее - тоже слышно. Или тряпкой высасывают воду из колена раковины туалета и кричат в нее и говорят с окружающими камерами, вплоть до камер со смертниками.

Тюрьма, тюрьма! Сколько ты видела ужасов и слез, сколько ты слышала проклятий и стонов, сколько ты видела крови и смерти! Никогда, мне кажется, человек не сможет обрисовать полностью картину, которая бы отобразила ее жизнь за один день, ибо он не сможет быть свидетелем всего. Он знает только то, что происходит в его камере, и то не всё. Стражник не знает того, что делается в камере, всего, хотя и наблюдает в глазок. Один Бог знает, что творит дьявол с бедными душами в этих серых, закопченных стенах, откуда выход так узок, и пока его ожидаешь - седеет волос, слабеет здоровье, ожесточается сердце, черствеет душа...

Тюрьма имеет свои "хитрости"

Итак, еще о тюрьме. Все сделано для того, чтобы разобщить людей, разделить друг от друга, что очень похоже с действием Люцифера - побольше перегородок между людьми, церквами, веротечениями. Разговор камеры с камерой запрещается, пение, тем более совместное, не разрешается, так же передавать записки или что-любо другое тоже нельзя. А ведь человек создан для общения. И делается все, чтобы как-то узнать что-любо друг о друге, переговорить, повидаться. Залезают к окну и кричат очень громко нужную камеру, когда докричатся - начинаются переговоры. Естественно, надо учитывать, что это слушают очень многие. Иногда нужная камера так далеко, что докричаться не удается. Были вместе на одном деле друзья, иногда брат с братом, отец с сыном больше месяца ничего не могут узнать друг о друге, хотя находятся в одном здании. Однажды я, попросив разрешения у старшего в камере, этот способ общения через окно использовал в ночь перед Рождеством для громкого троекратного поздравления всех с Рождеством Христовым. Иногда прямо из одной камеры в другую проскребаются (часто отточенной ложкой) маленькие незаметные дырочки для общения и передачи записок. Иногда ухитряются вынимать из стены даже блоки и делать побеги. Умудряются стрелять через решетку окна резинкой с железкой, к которой привязана нитка. Когда железочка попадает в цель - в другое окно, - то к нитке привязывается веревочка, и из одной камеры тянут в другую по веревочке почти все, что нужно: одежду, простыни, сахар, масло, курево и т. д., свернутые и завернутые в трубочку, особенно это легко из верхней камеры в нижнюю и наоборот, и в соседнюю сбоку, протянутая нитка из окна в другое - достаточно для общения. Чтобы этому помешать, служба охраны приваривает, перегораживает снаружи окна, стены поперечными метровыми сетками. Надо сказать, что все это общение делается вслепую через толщи решеток, и еще через шлюзы, если их разогнуть, и то отверстие через них не толще ладони. Нужно много терпения, сноровки, ловкости, находчивости, чтобы с веток дряхлого веника сделать "коня" -длинную палочку, и с ее помощью добиться связи с другой камерой. Так помогают друг другу, поддерживают, сообщаются. И если кого-то заметят с коридора за этим занятием - наказывают. Однажды удалось и этот вид связи использовать для свидетельства, даже дважды, может больше. Писали смертнику письмо в подвал и что-то еще, видимо, ему передавали. Я попросил, могу ли я ему что-нибудь написать о Боге. Как радовалось сердце мое, когда я смог хоть немного написать о Христе тому, кто жил, возможно, последние дни на этой земле, был приговорен к высшей мере наказания. Вообще, человек в подобном положении очень нуждается в Боге, в каком-то утешении. Было у меня желание добиться разрешения у начальника тюрьмы идти в камеру смертников со Словом Божиим, когда сидел там перед первым судом, но он меня никак не хотел принимать. Беседовал с человеком, который был приговорен к высшей мере наказания и затем ждал утверждения приговора Верховным судом города Москвы. Он говорил: "Я почти с ума сходил. Но хорошо, я в детстве читал книгу буддистского содержания, что душа человека не умирает, а переходит после смерти в камень, растение, животное и т. д. И вспоминая и размышляя над этим, мне было легче, и я находил себе в этом утешение. Правда, потом Москва ему заменила высшую меру наказания 15 годами и 5 годами высылки, срок у него кончался где-то за 2000-м годом. Когда я встретился с ним в этапной камере, я возымел почему-то желание поговорить с ним. Поговорив и узнав вышеописанное, я рассказал ему о жизни вечной с Богом, о вере, о спасении души, о блаженстве на небесах спасенных. Он соглашался, не спорил, и это было уже много. Радостно, не так ли, первый раз быть первым на пути совершенно слепого человека и указать ему путь к Свету?! Кто и когда бы ему сказал истину?! Не для этого ли меня послал Господь в эту школу?!!

Вообще трудно, даже невозможно представить себе чувства, переживания человека, находящегося в одиночной камере, тем более, под расстрелом, который ждут иногда месяцами. Один судья, или писатель, захотел испытать то, что испытывает смертник в камере. Договорился

с прокурором вынести ему высшую меру наказания и отправить в тюрьму, чтобы тот, естественно, через несколько дней пришел, объяснил все и его выпустил. Судью закрыли. Та же камера, та же стража, что у смертников, а он спокоен. Ведь его выпустят назавтра, он знает это. Назавтра он получает газету и... находит в ней статью о смерти прокурора, который его должен был выпустить. За одну ночь он поседел. Статья была поддельная. Его выпустили. Но он уже смог теперь описать, рассказать, что переживает смертник, и сочувствовать ему...

Разговаривал с человеком, сидевшим в камере смертников, но еще только под следствием за небольшое преступление. Он рассказывал: "Когда меня ввели, все лежало нетронутым в углу на столике: колбаса, яйца, печенное, сахар, сало, курево и т. д. -покрытое плесенью. Читать было много чего. Сначала было легче. Но вскоре стало невыносимо. Тишина, камера маленькая, одна нара, столик, унитаз. Спал днем, потому что ночью боялся. Как только повернусь к стене - кажется, что кто-то сзади крадется, какая-то старуха, вижу тень, кошмары... Наконец не выдержал, так как сидел уже около шести месяцев один, решил повешаться. Правда, хотел так, чтобы стражник, который каждый раз, когда идет мимо и заглядывает в глазок, успел снять меня. Я привязал к решетке окна веревку, накинул на шею и прыгнул вниз... Очнулся... Надо мной стражник, дверь открытая, меня перевели в общую камеру... Камеры смертников, карцеры находятся в подвале тюрьмы. Там же камеры для осужденных на строгий режим и особо строгого содержания. Вообще, тюрьма расположена так, что малолетки, женщины находятся наверху, их беззаботность иногда слышна с улицы проходящим людям. Те же, которые опаснее - они прячутся все дальше и все глубже. Внизу особенно трудно с воздухом, особенно в летнюю жару. Правда, каждый день выводят на полчаса на прогулку, тоже стены штукатуренные типа "шубы", и вместо потолка - множество сеток и решеток, и вверху еще ходит стражник. Но эти полчаса так быстро кончаются. А когда привозят в тюрьму, держат в транзитных камерах 1 - 3 дня, там нет прогулок, часто нет нар, иногда и пол цементный, духота и дым невообразимой густоты, и дышать порой очень трудно, не то, что дышать - существовать. Все курят и почти разом, тут же сжигается всё, что горит: сало, простыни, рубашки, полотенца, брюки и т. д. под чашкой, с тем, чтобы сварить "чефир" - очень крепкий чай. Пачку чая кладут на кружку воды, и пьют его несколько глотков. Повышается настроение, появляется бодрость, разговорчивость, пропадает аппатия на несколько часов. И опять требуется то же самое. И если его нет - болеют: разбитость, головная боль, вялость, раздражительность. И чтобы добыть чай, дается всё: снимают с себя и с других дорогостоящие вещи, золотые коронки. Что стоило на воле сотни рублей, здесь отдается за несколько пачек или плит чая. Торгуют из-под полы, или сама же охрана или обслуживающий персонал. Если платить деньгами, то за пачку чая платят рубль, за плиту - 5 рублей, иногда 10 и даже 15. Всё буквально, всё отдается и разменивается на чай, курево, наркотики. Как только кто-то зашел в камеру в приличной шапке, пальто, свитер, ботинки, костюм -может, это последнее, может, некому ему больше принести - на это не смотрят. Не снимешь сам - снимут. И очень редко кому удается сохранить свои вещи. Некоторые, очень не желающие отдавать, попадают под кулаки и побои. Но в некоторых тюрьмах в этом вопросе немного по-другому.

Попадая в тюрьму, человек должен знать: тут с него спросится многое. Особенно строго наказывают сами же сокамерники тех, кто раньше был в зоне общественником (зоновская милиция) или работал там поваром, завхозом, комендантом, подрядчиком, бригадиром и т. д. Ибо эти люди очень часто низко падают и наживаются за счет других или издеваются над другими. Затем строго спрашивается с тех, кто на воле насиловал малолетних девочек, своих дочерей и т. д., или был дружинником, или работал в милиции и подобной системе, или предавал людей, где бы это ни было. Попадают в тюрьму люди всяких возрастов, от 13 - 14 лет до 70 - 80 лет и старше, так же слепые, хромые, калеки, безногие, бездомные, безрукие, здоровые и больные, простые и работники управленческого аппарата, неграмотные и образованные, верующие и неверующие. V каждого своя жизнь, своя душа, своя индивидуальность, были свои радости, и появилось свое горе. Личное горе более других, потому что оно свое. А когда человек в горе, в нужде, в голоде - он теряет остаток совести, понятие вежливости и гуманности, и по головам других бежит к своему кусочку хлеба, кусочку мыла, глотку свежего воздуха, окурку, малейшей радости.

О, как же этой тьме нужен Свет!

О честности, человечности, взаимопонимании почти не приходится говорить, ибо такого почти не остается ни у кого. И как тут, именно тут нужен свет, свет с неба, любовь, соучастие! Нету большей радости, и у меня не было, как после того, как удавалось (а она почти всегда была) завести беседу вечером или днем о Боге. Иногда она длилась 5 - 6 и более часов. Полная камера, 30 - 40 человек, никогда, никогда так близко не то что слышавших, не видевших верующего человека. Сколько вопросов без всякой фальши, искреннее удивление, восхищение, робкие высказывания, желания: "А что, если я тоже начну веровать?". Или: "Как стать верующим?", - и т. д. Иногда удавалось даже приготовить желающим письменное назидание. Иногда спеть. Поэма "Молитва матери" приносила особый успех. Не ради этого ли послал меня сюда Господь?! На воле я бы этих людей никогда бы не встретил, да они бы меня там, возможно, и слушать не стали, а здесь их остановил Господь, посадил их со мной в одну камеру: "Слушайте! Слушайте! Слушайте!". И горе мне, если бы я молчал. Думаю, что на воле я бы не смог, не успел столько сделать для погибающих грешников. Весть обо мне, о Христе опережала меня и текла уже через уста неверующих в другие камеры, в другие тюрьмы, в другие города. Между прочим, связь и оповещение без всякой почты, литературы, телеграфов между разными тюрьмами, лагерями и вообще заключенными всего края, областей, часто большой страны, налажена лучше, чем мы можем себе представить. Связь устная. Информация, имена, люди, события держатся в памяти людей, а их перевозят - одного оттуда сюда, другого - отсюда туда и т. д. Постоянно по строгому расписанию идут поезда с прицепленными к ним вагонами для заключенных, и они почти всегда переполнены. И движутся эти поезда днем и ночью в разных направлениях страны. И удивительно: знают много и очень много, знают многих, и часто мне приходилось удивляться, насколько точны сведения о людях, друг о друге в этой системе, хотя находятся в разных лагерях, а связь и переписка между зонами запрещена. Этому единству, этому стремлению к общению этого отверженного народа надо бы нам научиться. Хотя всё направлено к тому, чтобы разделить, разрознить людей в этой системе, о чем я напишу ниже. В памяти у них хранятся факты, события, разговоры, слова прошлого и настоящего, и в такой подробности, что приходится удивляться. Тогда вспоминается история Библии, как с начала, с самого начала передавались из уст в уста, от поколения к поколению пути и воля Божия, Его заповеди и Его учение, и вообще история, и в памяти хранилась не одну тысячу лет, пока не отобразилась уже буквально недавно в книгах. Поистине, мудро и удивительно построил Бог человека.

Остановился я на том, как нас привезли в тюрьму. Втайне боялся того, чтобы не попасть в пятницу в тюрьму, ибо кто туда прибывает в пятницу после обеда, уже распределения по камерам не бывает до понедельника, и приходится трое суток сидеть в одной камере очень большому количеству людей без всяких удобств, без столов и скамеек, без нар и постели. В грязи на полу сесть - и то не всем всегда есть место. Мешает иногда очень большая духота. Притом у меня такой организм -очень быстро устаю в одном положении: хоть сидеть, хоть стоять, хоть лежать, а остальным это причиняет неудобства. Легче тому, кто выдерживает хотя бы полдня сидеть на полу, или лежать на одном боку, или стоять, - но начинает неметь тело. А с другой стороны, душа хотела именно пятницы, три дня -достаточно времени для того, чтобы найти подходящий момент для беседы и провести ее, побеседовать отдельно с наиболее интересующимися, немного узнать друг друга и довести главную мысль до глубины сердца с помощью Духа Святого. Попал я в пятницу в тюрьму. На распределение мы опоздали. Нас завели в камеру, где был стол и стояло несколько пустых нар, что бывает редко. Но дверь всё чаще открывалась, и вводили, запускали еще и еще людей, которых привозили из разных мест, и народу стало так много, что уже и на нарах полно, и на полу, и не рады уже столу и скамейке и нарам, ибо давка великая. Когда уже давление стало нетерпимым, начали стучать в дверь и требовать разделить на две камеры, ибо знатоки тюрьмы знали, что есть свободные камеры. Долго просили, долго стучали, но, в конце концов, все же, когда волнение выросло до больших размеров в камере, нас разделили на две камеры. Я остался здесь. Узнал потом, что другая

половина спала на неровном полу (бетонном). А дело ведь еще летом - в одной рубашке, у кого, правда, костюмчик, подстелить почти нечего.

Вечером, как я и молил Господа о возможности начать беседу, она состоялась. Продолжалась и в последующие дни. Разные судьбы, о, насколько разные и интересные. Если бы они удержались в памяти.

Вспоминаются только самые яркие, о которых пойдет речь позже.

И каждый достоин сожаления, жалости, сочувствия, и всех любит Господь, и за каждого из них Господь Иисус проливал Свою кровь.

Почти по каждому из них плачет дома старушка-мать или жена, сестра или сын, дочь или друг. А по другому вообще некому плакать, жил он один, принимала его улица; был при деньгах - были друзья, был здоров - были иждивенцы, а теперь попал сюда - и те, кто и что осталось там, мгновенно его забыли, ибо настоящей, искренней любви, любви Божией они не знали. Кто-то был близок к достижению цели: у кого - любимая, у кого - работа, у кого - карьера. И тут всё рухнуло, всё... Представьте себе разочарование человека. Каждый говорит, что попал ни за что, хотя и есть действительно таковые. И тогда я часто рассказываю пример. К нам в страну приехал гость с иной страны, и ему позволили в память о его пребывании здесь освободить по своему желанию одного из заключенных. Обойдя ряды, он у каждого спрашивал, за что он сидит. Каждый говорил: "Ни за что". Подойдя к крайнему, он и его спросил то же. Тот ответил: "Я сижу за дело, и наказан правильно, по заслугам моим". "Вот этого отпустите, - сказал гость, - ибо он осознал свою вину".

Когда дело приблизилось к ночи, мы поняли, что спать не сможем, ибо клопов было слишком много. Стена была поштукатурена в виде "шубы", ну это так, как получится, если бросать раствор через сетку на стену, и он получается такими буграми и ямками, бугорки часто острые, так что и прислониться к такой стене трудно. И вот в этих щелях и прятались клопы. Ночью они начинают торжествовать и охотиться. Ползут везде, расползаются, а если им неудобно все же доползти до своей жертвы - они ползут по потолку и останавливаются как раз над тобою и точно падают, куда им надо: на голову, руку, за шиворот, на одежду, телогрейку и т. д., и затем, при удобном моменте, впиваются и сосут кровь. Почти каждый раздавленный клоп уже содержит в себе кровь - где-то насосался. Я вспомнил раздел из книги Н. П. Хромова "Клопинный ад". Кусали клопы неимоверно. Многие и не пытались ложиться. Особенно, кто помоложе. А попадает, надо сказать, сплошная молодежь - 18 - 25 лет. Редко видно седую голову. Пытались имеющимися тетрадными листками и газетами поджигать и пламенем выгонять клопов из щелей нар, затем быстренько вытряхнуть их из одежды и немного поспать. Урывками удавалось, и то лишь тогда, когда уже усталость брала верх. И так три дня и три ночи. Сколько пришлось вдохнуть в себя дыма, гари, смрада. Иногда, как пойманная рыба ловит воздух, так припадаешь к щелке в дверях, откуда хоть чуть-чуть поступает свежий воздух. Когда после раздачи обеда просят немного оставить открытой кормушку в дверях, на это почти никогда охрана не соглашается. И вот, чтобы хоть немного зашло воздуха в камеру, ибо все обливаются потом и грязь размазывается по телу, а одеться - еще страшнее, когда снова возвращают чашки, из которых кушали, в коридор - подают по одной-две, подольше растягивая время, хотя с коридора кричат и торопят. Но, все же, стрелка не стоит на месте, и время идет. И, хотя, оно идет невыразимо медленно, час сменяется другим, один день другим, и настает желанное, долгожданное утро понедельника. Снова всех собирают в одну камеру, от которой начинается процедура приема в тюрьму: по группкам ведут на стрижку, фотографировать (фотографируют нас с дощечкой, на которой наша фамилия), затем берут отпечатки всех пальцев по-отдельности и всех вместе, и во многих экземплярах, они хранятся в разных местах, а также в городе Москве. Сделав еще преступление, могут уже легче найти по отпечаткам пальцев. Затем берут кровь на анализ - нет ли венерических заболеваний. Затем проходишь врачей и рентген. Врачу я сказал, что болел туберкулезом. Он меня повел на снимок, сказал, что есть какие-то "пятна" - очаги (может, прошлой) болезни. Пройдя все это, проходишь в соседнюю комнату, там уже детальный обыск: раздеваешься совсем догола, прощупывается вся одежда и все вещи, заглядывается в рот, и не только в рот, и затем уже одеваешься, можешь заполнить бланк, сообщить близким о себе. И

проходишь уже в другую дверь, другую камеру.' Затем баня и прожарка одежды. Моются под душем по 2 - 3 человека под одним соском, а то и больше. Каждому кусочек мыла размером в пару кусочков сахара-рафинада. Народ несказанно рад этой воде, этому мылу, что хоть стекает с тебя весь пот, иногда месячной давности, грязь, и становится так легко и так хорошо, что даже петь охота. Одежда действительно часто хорошо прожаривается, вшей и клопов убивает, но иногда их приносишь и в камеру, особенно с матрацем и подушкой, которые получаешь. Затем еще дают алюминиевую поллитровую кружку, ложку, иногда полотенчико, и идешь уже в камеру, куда поведут на "постоянное место жительства". Тревога: куда? Что за люди тебя встретят? Ведь опять все снова. Те, с которыми немного свыкся, сдружился, познакомился - всех разводят по разным камерам, а их в тюрьме порядка 150 штук.

Повели меня на второй этаж (хорошо, думаю, выше - легче). Ведут мимо камеры, где сидел до первого суда, общего режима. И открывают одну камеру, захожу. Маленькая камера на четыре двухярусные нары, пол деревянный, чистота, даже есть свободные места, в камере всего шесть человек, что можно желать лучшего?! Я поздоровался, спросил, где можно поселиться, мне показали место. Положил матрац, познакомился, мне предложили разуться. "Ах, извините, я и не заметил, что здесь ходят разутыми". Разулся, разговорились, выяснилось, кто я, сразу вопросы. Но их было немного. Да и очень я устал за прошедшие дни, сколько я уже не видел матраца, спокойного отдыха, а тут он ждал меня. Один из сокамерников оказался ярым безбожником. Но спорить с ним я не стал. Не помню уже, помолился я перед отдыхом? Думаю, что да, ибо благодарности моей не было конца. Я взобрался на свое место, лег и блаженно стал засыпать.

Наедине с "Иудой"

Тут открылась кормушка, назвали мою фамилию и сказали: "Собирайся с вещами!". Я недоумевал: "Может, следователь меня опять вызывает назад, ибо обещал меня на следующей неделе опять вызвать". Что делать? Я собрался, и меня повели. Вниз, вниз, все душнее, и открывают камеру: "Заходи". Я зашел. Один сидит на другом, вернее, очень тесно, и мест свободных нет. В углу - куча ваты. В другом - жгут, варят "чифир". Тут же из моего матраца вытряхнули вату, матрацовку - на куски и под чашку, огонь поддерживать. Позднее я понял, что этот мой перевод в другую камеру было делом оперативного работника тюрьмы. Там, в камере, куда я попал, - как я позже узнал, - был "Иуда", который в тюрьме находился уже около года, с кучей одежды, мешками, и который разными способами доводил до сведения администрации все тайны камеры. Часто его выводили. Говорили, что к врачу. Когда начинали догадываться, кто он - тут же камеру расформировывали, его в пустую камеру, и ее заполняли новыми, с этапа. Оперативный работник его очень поддерживал, у него было всё, вплоть до наркотиков. Этим подкупал и тех, кто считались в тюрьме наиболее твердыми преступниками. Звали его Витя, как помню. Сфабриковали ему обвинительное заключение, безобидное, по делу украденной коровы, для того, чтобы он мог это показать людям в камере и оправдаться, а на самом деле он был подослан, вернее, вывезен из особо строгого режима в тюрьму для работы в ней - помогал раскрывать преступления, ведь друг другу в камере рассказывается очень многое из того, что не расскажут следователю. Это был хитрый и коварный человек. Когда меня ввели в камеру, его как раз в камере не было, вышел опять к "врачу". В камере уже догадывались, кто он. Предпринимали попытки побить его (наиболее смелые) и выгнать из камеры. Пока говорили - открывается камера, стоят работники администрации, перечисляют четыре фамилии - наиболее отважных - и объявляют им всем по 10 суток карцера. "За что? - спрашивают ребята, - за что?". Объяснили: якобы зато, что переговаривались в прогулочном дворике с другими двориками, что, конечно, было придуманным фактом. Долго сопротивлялись ребята, но под угрозой попасть под сапоги и наручники вынуждены были выйти. А фактически просто оперативник с Витей хотели избавиться от этих парней в камере, которые составляли для него опасность и, при том, могли защитить меня. Ибо, как я потом понял, Витя имел со мной злой умысел. Через некоторое время вызвали еще двух-трех, и увели. Остался еще один, который хотел восстать на Витю. И тут

заходит Витя: "Ну, кто еще чем недоволен?". Все молчали. Остались одни безвольные, трусливые люди. Витя прошел на свое место к передней стене, лег, закрыл глаза. В камере царило строжайшее молчание. И тут Витя потихоньку стал меня обследовать вопросами. Я, как мог, уходил от них, зная, что этому предателю свидетельство мое не на пользу. Он не отставал. Оказывается, он знал и о брате Р. Д. Классене, и как я потом узнал, рассказывал о нем неправду, говоря, будто бы его побили за то, что он спрятал деньги и не хотел отдать их другим. Я понял, что Витя и в этом избиении принимал участие. Ему это сошло с рук. И чувствовал, что надо мной умышляется худшее. Затем он все повторял: "Ведь вам нельзя защищаться?". "Да, - говорю, - Бог - наш Защитник". "Ну а если будут убивать тебя - будешь защищаться?". И всё снова этот вопрос, желая, видимо, моего согласия на это. Я начал понимать, чего хочет этот страшный человек. Боялся заснуть. Защищать меня в камере, кроме Бога, было некому. А этот исполнял волю администрации и волю люцифера - прямой их слуга. Он может сделать любое зло, а кто видел? Потом скажут любую ложь на волю, вплоть до того, что сам покончил с собой или умер от туберкулеза. И тут, размышляя над этим, я подумал: "Пусть будет, как того допустит Господь, но моя обязанность - предупредить этого человека". И я сказал ему: "Я знаю, почему избили брата Классена, знаю и то, кто ты! Но знай, что, если ты что сделаешь со мной, ты будешь за это отвечать перед многими моими братьями и сестрами и перед Богом!". Он тут же начал оправдываться и защищаться, готовый призвать свидетелей, и затем, когда понял, что мне известно его содержание, сказал: "Ты выйдешь из камеры!". Я сказал: "Не выйду". Он тут же подошел к двери, включил приемник-динамик, чтобы мы не слышали то, о чем он говорит, и стал стучать в дверь. Сердце мое стучало немало. Что же теперь будет? Вскоре открылась кормушка, подошел ДПНСИ - дежурный помощник начальника следственного изолятора. Витя стал ему что-то долго шептать. Тот, как я понял, сказал ему: "Да иди ты". Витя давай снова стучать и затем объяснять дежурному что-то. Затем тот ушел. Все молчали, и я тоже. Ожидал своей участи. Но тут подумал: если даже случится самое плохое, я должен уйти чистым. "Витя, если я тебя чем обидел - прости", - сказал я. Опять молчание. У меня полегчало на душе. Я, готовый, ждал своей участи. Минута за минутой, час за часом -никто не пришел. Наступила ночь. Все уснули, и Витя тоже. Я усердно молился. Затем и я потерялся в сонном забытьи, усталость и изнеможение взяли свое...

А не хотел я уходить в другую камеру вот почему. Вот я писал, что Витю хотели побить и выгнать из камеры. Вот подобных и провинившихся перед другими мягко предлагают покинуть камеру; если он не хочет потерять честь, здоровье или жизнь - он или тут же громко стучится, просит дежурную, или дожидается проверки, и, как только открывается дверь, выскакивает в коридор. И вот ему предлагают другую камеру. Но ведь там может грозить то же самое. И ему администрация предлагает свою незамедлительную защиту, если это потребуется, если этот человек даст обещание работать на администрацию, то есть он становится их агентом, если не был до сих пор. Теперь представьте себе человека, который приходит в камеру из другой камеры. Почему он там не остался? Почему не ужился? Значит, чем-то замаран или подослан? Такие вопросы возникают сразу к вновь приходящему. И вот, допустим, администрация хочет над кем-нибудь поиздеваться, чужими руками кого-то побить - садят человека в камеру, немного он там посидит, вызывают и переводят в другую, а оттуда в третью и т. д., пока где-нибудь не поднимутся, не поверив ему в его чистоту и начнут бить, пинать и выгонять всей камерой. Такое же проделывалось с братом Классен. Он побывал почти во всех камерах тюрьмы, побывал за три-четыре месяца, представьте себе! Пока, в конце концов его жестоко избили. Жена, чувствуя зов Духа Святого, поехала к тюрьме, и как раз брата выводили из тюрьмы и садили в машину -на очередной допрос. Брат шел, низко согбенный, еле передвигая ноги.

На следующий день нашу камеру разделили, оставили на месте тех, кто еще имел каплю мужества и мужское достоинство, а остальных, Витю и меня в том числе, перевели в совершенно пустую камеру, ее освободили именно для нас. Чтобы начать заполнение камеры сначала, чтобы никто не знал в тюрьме, в какой теперь камере Витя, а вновь прибывшие с этапа, само-собой разумеется, не знают ничего. И так Витя мог действовать сначала. Оперативники еще решили нас убедить, что Витя "чист". Вызвали одного из нашей камеры в их кабинет. Там сидели двое из тех,

кого посадили в карцер из нашей камеры. Они сидели все в крови, еще вдобавок перерезали себе вены на руках, решив таким образом доказать свою невинность. Но их заставили надеть английские наручники, которые сжимаются все сильнее от малейшего движения, чуть ли не от ударов пульса, а если еще дернут за цепочку или подвесят за нее на стене что-нибудь - они прямо впиваются в руки, вызывая страшную боль. Самые сильные кричат истошно, просят о пощаде, мочатся в брюки. Надолго остаются следы на руках и пухнут руки. Некоторым кладут их на ноги. Знаю одного здоровенного парня, около двух метров роста, которому в психбольнице на ноги надели наручники. После этого у него заболели ноги, пошли язвы. Когда обратились к врачам, врач предложил ногу ампутировать. Но Гена не дал согласия. Ноги у него болят до сих пор. Так вот тех парней заставили, и они говорили, что Витя не предает, что Витя чист. Тех опять увели в карцер, наш пришел в камеру, а Витя - к "врачу". Атмосфера была тяжелая, а Витя приставал со своими вопросами! Но тут вмешался Господь. Тут открывается кормушка, и называют мою фамилию... Зачем?! Опять в другую камеру... Значит со мной хотят повторить то же, что и с братом. Но Бог не дал, не допустил того, зная мое сердце и мои силы. Он ведь никому не возлагает больше, чем человек может нести. Мне сказали собираться с вещами. Я собрался.

Меня вывели и повели. Оказалось, в больницу тюрьмы. Врач усмотрел на моем снимке наличие туберкулеза. Перед тем, как я был взят, в последнее лето я чувствовал себя плохо, постоянную слабость, добавлял все время простуду на мотоцикле, ибо дел было много, что пешком никак не успеть. Да к тому же ремонт дома, оказался плохим фундамент у дома, который я купил, стены местами не попадали на него, а полувисели в воздухе. Притом нижняя обвязка совсем сгнила, дом деревянный, надо было срочно спасать дом. Трудная задача - под готовый дом подливать фундамент и менять обвязку. Но Господь благословил, дал и помощь. На два-три дня приехали брат мой с отцом и много помогли. Приехал брат издалека, брат по вере, и помог со штукатуркой. И так ремонт за лето был окончен. Господь все чудно распределил, все успел к моему аресту. Но здоровье ослабло, ибо болел раньше туберкулезом. Очень шла кровь горлом, чуть не захлебнулся года четыре назад. Тогда положили в больницу, но, не долечив, выписали по настоянию органов свыше. Мое свидетельство, моя свобода без работы им не давали покоя. И они решили меня связать работой.

И снова топи, судьбы, беды...

И теперь вот обострение. Но все было к месту и в свое время. Если бы я теперь был здоров, меня не держали бы четыре месяца в общих камерах, и один Бог знает, что бы мне там пришлось претерпеть и перенести. Но теперь меня вели в больницу. Она тоже в ограде тюрьмы. А ограда высокая-высокая. Но там хоть у каждого койка - нары, вмонтированные в пол. Питание получше, да и в камере поменьше народу, прогулка уже час, и получаешь какое-то лечение. Но я не употреблял таблетки, веря, что мне поможет Господь. Врач был большим атеистом и притом очень любил спорить, а при споре не давал говорить и кричал, то есть говорил на публику, то есть так, чтобы они посмеялись надо мной. Как-то он меня укорил: "Веришь-то в Бога, а сам таблетки наши пьешь". "Не пью, - говорю, - ваши таблетки". "Ну я бы хотел на тебя посмотреть, какая у тебя будет вера через четыре года", - сказал он. "Посмотрите", - сказал я. Сейчас мне от четырех лет осталось десять месяцев, и, слава Господу, я храним Им в вере, и дай Бог, остаться верным до конца. И обязательно, если на то будет воля Господня, подъеду к тюрьме, вызову его и засвидетельствую ему о великих делах Божиих.

Сначала, когда он не знал моего убеждения, а узнал мою специальность, сразу же сказал: "Ты не будешь сидеть в камере, я тебя выведу в коридор", - то есть обслуживать других медикаментами и т. д., все-таки вольнее. Но когда я ему сказал, за что сижу, и что я верующий, пыл его остыл. Так он меня и не вывел в коридор.

Больница хоть и была больницей, но палаты были камерами. Двери крепкие, на засовах и на замках, кормушка, через которую передавали еду и медикаменты. К счастью, скоро поставили окно, ибо уже шел сентябрь, и по ночам было прохладно. Одеяла у меня не было. Затем уже один

уходящий оставил мне полодеяла, и другой. Я сшил их, и, таким образом, у меня получилось длинное настоящее одеяло. Очень боялся вшей, до мурашек на теле, но суждено было все-таки мне и это опять испытать. В камеру-палату ведь разных людей приводят, а один был особенно грязный, ночевал, видимо, в притонах или на вокзале до этого. Он и принес нам вшей. Вскоре я обнаружил их у себя в одежде. Не стыдясь, тщательно, до ниточки пересматривал свою одежду каждый день, и давил, давил все живое. И, таким образом, вскоре, через неделю-две освободился от вшей в одежде. Один день пропустишь одну маленькую - к следующему дню она уже успевает откладывать много гнид и крепко их приклеивает в разных, самых теплых местах одежды и тела. А этим затем остается быстренько ожить и 1 размножаться. Подобно тому, как маленький неубранный грех обрастает, обрастает, быстро множится и скоро точит и умервщляет все живое в душе, если вовремя не воззвать о прощении.

Хоть в камере и было немного народу, но он все-таки изредка менялся, и свидетельствовать можно было обстоятельно, разбирать и говорить на отдельные темы, тут уже объявлялись желающие после освобождения начать другую жизнь с Богом. Среди них был даже парень-казах. Вырос сиротой в детдоме, на путь трудовой не встал, хотя изредка работал. Но дармовое, украденное манило, прельщало больше, и он воровал. Попадался, сидел, и снова странствовал, воровал, пока снова не попал. В последний раз уже попал нелепо, хотя тоже не без воли Божьей. Напился, приехал на такси к какому-то многоэтажному дому, вылез и стал стучать в первую дверь: "Пустите ночевать". Оказалась там вдова, не захотела его пустить. Он вышиб нижнюю часть двери, ударил хозяйку, и когда та закричала, он бросился бежать на балкон и выпрыгнул со второго этажа. Там его уже ждали мужики, побили его и отвели в милицию. Получил три года. И вот он, объездивший все уголки страны, отведавший все горести и прелести этой жизни, внимательно слушал о Христе. Много мы с ним беседовали. В конце концов решил: после освобождения начну другую жизнь! Беседовал и с другими, ибо времени было достаточно. Читал, выбирал полезное. Однажды даже удалось оттуда отправить домой письмо через человека, которого забирали на суд. Письмо он удачно пронес, передал родным, и мои получили. Принес он, бедняжка, пять лет особо строгого режима за украденный палас, который висел на заборе детяслей. Шел мимо выпивший, и вот он висит, -как удержаться?! Взял. Но везде глаза. Попался. И все слушали, слушали и спрашивали о Боге. Временами очень просили спеть, и я пел... Даже открывали дежурные кормушку и хвалили за пение. Я отдыхал. Тело мое устало, организм износился за непомерной нагрузкой на воле, о которой я говорил выше. Ведь хочется везде успеть и все сделать. А нужда в труде так велика! И часто удивляюсь, даже очень удивляюсь, до глубины души, как могут сидеть десятками даровитые братья в больших собраниях и ждать очереди снова без особого труда, призвания, когда вокруг в селах, да и в некоторых городах, такая вопиющая нужда в говорящих Слово, в братьях, в тружениках. Хоть бы какой-нибудь худенький, незавидненький, но брат сидит в собрании - и то уже радостно на душе. Но некому, некому откликнуться, сколько ни звали, сколько ни приглашали, сколько ни молились, Господь не смог пробудить ни одной души из многих тысяч для переезда в наш городок или подобный, чтобы помочь подвинуть дело Божие. "Нет делающих добро, нет ни одного", - говорит Апостол Павел. Не хочу верить, не хочу утверждать то, что что-то строилось мной или на мне. И должен сказать, что на сегодняшний день церковь нашего городка не собирается, кроме как на вечерю, которую привозят. Некому говорить Слово, некому вести, некому трудиться, хотя души есть спасенные и живые, есть ростки, которые требуют ухода. Печально, и сердце мое скорбит непомерно. Это на сегодняшний день.

Вспоминаю слышанную семь лет назад проповедь одного брата, возрожденного лютеранина, приехавшего с Севера в гости в город Джамбул. Проповедь эта запала мне в душу, и я бы сегодня ее мог рассказать. Зачитал он место, где Авраам услышал повеление Божие пойти на гору и там принести в жертву сына своего. И до конца, где он возвращается обратно с сыном. Брат этот текст озаглавил "Послушание". Авраам не спросил жены, не стал советоваться с друзьями и со своей плотью, любви которой не было конца к сыну своему... Он был послушен, отверг всё ради послушания... Сын не противился, особенно не допытывался, куда и зачем, хотя уже был совершеннолетним, был послушен отцу... Послушание... голосу Духа... Как нам его не достает. И

брат привел пример, как он ездил куда-то и как-то с целью для славы Божией. И вот встречает в вагоне верующих - мужа и жену. Познакомились, разговорились. И брат стал просить жену своего нового знакомого:

"Отпусти мужа своего хоть на несколько дней потрудиться со мной". "С трудом, - говорит брат, - я уговорил ее отпустить мужа со мной на... два дня...".

"Сколько ни ездил, сколько ни приглашал, - говорил он, - в наш маленький северный городок, посетить нашу церковь, поддержать, ободрить, обещал заплатить дорогу... Мы ждали годы... Никто так и не приехал. А Дух Святой зовет! Где наше послушание?! Иисус говорит Своим ученикам: "Пойдем в ближние села и города, чтобы Мне и там проповедовать...". Кто из нас идет со Христом?!!".

А теперь возвратимся в камеру-палату номер 13, где я лежал. Отдых был своеобразным, плоть отдыхала, но время старался зря не упускать. Вскоре меня вызвал следователь, он, оказывается, сам приехал в тюрьму, и меня повели на допрос. Он меня обрадовал тем, что сообщил мне приятную весть - у меня родился сын!

И один "неучтённый" дом

Итак у меня родился сын. По счету пятый ребенок. Единственно жене будет нелегко с пятью, но ведь братья с сестрами не оставят, и это утешало. Следователь, уточняя детали моего дела, привез характеристику с работы. Затем спросил, буду ли я нанимать адвоката. Я сказал: "Посмотрим", - хотя в душе я твердо убежден, что защитник - наш Бог, и я человека нанимать не буду. А сказал "посмотрим" с тем, чтобы следователь сильно не расходился в своем беззаконии, ибо он теперь пожелал мне еще одну статью приписать - "порчу домов". Говорил мне, что некоторые "жэки" города Караганды подали иск на меня, но мало: кто 45 рублей, кто 30, и немного из города Темиртау, в общем всего около 300 рублей. Но этого было мало кое-кому, и они быстро переиграли, о чем я напишу после. Дни тянутся очень медленно. Вот, видимо, единственное место на земле - заключение, где время торопят прямо всем существом, торопят, движут его вперед, а оно тянется медленно. И прошедшему дню здесь радуются. Через недели две-три следователь приехал опять, мы закрыли дело. Хорошо, по одной статье. Другую Господь вычеркнул. Мне сказал он: "Жди суда", - и что очень бы хотел присутствовать на суде, ему было бы интересно. Разговаривали мы с ним мирно и понимали друг друга. Один раз только, сначала, повысил он голос на меня, когда я не стал говорить о втором, кто был со мной, но когда он убедился, что я не боюсь, он стал говорить со мной спокойно, зная, видимо, что у нас, верующих, семья большая и дружная, силу применять не стоит; может, и немного боялся Бога. Итак я ждал суда. Вызвали меня с вещами неожиданно в конце октября, повели в коптерку, я сдал матрац и стал ждать. Вдруг меня одного вызывают, выводят из тюрьмы, садят в воронок одного и везут. Меня удивило, почему так? Ведь были еще люди в Темиртау, и никого не взяли, да и время необычное. Везли долго, я догадывался: видимо, на суд. Остановились около каких-то домов, долго ждали чего-то, затем подъехали к зданию суда. Дверь оставили слегка приоткрытой, и я увидел в щель через решетку некоторых верующих и брата своего, и вообще много народу. Тут брат мой слегка подошел к машине, я крикнул: "Андрюша, здравствуй!". Тут же подскочила охрана, закрыли дверь, и опять везли куда-то. Машина остановилась, меня вывели и повели в какое-то здание. Оказывается, это просто сделали круг. Чтобы не вести меня мимо так дорогих мне, сделали круг и заехали сзади здания суда. Меня ввели в зал суда - пусто. Очень удивительно. Слева, правда, закрытая дверь, и там за стеклом, увидел, стоят люди. На своих местах сидят судья и заседатели. Я прошел к указанному мне конвоирами месту, склонил колени, помолился коротко и сел. Затем впустили людей. Я оглянулся, до того знакомые многие и столько не виделись. Некоторые плакали, ко мне никого не подпускали. Начался процесс суда. Сперва официальная часть: фамилия, род занятий, статья, спросили о детях, их возрасте. Все это было сказано формально, ради вступления. И тут мне объявили, что такой-то ЖЭК города Темиртау при объявлении мне иска не учел один дом, и суд отправляет дело на доследование. Я

сперва ничего не понял. Мне повторили, и суд закончили. Людей выгнали из зала суда, а меня вывели потом. Не попала на суд даже мать, потому что день и место суда держали в тайне, а в конце еще обманули. Всё это было сделано с целью, чтобы предъявить мне фиктивный значительной суммы иск. Меня опять повели на задний двор, там поставили еще милицейский автобус ППМ, меня в него посадили и повезли. Повезли так, что мне даже рукой не смогли помахать. Думал: в КПЗ, но нет, меня повезли одного прямо в тюрьму. Такое редко бывает, можно сказать, не бывает вообще. Я ехал в автобусе, мне разрешили, уже за городом, выйти из задней загородки и сесть на сиденье. Я мог осматривать природу, радоваться снова плывущим мимо деревьям, которые уже сбрасывали свой последний наряд лета, на поля и облака. И всё так непривычно и ново и так волнует, что хочется петь, да и люблю я природу очень, и всегда душа моя рвется на простор полей и лесов, в чащу, где еще не ступала нога человека, могу долго любоваться и радоваться листьям, траве, дереву, озерам и т. д. А увозили меня так срочно с тем, чтобы оторвать от своих, сбить их с толку, чтобы не поднимали шума. Сдали меня в Карагандинскую тюрьму, так как я только в этот день был оттуда взят, дежурный меня помнил, мне выдали матрац и тут же, без всяких транзитных камер, повели прямо в больницу тюрьмы, где я лежал. Через час-два открывается кормушка и зовут меня: оказывается, меня уже нашли мать и брат и передали мне передачу. Такая радость! Да такая богатая передача, там было намного больше положенного веса и притом еще теплое белье, майки, носки и т. д. И не только для меня, я мог еще много раздать, ведь люди вокруг нас хотят видеть нас христианами на деле. Не успел я поесть - мне говорят: "Собирайся с вещами". Я собрался. Через полчаса сказали: "Отставить". Я разделся. Еще через час опять открылась кормушка и вновь: "Собирайся с вещами". Люди в камере уже начали возмущаться: "Что они кровь пьют?". Я собрался. Дело было уже к вечеру. Пятница кончалась. Меня вывели одного из тюрьмы, посадили в легковой автомобиль "Жигули", трое сопровождающих милиционеров, и повезли. Куда? Разве ответят?! Опять неизвестность, что замышляют теперь? Смотрю: опять по направлению к Темиртау поехали, сначала ехали какими-то задами. Да, думаю, тут удобное место им для тайной расправы, но я был спокоен: Господь знает! Выехали на дорогу и быстро, очень быстро поехали в город. Заехали они еще в магазин, что-то купили и довезли меня до Темиртауского КПЗ, сдали меня и уехали. В КПЗ меня уже ждал следователь, который повел меня в кабинет допроса. Он протянул мне лист с новым обвинительным заключением и новые, уже готовые протоколы допроса с новым иском - 2798 рублей. Вот так один неучтенный дом! Я понял, чьих это было рук дело. Но что было делать? Не подписывать - позовут понятых и подпишут все-равно, это уже испытано. Я повозмущался несправедливостью и понял, что все это бесполезно, и подписал. Дело он тут же закрыл, так быстро. "Теперь, - говорит он, - твердо вам обещаю: суд будет в среду", - и, видимо, меня завтра увезут в тюрьму. Он ушел, меня закрыли в камеру. Но прошла суббота, воскресенье, и думаю: уж оставили бы до среды. Так нет. В понедельник в обед сказали мне собираться на этап. Я собрался. Привезли нас человек 10-11 в тюрьму после обеда, теперь уже опять в транзитную камеру, ждать распределения до следующего дня. Народу прибавлялось все больше. Даже заехал на тележке грузный, безногий, интеллигентно одетый человек, сделавший аварию на своей инвалидной машине - теперь тюрьма. Никак ему не находилось место, так переполнена была камера. Наконец он расположился рядом со мной. Поговорил и с ним о Христе. Если несколько змей посадить в одну закрытую посуду - они съедают друг друга. Говорят, что Ленин еще говорил, что "преступный мир изживет сам себя". Я с этим не могу согласиться, ибо преступность не уменьшается, а всё растет, и так будет до суда Божьего. Да и Библия говорит: "По причине умножения беззакония...". Но с одним надо согласиться, что, когда одного человека придавливают другим, когда одного сажают на другого, то эта невыразимая теснота проявляет в людях змеиные качества..., и человек выходит из себя и теряет человечность... К тому же иногда приводит и голод.

В камере оказался чечен из поселка Киевка, 120 км за нашим Шахтинском. Он знал некоторых верующих там, и мы разговорились; ну разговорились так, что он в переднем углу, а я возле дверей, и вся камера вынуждена была нас слушать, и пускай бы кто попробовал не послушать или возразить: чеченская кровь -горячая кровь, это известно многим. Через время и

другие стали задавать вопросы. Через часа два наша беседа прервалась ужином. Мы выхлебали суп (ложек нет) и продолжили беседу. Я рассказал поэму "Молитва матери". К вечеру у меня от длительного напряжения стал пропадать голос. И мой чечен, который оказался очень любопытным к вопросам веры, попросил еще раз рассказать поэму. Что ж, я собрал все силы и полушепотом рассказал еще раз. В камере была мертвая тишина. С тем мы и легли спать. Я еще помолился на коленях, нашел маленький клочок свободного грязного бетона, постелил рубашку, снятую с себя, и лег. Сердце мое ликовало! Стоило, хотя бы ради этого одного дня стоило идти.

Ночью мои ноги переплетались с чьими-то чужими, и мы пихали друг друга во сне, но что делать? Не растянешься и не разляжешься, всему свое время и место.

Наутро, проснувшись, я догадывался, что меня могут опять вызвать на суд, и решил быстро побриться. Быстро нашли лезвие, соорудили из спичечного коробка ручечку, в которой держится лезвие, и стал меня брить сам чечен! Не успел он это сделать - осталось сбрить усы - как открывается дверь, и меня вызывают. Оправдалась моя догадка - на суд. Как хорошо, что не успел я пройти через распределение, там бы меня остригли наголо, как не хотелось на суд идти таковым. Привозят опять в Темиртауское КПЗ, теперь уже со всеми, во вторник. Значит, завтра суд.

Узнал - вы же знаете, как работает наше радио в зонах -, что суд мой собираются снимать и показать по телевидению. Да, вопрос серьезный, что угодно могут слепить атеисты из моего суда из моих слов, и насколько важно сказать именно то, что нужно, чтобы не затенило Господа, верующих, учение. Как важно быть постоянно в связи с Господом, ведь атака дьявола и его слуг будет немалой. Какая ответственность на мне. Я буду представлять верующих многим миллионам людей. И каков я буду, что скажу, так будут думать о нас, верующих! Я очень переживал и решил завтрашний день - день суда - провести в посте и молитве, чтобы Господь дал особую мудрость и явил особенную Свою благодать в этот день ко мне.

Настала среда. Я усиленно молился. Вскоре открылась дверь, и меня вызвали и повели к машине. На улице был конец октября, уже довольно холодно, и тело охватывала невольная дрожь, то ли от холода, то ли от волнения перед предстоящим судом. Ведь сейчас будет решаться многое, участь моя на многие годы. Но внутренне этот вопрос не очень волновал меня. Господь уже знает, сколько мне дадут лет, и всё будет по Его святой великой воле. Радовался встрече с родными, с единоверцами, с которыми я уже вот скоро четыре месяца не виделся. Очень соскучился по ним. И хоть увижу я их издалека, радость эта покрывала все тяготы остального. Меня посадили в машину и повезли. Везли долго, и вдруг машина остановилась, и слышу, как кто-то спрашивает пропуск у сопровождающей меня милиции... Я начал догадываться, что суд, видимо, будет на территории какого-то закрытого заведения. И точно. Еще долго везли около каких-то громыхающих цехов и остановились. Меня вывели и завели в двухэтажное здание в какую-то комнату, и мы стали ждать начала суда. Оказывается, это был завод СК. Система здесь строго по пропускам, чужим невозможно пройти, и мои единоверцы, те, которые так переживали и молились за меня это время, не смогли быть на суде. Они стояли за воротами, их не пропускали.

Приехали на суд не только из близлежащих городов и сел и самого Темиртау, но даже из Омской области, из Кокчетавской, и из города Алма-Аты. Пропустили только лишь родителей, жену и одну сестру из Темиртау с такой же фамилией, как у меня. Провез их "по доброму расположению сердца" какой-то капитан милиции в своей машине. Отсюда понятно, что сделано все это было с тем, чтобы на суде не было верующих, чтобы некому было сказать слово в защиту, чтобы никто из неверующих не увидел нашего единства, нашей любви друг ко другу.

Суд

В пожелание осуждённому, иногда верующим удается записать на ленту процесс суда, часто хорошие свидетельства с их стороны слушающим и судьям, иногда скандируют какое-нибудь выражение из Священного Писания в пожелание осужденному, иногда удается спеть гимн, если

не в здании суда, то около. Когда выводят осужденного - бросают цветы в машину, на машину, на дорогу, по которой ведут. Участливо жмут руку, кому удается; усиленно молятся, а после всего оповещают других и рассказывают о бывшем. Как все это радует и подкрепляет! Меня всего этого лишили, нас, вернее, как верующих, на этот раз. Долго мы ждали в комнате начала суда, побеседовали с милицией. В конце-концов повели. Народ был даже в коридоре! Зал был набит до отказа, многие стояли в проходах, спереди, сзади. Это были рабочие завода. Всем было интересно посмотреть на живого верующего в наш атомный космический век. Слышались возгласы: "Какой молодой!". Отсюда видно, что нас, верующих, представляют старыми, забитыми, неграмотными. В зале уже готовые стояли репортер с телестудии, аппарат для снятия, иллюминация слепила глаза. Из верующих никого не увидел. Родители, оказывается, стояли сзади, и жена с сестрой, но я их разглядеть не успел. Повели меня в специально сделанную клетку для этого случая. Я зашел, встал на колени, коротко помолился и сел. Рядом у окна стоял конвой, а с другой стороны - другие.

Вскоре зашли судья и заседатели, и суд начался. Зашли также адвокат и прокурор. Я уже писал в деле, что в адвокате не нуждаюсь, зачем он пришел? Судья начал знакомить суд с моим делом, сразу предупредил всех присутствующих, что, если будут шуметь или мешать суду, или что-то громко высказывать - будут удалены из зала суда или оштрафованы. Мне это его заявление очень пришлось по душе, так как бывают суды, когда с зала кричат всякие нехорошие выражения в адрес подсудимого и требуют даже расстрела. Все это зависит от судьи, как он поведет процесс, в каком свете поставит подсудимого - верующего, как судья в общем сам в душе имеет страх Божий или нет. А здесь опять же по усиленным молитвам нашим Господь дал судью - казаха, вполне степенного, культурного, спокойного, незлорадного и, как потом выяснилось, совсем небезбожного человека. Но он был на работе и должен был выполнять ее, иначе лишат работы. Он залу суда аккуратно, громко, с расстановкой, без всякой насмешки прочитывал выражения, которые я писал на стенах домов, показывал людям фотографии этих надписей, зачитывал почерковедческую экспертизу, что это действительно мой почерк, чего я и не отрицал, приводил факт опознания. Но как же избавиться от адвоката? Я задал вопрос, и затем уже судья выслушал мою просьбу: "Адвоката не надо, мой защитник -Господь". Я еще попросил извинения у адвоката. Время от времени репортер телестудии снимал меня, судью, заседателей, зал с людьми и опять меня. Я очень в душе молился о мудрости, о многом другом и даже о выражении лица. Ведь если голова моя будет опущена, следы скорби на лице - вот уже и радость для них: кается, сознает вину. А виновным я себя не считал. Просто мой поступок был выходом из того положения, что Христос нас посылает на проповедь в народ, а власть и закон не дают проповедывать. И, думаю, что на моем лице не было ни скорби, ни печали, потому что в сердце их тоже не было. Дух Святой и плод Его - радость - переполняли его: ведь за Христа! Он за нас так много сделал, а что мы делаем для Него?

Судья вел суд хорошо, спокойно, что очень радовало меня, и я старался не противоречить, отвечать вежливо на вопросы. Когда мне дали слово, анализируя после, мне казалось, что я сказал очень коротко. Боялся, что прервут. На первом суде судья меня все время прерывала, и мне пришлось сесть, это было в 1974 году, когда мне присудили 2,5 года общего режима. Естественно, здесь и волнение. Более мне Господь не дал сказать, так, видимо, нужно было. Я засвидетельствовал о том, что нашел мир с Богом, радуюсь ему, очень желаю этой радости другим, а так как проповедывать мне не дают, за что и посадили в первый раз, я решил вот таким образом людям что-то сказать о Боге, о приближающемся суде Божием, о спасении их душ.

Судья не мешал мне, делал вид, что читает что-то, задает вопросы заседателям. Затем стали допрашивать свидетелей. Они говорили, что иные видели из окна ночью две фигуры, другие выходили тут же ночью, когда мы уходили, и читали надписи, другим судье прямо приходилось подсказывать ему желаемое, ибо люди действительно зла не питали ко мне и вредного или плохого в надписях не находили. Затем вышла председатель того Темиртауского ЖЭКА, ремонт дома, вернее стереть надпись на котором "стоило" тысяча с лишним рублей, вернее, им выделили столько на ремонт, они это еще не расходовали год спустя, разве может ведро раствора или известки для забеливания надписи столько стоить. Она уже вышла с тетрадью, подготовленная,

яростная, безбожная и очень красноречиво лила грязь на меня. Естественно, вся эта речь не была движением ее души. Ее просто вызвали и сказали...

Она мне задавала вопрос, точно, правда, не помню: "Как можно стереть написанное и во что это обойдется?". Или: почему именно им надо забеливать надпись?Я спокойно ответил: "Не надо ее стирать".

Когда она закончила, выступил другой представитель другого ЖЭКА, тоже предъявивший значительный иск мне, необоснованный иск. Что я им мог сказать? Да и дадут ли мои слова что-либо? Я не возражал. Пусть говорит Господь к этим людям. Характеристика с работы, которая хоть немного говорила за меня, не была зачитана. Там говорилось о том - главврач вынужден был написать это -, что я пользуюсь уважением людей. Город и даже некоторые села приходилось мне обслуживать по линии хирургической стоматологии, и люди были довольны. Мне дали последнее слово. Я сказал, что не раскаиваюсь, не жалею о содеянном, а, наоборот, радуюсь. Пусть люди знают, что служит ко спасению их бессмертных душ!

Суд ушел на совещание. Меня вывели. Долго они совещались, затем меня ввели опять. Тут же в коридоре стояли мать с отцом. Какая радость встречи!!! Я попытался протянуть руку отцу, но тут же рука милиционера отстранила ее, и даже, более того, он успел провести по моей ладони, видимо думая, что мне что-то передали. Меня ввели в зал, затем вошла процессия суда.

"Встать, суд идет!". Все встали, и прокурор начал свое обвинительное слово. Оно было таким длинным, что даже сопровождавшая милиция устала слушать ее и потом возмущалась, ибо не привыкал к таким длинным речам, хотя многократно сопровождала людей на суд. Речь его была очень высокопарной, тщательно подготовленной, что мы вот, верующие, мешаем им строить коммунистическое общество, что всё делается для того, чтобы человек жил краше, лучше, в хороших, красивых домах, а я их испортил. Ну что ж, приходилось слушать. Теперь ее время (возможно, ее речь была до совещания).

Затем судья прочитал приговор. Учитывая болезнь туберкулезом (справка была в деле) и учитывая многодетность, приговорить к четырем годам строгого режима через статью 21. Вроде бы безобидная фраза: "Через 21-ю статью". Потом только я узнал, что эту статью применяют только к особо опасным преступникам, рецидивистам, и они признаются опасными для общества, таковые уже раньше конца срока не выйдут на волю. "Всё, теперь Вы осужденный", - сказал судья.

Бог подкреплял душу мою

Когда во время следствия я однажды спросил следователя, почему меня не судят по 130-й статье, она ведь для нас, верующих, - он сказал: "Она ведь только до трех лет". И я понял, что мне хотели дать побольше. Мать моя после суда встретилась с судьей и много говорила с ним. Содержание их разговора я уже не могу передать, но знаю, что он говорил: "Мне дали указание дать максимальный срок", - то есть как можно больше. Статья моя гласила до пяти лет. Все потом удивлялись: за что так много? Меня повели мимо плачущей жены. Я смог ей еще подать руку на прощание, крикнуть родителям, что мне нужна телогрейка, и всё. Меня быстро посадили в машину, туда же загрузили несколько листов железа, и меня повезли.

После я узнал, что там же на суду присутствовал один из оперативных работников будущей моей зоны и разговаривал с родителями, желая их согласия взять меня к себе в зону, хотя он не говорил, кто он есть. Естественно, родители желали, чтобы я был ближе к дому. Этого хотел и я. Но увы, если бы мы знали, что меня ждет там, мы бы приложили всё, чтобы мне туда не попасть. Но и это Господь допустил для славы Своей. Всегда очень хорошо в любых случаях спрашивать Господа Его воли и пути свои положить в Его сильные руки, и Он будет водить нас чудно. Не зря псалмопевец Давид говорит: "Господь - Пастырь мой, я ни в чем не буду нуждаться. Он покоит меня на злачных пажитях и водит меня к водам тихим, подкрепляет душу мою и ведет меня на стези правды ради имени Своего...". Усиленная молитва наша и моя с постом в этот день возымела силу.

Когда я уже сидел один год своего срока, в зону к нам приехал тот же репортер с телестудии, опять с аппаратом, другой сидел за магнитофоном в наушниках, третий снимал, четвертый сидел со мной за столом и беседовал со мной вместе с репортером, а пятый - работник КГБ - сидел в темном углу, и замполит наш. "Так вот, -говорит репортер, - я Вашу кассету все еще не показал, все еще лежит она у меня. Мне что-то еще не все ясно". И как только тот, который за аппаратом, включал его для съемки, репортер тут же, как я начинал отвечать на его вопрос, махал руками, чтобы тот выключал аппарат. Не годился им мой ответ. Не раскаивался я, не просил пощады, сказал, что мой поступок был криком души в безвыходном положении, потому что проповедывать народу истину не дают. Какая, говорю, разница: вы нанимаете людей для того, чтобы они писали цитаты высоко на домах, а я писал пониже, но только не имел времени для художественного оформления. Репортер еще спросил: "Ну а если бы Вы жили за границей, Вы бы писали на домах?". "Нет, - говорю, - потому что там свобода слова и можно проповедывать каждому свою религию хоть посреди улицы". Быстро они закончили свое дело, свернулись и ушли. До меня долго, наверное с полтора часа беседовали и снимали беседу с братом Романом Давыдовичем Классеным, с которым я немного был в одной зоне. Я понял, что они боялись меня, может, моего образования, думая, что я много знаю, и много вопросов не задавали. Хотя брат Роман Давыдович и не имел большого образования, но был мудр и знал намного больше меня. Ведь он учился в высшей школе жизни уже где-то одиннадцатый год!!! Да и от Господа он получил более чем я мудрости. Я часто спрашивал у него совета. Как хорошо, когда в таком положении находишься не один! Так я до сих пор точно не могу сказать, показали мой суд по телевизору или нет. Когда меня привезли в КПЗ, тут же подоспели родители и передали мне телогрейку и передачу и нужное так белье. Я был очень рад и благодарен и тем, кто молился и сочувствовал мне, и тем, кто заботился обо мне, и тем, кто ждал за воротами машину, когда провезут меня, и Господу, так обильно благословившему меня!!!

День склонился к вечеру, и я закончил горячей молитвой пост, и мы сели с сокамерниками и с радостью начали есть то, что мне передали: там и курица, и масло, там и сахар, и шоколад, там и сало, и конфеты, там и печеное, и изюм, и даже один цветок - больше не разрешили передавать. На следующий день меня повезли в тюрьму, и еще на следующий, то есть в пятницу, я опять очутился в камере, откуда меня взяли неделю назад, - вы помните, наверное, да? Когда был начат суд, отдали на доследование дело, повезли опять в тюрьму, я получил передачу и не успел толком покушать, как меня опять вызвали и повезли на "Жигулях" в Темиртау? Все это было в прошлую пятницу. Итак, меня не было ровно неделю. Ребята меня потеряли: где я мог быть так долго? Они уже и запрашивали другие камеры, и посылали записки и людей, чтобы узнать, где я. И когда я зашел в камеру, меня кинулись обнимать и от радости чуть не плакали. По-моему, у некоторых глаза были влажные. Снова я "дома"... Такая родная и знакомая камера с яркой лампочкой посредине. Ребята оставили мне от моей передачи, которую я получил неделю назад, добрую часть, хотя могли и не оставлять, и мы сели обедать. Снова мы вместе, подробности суда рассказываю, все удивляются, как много все же мне дали. Мне снова дали мое место в углу, оно удобно тем, что там можно склониться лицом к стенке, и никто во время молитвы не смотрит в лицо. Молился я аккуратно, 3-4 раза в день, иногда больше, особенно по воскресным дням, когда радость общения и благословения воскресного дня проникают через толщу стен тюрьмы и заполняют душу, что она ликует!

Радовался и тому, что брат, с которым я был на деле, остался невредим дома. На суде судья еще раз спросил о нем. Я сказал ему, что писал я один, что действительно и было так. Он сам не писал, он лишь был моими глазами сзади, советником, попутчиком. Вдвоем ведь всегда лучше, нежели одному, так же и в деле свидетельства. Теперь осталось мне дождаться утверждения приговора областным судом и быть отправленным в зону. Жалобы касационной я решил не писать.

Утверждения пришлось ждать месяц. За это время прошел ноябрьский праздник. Дни тянутся медленно: и писать нельзя, и получать письма - тоже. Опять в полной неизвестности: что там на воле? За этот месяц осудили еще некоторых с нашей камеры-палаты, в том числе одного за нарушение надзора. До суда он говорил мне: "Если мне дадут один год - начну молиться". Он

очень любил песню "Любовь Христа безмерно велика". Часто просил петь ее, сам учил ее, просил написать ему, что я и сделал. Приехал с суда - действительно: год. "Ну что, Витя, - говорю, - ты не молишься?". "Ну я уже", - говорит. Печально, что люди так поверхностно берут великую истину спасения души своей и вечность. Он остался таким же, как был. Но я рад был тому, что на пути его я смог ему сказать то, что служит к его спасению. Может быть, со временем оно и даст плод.

Наконец пришло долгожданное утро, и меня вызывают с вещами. Было это 20 ноября 1981 года. Сдал матрац. В этапной камере не топилось, вместо окна - фанера. Было очень холодно. Начали стучаться в дверь, ибо там были и больные, и вскоре нас перевели в другую, более теплую. Затем за нами пришла машина. Хорошо, хоть я был в фуфайке. Некоторые без шапок, без фуфаек - зимой. В машине - страшный холод, особенно, когда едет. Бедные люди. Некому о них позаботиться, некому приехать на свидание, некому привезти передачу. Нас везли на машине-воронке в 46-ю зону села Долинка. Это специальная зона для туберкулезников. В этот же вечер нас приняли, переодели и запустили в зону. Стояло несколько бараков, один двухэтажный. Мне нужно было в него. Мне сказали: на второй этаж, дали постель и место в палате. Палата грязная, люди спят прямо в телогрейках, по вечерам курят в палате, нет белой заправки. Вообще, вид не больничный. Питание в столовой, и питание, надо сказать, хорошее. И мяса понемногу, и молока, и масла понемногу каждый день. Так что опять голодать не приходилось, а как это хорошо.

Вскоре на общее свидание приехала мама с сыном Яшей, с моим певцом. Очень радовались встрече. Поговорили часа два. Да еще был брат родной мой Саша. Саша побыл, он вышел, и запустили сестру. Поговорили, порадовались, помолились - и уже время расставаться. Как не хотелось! В церкви тоже обстояло все благополучно, что особенно радовало. Что было хорошо в этой зоне, так это то, что между бараков не было локалок (перегородок или высоких заборов) и можно было свободно ходить из одного барака в другой. Вскоре появилось много знакомых. Некоторые знали еще из тюрьмы. Один прямо привел к себе в палату, очень тепло встретил, предложил свои услуги, дал мне тапочки. В некоторых секциях были гитары, а главное - везде люди, живые души, нуждающиеся во спасении - вот уже поле для сеяния. Сколько труда меня здесь ждало! Я играл и пел где только мог, куда приглашали, а где не приглашали - напрашивался сам, но, в основном, приглашали и очень просили петь, а там начиналась беседа... О, сколько бесед, тем, вопросов! А затем уже с теми, кто проявлял особый интерес - я звал его вечером на прогулку. И, хоть была зима, мы ходили. Вокруг всех бараков была дорожка, или, вернее, недалеко от запретной зоны по кругу. Мы шли и беседовали. Один насыщался - находился другой, затем третий. Я шел в палату, там уже дело к отбою, молился, ложился, и снова вопросы..., и снова свидетельство. И так каждый вечер. Некоторые были близки к покаянию. Очень немного нужно было еще, какой-то толчок, возможно, только отдельная где-нибудь комната или маленькое общение с верующими, то есть среда, а может, еще день или неделя - и это бы произошло. О, какая радость, Ангелы на небе бы радовались... Это было блаженное время. Но видел это и дьявол... И он сделал свое дело. Апостол Павел где-то пишет, что "хотел идти туда..., но воспрепятствовал сатана". Да, он пока не связан, и нужна тесная связь с Богом, бодрствование, чтобы он не вмешивался в труд. Но иногда ему все же удается делать свое грязное дело, как при Иове...

Каждого прибывшего больного обследуют. Обследовали и меня. В общем, как-то в один из дней вызывают меня на вахту и повели в ШИЗО.

Вдвоём на одних нарах

Но чтобы я смог выдержать, все перенести и остаться верным, я сразу встал на колени и горячо помолился. Господь один знает наше будущее, и как хорошо все Ему вручить. Было уже, видимо, где-то часов одиннадцать, или, вернее, десять. Зашли и открыли две нары большим ключом - можно ложиться спать. Правда, еще была предложена холодная вода. Я отказался.

Помолился, пробовал заснуть - бесполезно, через 10-15 минут без движения начинает бить дрожь от холода, как при большом волнении. Под высоким окошком в решетках две полутораметровые рубки - отопление, но они не в состоянии согреть весь бетон: и крышу, и стены, и пол. Да и отключают их временами, когда градусник в коридоре показывает 16 градусов тепла.

Спрыгнул с нар, погрелся, прислонясь к батареям, поприседал, помахал руками, нагрелся и опять на нару. Никак заснуть невозможно, очень холодно. А ведь я еще в белье теплом. А что, если его снимут? Ведь другие сидят без белья. При одной мысли меня кидало в дрожь. Ночью завели одного хромого ко мне в камеру - стукнул кого-то. Тот вообще не ложился, знал: бесполезно, не заснуть. Потом, правда, пробовал, но неудачно.

Утром пришел начальник, сразу спросил дежурного контролера, почему ко мне завели человека в камеру. Его вывели тут же и, как я узнал, отпустили. Я правда успел через него передать привет брату в зону. Он мне рассказал о Р. Д., ибо знал его. Все же ночь мы скоротали вдвоем. И я остался снова один. День был один, ночь, вторую, думал: усталость возьмет свое - засну. Нет, ничего не получается. Как, оказывается, страшен холод! Мучитель он большой, особенно при медленном воздействии. Это хороший метод казни: не дать умереть и в то же время морозить. Да к тому же еще пища такая скудная: один день три раза в день по кусочку хлеба и кружке воды, а в другой день черпачек жиденькой кашки с кусочком хлеба три раза в день. Каши будет со стакан или два, она льется, как кисель, и без всякого жира и мяса, строго на воде. Вскоре слабеешь от этого питания, особенно на холоде, да еще если попытаешься греться движениями. В другой день опять хлебушко и водичка.

На второй или на третий день - уже не помню - открывается камера и запускают человека... Длинный, худой, желтый, грязный человек казахской национальности. Ноги он волочил по земле, голенища сапог разрезаны донизу. Я не сразу понял, почему. Оказывается, ноги его настолько опухли, что они не влезали в сапоги, опухоль поднималась уже выше колен. Он сразу припал к батарее, испустил тяжелый вздох и затих...

Спустя некоторое время мы с ним познакомились и разговорились. Я чувствовал и видел, что ему можно доверять, ибо так мучают только стойких, как он. Он сидел уже третью пятнашку подряд, то есть уже 38-е сутки... в ШИЗО... Его тоже держали одного до сих пор. Еще свободной камеры, видимо, не было, поэтому нас держали вместе. Через запретную зону был заброшен пакет с наркотиками и написана его кличка. И хотя он не один был в зоне с такой кличкой, от него хотели признания, что это его. Но ведь это еще добавочный срок! И он терпел и отрицал. Он был страшно замучен голодом и холодом. Спать почти не мог от холода. Он был без теплого белья... Запах от человека, просидевшего долго в камере, разительный. Ведь совсем не моешься неделями. Руки, ноги, тело, шея, лицо становятся все чернее. Борода растет, одежда твердеет... Заводятся вши (одежные), голова стриженная. От долгой бессонницы он стоя, прислонясь к .батарее, полуспал, бредил, говорил с кем-то, потом как бы просыпается: "Ой, что это я", - и опять...

Бедный человек! У меня сжималось сердце. Было так холодно, и я никак не мог заставить себя снять с себя теплую рубашку или нижнее белье. В конце концов я снял с себя майку и отдал ему: все-таки две майки теплее. Почти каждый день выводят из камеры, заставляют раздеваться, обыскивают. Все лишнее отнимают, и белье. Если находят что-то запретное - добавляют сутки. Я знал: отнимут и у меня белье... Я не мог себе представить... Я пропаду... Может, объяснить: я с сангорода, болел туберкулезом, или не отдать и все... Имеет ли смысл, и удастся ли? Я боролся. На третьи сутки нас вывели на обыск. Один обыскивал камеру с фонарем, там была моя квитанция о сданной одежде на склад в щели, и ту нашли.

Нас разделили, стали обыскивать. Я попал к знакомому. Да, да. Я был знаком с братом его жены, вернее даже так: брат его жены - член нашей церкви. Он - прапорщик, слегка мне знакомый, был, конечно, далек от всего этого. Я так обрадовался, что в этом склепе, в этом месте страданий увидел знакомое лицо!!! Пока он меня обыскивал, я ему тихонько сказал: "Передай привет Яше!". Все, больше ничего я не хотел. Хоть бы только узнали мои братья и сестры, где я томлюсь, и усилили молитвы, мне ведь так тяжело.

Белье с меня сняли и не отдали. Я даже объяснять ничего не стал: ясно, что все напрасно, человек ожесточается иногда по ходу работы своей, как стена. Живот старшего прапорщика не давал ему видеть свои ноги, тем более наши страдания. Вторую майку моего сокамерника - его звали Саня - тоже сняли. Я позволил себе ее взять и надеть, ибо она была моя. Когда я надевал шерстяные носки, один из прапорщиков заметил и говорит: "Не положено". Но мой знакомый прапорщик Саша все же разрешил их одеть, и то легче. Мы зашли в камеру. Двери за нами захлопнули. Тело непривычно обдало холодом... Но унывать и поддаваться отчаянию нельзя... Я встал на колени, и так как можно чаще, а потом опять физические упражнения.

И так очень медленно час за часом проходило время, ой, как медленно! Даже не знаешь, с чем сравнить. Как представишь себе еще то, что осталось - вообще жутко, как выдержать?! А сколько еще осталось? Ведь сказали, что пройдет 15 суток, потом снова будут говорить, и ведь добавят снова при моем молчании. А дать такое обещание нет сил. Различное число вариантов проносится в голове, как-то обойти. Но как?! Иисус тоже молился: "...Если можно, да минует чаша сия... Да будет воля, Твоя...". Велики были страдания Его, потому и просил: да минует. Саня очень радовался тому, что нас двое, и я тоже. Он оказался действительно человечным человеком... Сколько примеров я мог взять... Терпения, выносливости, спокойствия, выдержки. При всем своем страдании он не потерял образ человека, не психовал по мелочам, рассуждал, давал дельные советы, рассказывал о том, кок оно в зоне. Не знаю, выдержал бы я столько, сколько он. Знает Господь. Ночью мы очень тесно прижимались один к другому, лучше братьев, на одной наре, ногами в разные стороны... лежа на боку... Он мне дышал в мой живот, я ему. Куртки расстегивали и натягивали на голову друг другу, ноги прижимали теснее к животу. Это положение даже трудно представить. Если смотреть сверху, то оно выглядит примерно так. Так сохранялось больше тепла, оно самое выгодное. Ведь покрыться нечем, а под низом дерево и железо. Мы тесно обнимали друг друга и так засыпали. Правда, перед тем как лечь, я еще быстро проделывал все физические упражнения, которые знал, чтобы согреться и набрать запас тепла, чтобы заснуть, и мы быстро ложились. Часто так удавалось заснуть, но иногда сразу сон не брал, и всё... Проходило 5-10 минут, и я начинал дрожать, вот как маленький щенок, когда он на улице в осеннюю и зимнюю погоду. Теперь оставалось только одно: немного полежать, потерпеть, пока Саня немного поспит, затем спрыгивать с нар, и всё сначала. Если удавалось заснуть, то не более, чем на час - полтора. Просыпался от пробирающего кости холода. И дрожь, дрожь... Саня спал лучше, ведь он не то перенес, да и организм, видимо, был другим. Он спал, пока я не вставал. А когда я вставал, вынужден был вставать и он, и так 5-6 раз за ночь: сперва немного к батарее, затем упражнения и опять быстрей на нару, ведь ночь быстро пройдет, в шесть часов утра уже подъем, нару прикрутят к стене, и всё, весь день, считай, на ногах, оттого и ноги пухнут... Но он не роптал на то, что мне приходилось его часто будить, я просто до сих пор ему так благодарен!..

Вши, конечно, завелись и у меня. Что делать? Днем, когда дневной свет все же пробивался через множество решеток окошка, сдергиваешь с себя пиджак, майку (просто снимать нет сил) и просматриваешь, и давишь - все же меньше беспокоят, меньше кусают.

Тут еще начался какой-то ремонт внутри шизо. Сквозь двери носили раствор, кирпичи и т. д. Дверь не закрывалась, а мы около самой двери. Я очень просил закрывать двери, но безответно. Очень дуло, и стало еще холодней. Это было несколько дней, и в пятницу было особенно холодно, но прошел и этот день. Тут я заметил вверху в стене трубу с коридора или пристройки, а из нее тоже очень дуло. Я снял с головы своей голой платочек и заткнул трубу. На следующий день или через два при обыске мой платочек выкинули в коридор.

Мы с Саней много беседовали. Я ему много рассказывал о спасающей вере. Он слушал, спрашивал еще. Я знал, что за дверями могут подслушивать, но я не мог молчать, хотя голос мой становился тише. Часто молился. Иногда меня вызывали и спрашивали о моем решении. Я не мог согласиться на их требование не проповедовать. Когда мы закончили разговор, я спросил его, может быть он меня переведет в более теплую камеру (а они есть, я знал). Он жестоко мне отказал. Я пошел обратно в камеру. Еще раз собралось начальство. Меня вызвали. Я сидел и дрожал от холода. "Ну как, - спросили они, - будешь проповедывать или нет?". И тут Господь мне дал сил твердо ответить, что я не могу дать обещания, что я не буду проповедывать, и

обещания такого не дам никому, ибо это противоречит моему вероубеждению. Они удивились и отпустили меня опять в камеру. После этого они меня оставили в покое, видимо убедившись, что их усилия напрасны. Точно такую, а может тяжелее пытку они устроили брату Н. П. Храпову в этой зоне, а впоследствии отправили на Мангышлак. Затем брату Роману Давыдовичу. Тот говорил потом: "Мне уже ничего не было мило, я уже стал отдавать свою пайку хлеба и готовился умереть".

Мой бедный Саня тоже временами говорил: "Я не выдержу, уж лучше бы в ПКТ (шесть месяцев), чем еще 15 суток. Я его, как мог, утешал, что все будет хорошо, больше не должны дать. И так мы крепились. Я временами снимал сапоги, носки, и растирал холодные ноги. Временами садился и ноги приставлял к стене повыше, чтобы не так отекали. Но внизу было так холодно, быстрей опять к кусочку тепла - к батарее, которая иногда только еле теплилась. На шестой день меня опять вызывают. Смотрю: начальник колонии (особенно бессердечный человек) и мой будущий начальник отряда. "Так, через кого ты хотел передать письмо и Евангелие Н. П. Храпову?". Я остолбенел. "Ну, говори". Я молчал. Не могу же я выдать человека. А дело было так. Год назад, когда в этой зоне был Н. П. Храпов, я хотел ему передать в зону маленькое Евангелие, письмо и немного денег и попросил об этом моего знакомого прапорщика Сашу. Он тянул, тянул, пока брата не увезли. И тут вдруг мне этот вопрос. Кто мог сказать? "Так ты не говоришь? Сейчас я тебе зачитаю". И он начинает читать рапорт моего знакомого прапорщика Саши, где он все описывает подробно, даже то, что я хотел передать через него привет Яше. Я не мог раскрыть рта от удивления и неожиданного поворота дела. "Так ты еще и наших прапорщиков агитируешь?". "Шесть месяцев ему через пятнадцать суток", - сказал он моему начальнику!!! Это мне, значит, еще пятнадцать суток после этих шизо, а потом шесть месяцев ПКТ, камерный режим содержания, о чем я напишу после, что это такое. Я попросил прапорщика не наказывать, ибо он ничего худого не сделал и ничего не передавал; а сам обещал подобного (то есть просить прапорщика о чем-либо) не делать. Он ничего не ответил и приказал отвести меня в камеру. Почему Саша это сделал - я до сих пор не знаю. Удивлению моему не было конца. Может, его заставили, услышав о том, что я его просил. Я пришел в камеру, рассказал в полуотчаянии Саше о случившемся. Чем он меня мог утешить?! Я склонил колени: "Господи, дай не упасть, не поколебаться, ибо мучения мои тяжки". Сатана подступал с силой. Шли только седьмые сутки этой пятнашки. Как выдержать эту? А там еще, а, может, еще...

Но Господь не оставлял меня. Помню, правда, когда Господь мне решил показать, что значит без Него - минут пятнадцать. Страдания, терзания, томление духа, искание выхода в эти 15 минут были трудно описуемыми. Но потом опять Господь меня обнял любовью Своей, и мне стало легче, теплее как-то. Если бы я знал: пройдет 15 суток, а там выпустят, было бы легче. Но неизвестность мучила больше всего. Тут кончились сутки - 45-е - Сани!!! Его вызвали, побеседовали и выпустили из Шизо. Я плакал от радости за него и благодарил Бога, схватившись за решетку...

После я узнал, что Сане эти сутки обошлись двухсторонним туберкулезом легких с дырами в них! Его сразу положили в больницу. В последний раз перед выходом - хоть и не знал, что выйдет - он отлил мне половину своей каши (он очень усердно мог просить у повара немного добавки, и часто ему это удавалось). Отдал мне свой платочек носовой с головы (так все же немного голове теплее) и вышел. Я остался снова один... Впереди семь суток еще, а потом еще 15, и еще 6 месяцев...

Где-то через день завели все же ко мне одного человека, он был больным остеомиелитом и страдал больше меня, он переносил тяжелее эти условия, чем я. К тому же температурил. Был он без стелек в ботинках, я ему отдал свои. Он был завпрачечной, и у него нашли при обыске деньги, опасную бритву и анашу (наркотик для курения). Посадили его, но сосед его родителей был у нас старшим оперативным работником, и он обещал ему, что вместо того, что нашли у него, он отправит на анализ простую траву, и таким образом он отделается 15-ю сутками. Другому бы за это добавили минимум пять лет сроку. А этому все обошлось. Вот, думаю, как бывает на свете.

Мог он спать только на левом боку, а я дома вообще не мог на левом. Но так как здесь живот пуст, поэтому легче было. Но все же в том была трудность, и он ворчал, когда я так часто вскакивал греться. И так мы сидели день за днем. Он чуть не плакал от объемлющего его холода, прижимался к трубке и стонал. Так приблизился 14-й день моего страдания - 24 декабря 1981 года - день Рождества Христова! И вы знаете, Господь дал мне великий Рождественский подарок: уверенность в том, что мне больше не дадут!!! Камень спал с моей души, я воспрянул духом, душа моя запела! В этот день даже солнышко заглянуло в окно, и я радовался. Я радовался до слез... Я очень благодарил Господа, ибо Он не возлагает на человека больше, чем он может нести!

Близился Рождественский вечер, весь мир теперь радуется. И мне Господь дал великую радость. Не было у меня ни общения, ни конфет, ни детей рядом, ни елки, но был Господь, Господь Сам, и большего желать нельзя!!! Мир потоками лился из сердца моего, сливался со всеми славящими Бога. Я склонял колени свои, плакал и благодарил Бога. Усердно молился о Рождественской радости родной церкви, родным и близким, семье и всему страдающему люду.

Настало утро 25 декабря, день окончания 15-и суток. Я спрыгнул по подъему с верхних нар и чуть не упал: ноги какие-то не свои, боль в коленях и ступнях - сказывается бетон - ноги отекли. И еще долго потом я не мог бежать бегом, с трудом догонял отряд. Вызвали меня где-то часов в 11 дня, побеседовали и отпустили в зону. Слава, слава Господу! Без всяких обещаний выпустили и даже не добавили обещанного. Господь велик в делах Своих! На улице дул ветер, лежал снег и было холодно, но тепло на душе! Я шел и плутал по зоне, искал свой барак пятого отряда. И когда я подходил к нему, вижу: идет кто-то навстречу. Ближе: брат, брат мой во Христе!!! Мы с ним обнялись и возрадовались. Вот еще один Рождественский подарок: встреча с братом. Как это ценно в этих условиях. Не все имеют это счастье, далеко не все.

И хоть не могли мы часто встречаться, но все же хоть взгляд, хоть ласковое слово ободряло. Он в этот же день отоварился в магазине и угостил меня чем мог. Как приятно было выпить кружку горячей-горячей воды, затем вторую, да еще согреться, помыться под душем и лечь в белую постель. Блаженству моему не было конца! Я от сердца был благодарен Господу за всю Его любовь ко мне, за Его чудные пути со мной и за спасение мое!!!

О жизни в зоне и о дальнейших событиях я напишу, если даст Господь и благословит, в следующей тетради. Да благословит вас всех Господь и да будет Его имя прославлено!!!

После страданий - благословение

Итак, о жизни в зоне. Очень хотелось бы, чтобы этими воспоминаниями пробудить в нас сочувствие, соучастие к погибающим людям, чтобы в нас появилось сострадание и горячие молитвы за них и больше желания быть для них, и не только для них, живыми свидетелями, может, последним предупреждающим знаком на скользком склоне, по которому они со страшной быстротой несутся в вечную погибель! О, сострадание, как его нам недостает! Для большинства из нас люди за решеткой - это люди опасные, коварные, которые без всякого повода могут зарезать, убить, побить. Фактически оно не так. Во-первых, в неволю попадают - я хочу подчеркнуть "попадают" - люди с воли. А другой, такой же как этот, иногда хуже, не попадает, а ходит рядом с нами, и едет в автобусе, и мило улыбается, может иногда уступает место, и мы подумаем: "Вот какой вежливый и воспитанный человек!". А вот его друг был такой же, как он, вместе были на гулянке, вместе пили, вместе шли домой. Навстречу - другой, нахальнее, задел плечом, нагрубил еще, друзья решили разобраться, и пришлось применить силу, чтобы поправить недостаток в воспитании прохожего. Тот написал заявление в милицию и запомнил только одного. Того поймали и посадили. Друг на воле. Или, вместе торгуют, ревизия, недостача. Виновата слабая сторона, не умеющая защищаться или откупиться, она попадает. Другой ехал на машине, авария, срок. Третий застал жену с мужчиной. Ревность делает безумным, и он сильно избивает или убивает жену или мужчину, или обоих - минимум десять лет сроку. И таковых много. Один ворует много - на воле, другой мало - но попался. Есть, конечно, и такие, но реже,

которые с испорченной психологией и мышлением. По пустякам он готов в приступе гнева убить, его не заставишь работать, безучастный и жестокий. Но их меньше. И все они достойны сожаления, все они очень ждут конца срока, все переживают и мучаются, все с живой душой, нуждающейся во спасении. И только искренняя любовь к ним и живое Слово может растопить их сердца. И если кого-то Господь посылает в узы, или в армию, или в командировку, или еще куда - в общем, отрывает нас от тепло насиженных мест и домов - не надо огорчаться. Господь знает, что делает. И Он очень хорошо делает. Очень отрадно, когда мы, христиане, можем принимать это как небесный вестник, приносящий нам благословение Божие. Самые ценные благословения, ниспосылаемые нам, обыкновенно являются плодом перенесения горя и страданий.

С братом Романом Давидовичем мы оказались в разных отрядах. Это, естественно, не было случайностью. Очень бы сердце желало, после всего пережитого, общения, но возможность была очень скудная. Нам запрещали встречаться, но мы все-таки рисковали. Когда я пришел, брат был дневальным по отряду, и я по воскресеньям, когда все уходили в кино и замки ворот открывали, бежал к брату. В его каморке мы несколько раз смогли иметь сладостные общения с Богом и друг с другом, беседовали, делились тем, что знали о воле. В это время у брата умер отец в Америке. Братья его смогли быть там еще до смерти, во время болезни его; а он увидится с отцом лишь у ног Христа. Мы рассматривали открытки, фотографии, делились радостями и горем, и как сладостны были общения. Мало, ах как мало мы ценим эти общения на воле: братьев, сестер, услышать Слово, хор, музыку, вместе помолиться - сколько здесь сил, огня, благословений! Но здесь, в заточении, испытывается то, что мы имеем, чему научились, чего достигли в Господе.

С изолятора я был очень голоден, и брат ухитрился давать мне свою дополнительную кашу с молоком в столовой. Также дал мне много из одежды, электробритву, чему я был очень рад, и этой радостью как не поделиться с ближним?! Я упомянул об этом в письме домой. И тут, через дня три - пять после этого брата переводят в другой отряд на тяжелую работу. Начальница отряда его очень жалела об этом, но что делать, таково указание сверху. И тут при работе, ибо было скользко, брат уронил себе на ногу тяжелое железо и сильно разбил себе большой палец. Вечером я пришел к нему в отряд. Кость была переломана, рана открытая на ступне, кровоточила, но в больницу не клали. Как быть со столовой и туалетом? Нужна палка, на которую опираться. Я обещал поискать. На следующий день я попросил Андрея (о нем я расскажу после): "Пойдем, сходим к Р. Д.". Мы пошли. И только мы сели поговорить, как нас уже сдали. Приходят мой начальник отряда и мой оперативник, который был на суде, - и к нам в комнату. "Почему здесь?". Нас тут же записали и сказали написать объяснительную. Никакие объяснения не помогли. После я узнал, что они очень желали нас застать (не посчитали за низость и перелезли через высокий забор, ибо ворота были закрыты, чтобы попасть в отряд).

Нас двоих лишили свидания очередного: и меня, и брата. А Андрею - ничего, он ведь общественник. Правда, потом отоварки лишили, чтобы замазать вопиющую несправедливость. Ну меня наказали, можно еще объяснить: был в чужом отряде, - но брата за что? Пострадал на производстве, лежит у себя в постели со сломанной и окровавленной ногой, к нему пришли посетить его, и его же наказывают! А как мы ждали свидания! Сердце просто рвалось к своим детишкам, к жене. Уже полгода не виделись, сына младшего вообще еще не видел, а ему было уже четыре месяца. Все надежды рухнули разом. Я готов был кричать от душевной боли. Но Господа ведь мы имеем. До этого в зоне был объявлен карантин, то есть свиданий не давали, а тут, как нас полишали свиданий, карантин был тут же снят! Думаю, что пояснения излишни. Один человек, который уже десять лет отбывал срок в другой зоне (я его знал), а затем немного времени побыл в 41-ой зоне где были мы, сказал: "За десять лет я пережил меньше, чем за эти месяцы здесь, я даже поседел". Режим содержания необыкновенно строг Если сел на койку - нарушение, если не разулся - нарушение, если в шапках на улице - нарушение, если в тумбочке что-то лишнее -нарушение, если не застегнута одна пуговица, если пошел куда-то без строя, если койка не идеально заправлена, если не завязал шапку - нарушение. Если ты не можешь выполнять норму, ломаются сверла, не работает станок - на карандаш. Иногда совсем не от тебя зависящая причина - остаешься виноват, а несколько нарушений - там уже оформляют в ШИЗО. И чтобы доказать свою невиновность, выйти из ШИЗО, люди перерезают себе вены на руках и

ногах, рискуя умереть (а за мертвого все-таки администрация как-то в ответе, в случае, если побеспокоятся родные и близкие), глотают домино целой партией, ручку от ложки, заточенные куски проволоки и гвозди, чтобы их увезли на операцию, а уж из больницы, может, кто-то услышит их голос объявляют голодовку, то есть не принимают вообще пищу до 7 - 30 дней. На пятые, иногда на десятые сутки, чтобы они не умерли' врачи начинают искусственно кормить жидкой кашицей, это столько, чтобы человек не умер, но ходить такой человек не может уже после 15 суток голодовки. Огромное мужество надо, чтобы сделать такое, но эти бедные люди идут на это, ища какой-нибудь выход из безвыходного положения. Мы свою скорбь приносим к Богу, и Он облегчает нашу ношу, даже тогда, когда нам кажется положение самым невыносимым. А им куда идти, к кому? Их никто не станет слушать, только еще скажут: "Сдыхаешь? Ну и сдыхай!!!" А они в знак протеста режут себе живот, иногда так что вываливаются кишки, другие забивают себе в живот острый предмет (заточенное железо), или в грудь. Многое из того мне приходилось видеть. Как не сострадать этим бедным людям находящимся между двумя тисками: силы администрации и силы дьявола? Теперь об Андрее. Он был немцем, из нашего отряда (моего), встретил меня сразу очень участливо, освободил мне место около себя, делился последней конфетой со мной, был понимающим и близким, и в то же время был предателем. Конечно я был осторожен в разговорах с ним, но оттолкнуть его от себя никак не находил причины. Мы вместе ели, у нас многое было вместе. Я почти все время был у него на глазах, он даже спорил с другими в защиту за меня и был готов кинуться в драку за меня Мне давал советы: "Ты, мол, меньше водись с ними и не говори с ними, а то сам попадешься". Некоторое время (первое) я не находил в себе силы молиться открыто на камнях, и это не давало мне покоя Посоветовался с Андреем. Он не воспрепятствовал тому чтобы я открыто молился. Он даже поставил лист фанеры около меня, чтобы загородить меня во время молитвы. С тех пор я молился на коленях, как и дома, как и всегда. И это давало покой душе моей.

Как-то видел меня просто стоящим там оперативник. Спросил у бригадира, почему я здесь стою. Бригадир сказал: "Он у них подсобником работает". "Немедленно поставить его за станок, чтоб постоянно был занят", - сказал оперативник. За станком я не мог работать, так как у меня болели ноги. Стоять более получаса на месте для меня было мучением. А тут целую смену стоять, да еще -если не выполнишь норму? Было очень строго насчет этого, ходили специальные группы, и они записывали. Каждый должен все время быть у своего рабочего места и быть именно в работе. Надо тебе -и хоть сильно надо - куда-то сходить, что-то принести, у кого-то что-то спросить - это большой риск. Только я однажды сходил в другой цех - и оказался наказанным: лишили отоварки. Я уже пол года работал на заводе, но были места, где я вообще еще не был, а завод небольшой. А дело было так. Хотели мне братья помочь, передали через одного знакомого мастера 30 рублей и носки. Мастер очень осторожно передал нам, рискуя быть уволенным, и говорит мне: "Пиши ответ". Я написал братьям: "Нам нужны лишь ваши искренние молитвы и соучастие семьям. Нам ничего нельзя передавать, ибо пользоваться не сможем", - и понес записку мастеру. До этого быстро отдал деньги одному человеку: "Пользуйся, мне не надо". Деньги в зоне - запрещенный предмет, и за одну нашедшуюся пятерку одного человека посадили при мне на шесть месяцев в камеру. Я успел записку отдать мастеру. По пути назад идет мне навстречу тот оперативник - Саша, бывший на суде у меня. "Ты где был, что делал?". "Я Вам не могу сказать", - сказал я. Долго он допытывался и ушел. Меня лишили отоварки на месяц. После распоряжения оперативника о том, чтобы меня поставили за станок, я обратился к Андрею. Может они меня возьмут в свою бригаду, потому что прежний бригадир не мог меня оставить на прежней работе, хоть и уважал меня и жалел. Меня взяли на покраску. Взяли из-за моего крепкого телосложения. Взяли на самую тяжелую работу: снимать с конвейера все детали, всю продукцию всего завода, связывать ее аккуратно проволокой партиями иногда и цепляя крючок крана, чтобы он загрузил в вагон. Детали (плуги, плоскорезы) в разобранном виде висели на движущейся цепи по цехам, шли медленно на покраску, а оттуда уже к нам на площадку. Самые тяжелые детали - рамы - снимали шейлером, остальные вручную, и откатывали, относили дальше. Работа была действительно тяжелой. До 32 тонн железа приходилось снимать и носить на себе до 5 - 10 метров в день, и еще много другой работы, работа была в движении. Кровь не

застаивалась в расширенных сосудах ног, и ногам было легче. Тело вначале болело, затем привыкло. Редко кто выдерживал со мной напарником (работало нас там двое). В столовой замполит как-то подходит ко мне: "Ну как, хлеба хватает?". А давали на обед четыре кусочка. "Да не всегда", - сказал я. Он с издевкой это сказал и добавил: "Да, такому здоровому, конечно". Я ответил: "V меня ведь и работа соответствующая". Грязный в масле и краске. Но в душе с радостью в Господе!

"Хулиган" с дипломом

В тюрьме, чтобы не забыть песни, которые я знал, я стал их записывать в подаренную мне книжку. Смог пронести это в зону, и тут на работе, в минуты перерыва читал и радовался. И тут Андрей пришел и принес мне нарисованную красивую картинку с православным изображением Христа. Я не отказался от нее. Вытащил из моего тайника книжечку, туда же завернул картинку и положил обратно. Андрей видел все это. На следующий день на моем рабочем месте обыск, и находят то, что там было... Андрей вывернулся, сказав, что художник, который рисовал, наверное, выдал меня. Меня вызвали, допросили, на этот раз не наказали, так как не за что было. Затем вызвали, объяснили положение о нелегальной почте. "Напиши, что тебя предупредили". Написал. Все были зажаты в кулак, а нас еще больше зажимали, потому что боялись нас.

И тут вдруг подают мне газету, вернее, дело было так. Как раз мы шли по цеху с одним парнем (где только я сеял семя жизни), тут зовет нас к себе один из начальников производства (гражданский), мы поднялись к нему. Он для виду сделал нам замечание, что мы ходим по цеху, затем спросил меня, читал ли я статью в газете "Индустриальная Караганда" о себе. Я говорю: "Нет". "О, - говорит, пойдем, я тебе покажу". Он повел меня к себе в контору. Мне прямо неудобно было в такой грязной и рванной одежде (вся в масле) идти к ним в контору, где работают все такие чистые и культурные. Нас там считали отбросами общества. Но я шел. И тут в коридоре мне повстречался слегка знакомый брат из другой общины села Долинка. Я с ним поздоровался. И он вынужден был меня узнать. "А за что ты оказался здесь?", - спросил он меня с явным укором. "Так написано же, - говорю, - гнали Меня, будут гнать и вас". Он мне не ответил ничего определенного. Наш разговор не клеился. Не видел я в нем никакого сочувствия, ни желания поддержать, ободрить. Как это было вопиюще больно. Он торопился, торопился уйти (чтобы нас не заметили вдвоем, видимо). Я еще сказал: "Если желаете, передайте своим привет". И он ушел к себе в кабинет, где работал бухгалтером зоны. Ни разу после этого мы больше не виделись, хотя я был там еще долго и в контору заходил. "Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за братьев своих". А если ее нет вообще?! Зашли мы к начальнику производства в кабинет. Он меня посадил, не постыдился без насмешки меня представить остальным и дал газету: "На, читай". Я прочел заглавие: "Хулиган с дипломом". Да, не очень отрадно. Много грязи и даже извращение фактов, всё в негативном свете. Но радовало то, что выражения "Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное" и некоторые другие были занесены газетой во все города и села, во все дома области, а кое-где даже за пределы! Разве я мог мечтать о таком?! Нет. Бог прославился через ослицу немую, Бог помог мне сделать то, что я бы никогда не смог сделать: принес весть о Царствии Божьем миллионам сразу. А Господь обещал: "Слово мое не есть ли молот, разбивающий скалу?". А в другом месте Он говорит, что Слово Его не возвращается бесплодным к Нему, подобно как дождь, падающий на землю, не возвращается впустую. Итак, радости моей не было конца! Я получил большое подкрепление. Бог не дал мне остаться в стыде. И верно, что Слово это дало и дает плод! Еще я обрадовался тому, что узнал из газеты, что братья ходатайствуют за меня пред сильными мира и пишут, что "если даже один пьяница через эти надписи обратится к Господу, то эти надписи на домах уже стоило делать!". Значит, меня поняли, меня поддерживают, слава Господу!

Затем мы разговорились с начальником производства. И беседовали мы с ним еще много раз. Он приходил с уже приготовленными вопросами (видимо из атеистической литературы). У него бабушка была верующая, и он читал Евангелие. Ну что же, я охотно отвечал, как Бог мне

давал мудрость, и Господь благословлял нас. Начальник оставался довольным, хотя, конечно, до сердца довести сказанное может один Господь. Некоторые вопросы он себе еще не мог уяснить, как вопрос войны, ее ужасов, и почему Бог допускает, и другие подобные. Но он прямо говорил, что ответы полученные от меня его удовлетворяли. Я опять радовался. Значит не зря Господь меня сюда привел. А брат Р. Д. тем временем поправлялся, правда очень медленно. Господь ему дал длительный отдых. Работой его не тревожили, в столовую потихоньку двигался с тросточкой и имел много времени для чтения и размышления. Он не сетовал на судьбу. Порой мы встречались по пути с работы, а он из столовой. В отрядах мы не могли встречаться. Аетом, когда на плацу играли в футбол, все, кто имел желанье, мог идти смотреть. Как нам пропустить этот момент?! Мы шли, садились вместе под тенью деревьев и... беседовали, радовались. У меня fj возникало много вопросов, и брат мудро наставлял меня.

В отряде было тоже немало людей, которые интересовались верой, и при удобном случае я с ними беседовал. Мы выходили на улицу, садились где-нибудь, где поменьше надзору (хотя такое место очень трудно найти) и беседовали иногда подолгу. И когда я, возможно, даже куда-то спешил, меня находили, отзывали и просили кое-что рассказать. Был в отряде некто Павел. Пришел в зону после меня с усиленного режима на строгий с добавлением срока. Воспитывался он без отца, мать не слушал, вырос, пошел по широкому пути, попал в нехорошую компанию, стали грабить людей. Грабили очень умело, продуманно, профессионально. Угоняли машину, на ней подвозили имеющих деньги на вокзал, аэропорт, по пути с него снимали самое дорогое, отбирали золото, деньги, и отпускали. К утру машину ставили на место. Карманы были полны золота и денег. Но Бог услышал молитвы матери (правда, у Бога были свои пути с сыном). Павла арестовали, дали шесть лет усиленного режима. Отбывая срок, у него была одна мысль - бежать. Работая в котельной, он еще с одним парнем делали подкоп, очень незаметно и хитро, и уже много сделали, и тут его напарник его предал. Павлу добавили еще три года и отправили к нам на строгий режим. Десять лет, представьте себе. И у парня опять одна мысль - бежать. Вокруг запретная зона, автоматчики - куда бежать? И далеко ли убежишь? И еще ведь надо убежать от себя, а от себя не убежишь! Один путь, одно утешение было для него - это Бог! Это понимал я, но не понимал он. И я начал с ним беседовать. Оказалось, у него мать верующая. Ну а если соединить ее молитвы и мои свидетельства - они должны дать плод. Мы беседовали много. И у него, оказывается, было много вопросов, которые он не мог объяснить себе, а мне они были так ясны. Конечно, нас уже приметили. Вообще за мной было очень много глаз, ибо представлял немалую опасность для лагеря атеизма. И как-то Павлик пришел и честно признался мне, что его вызвали и сказали, что им все известно о нас и о наших отношениях, и стали Павлика склонять к тому, чтобы он им рассказывал, о чем мы говорили, о моих целях, моей сущности, моих взглядах на вопросы века сего, с кем разговариваю и так далее. И обещали, и даже дали уже вознаграждение: курево и чай, что так дорого в зоне для людей, употребляющих это, и обещали наказать, если откажет. Объяснили метод связи. В общем, что желает написать - пусть пишет и заклеивает в неподписанный конверт и бросает в ящик. Это идет прямо к оперативному работнику.

Павлик пришел ко мне и стал спрашивать, что делать? Отказать -они его растерзают. То семя, что сеялось, и то вытащат и растопчут. В общем мы договорились так: что посчитаем неопасным, посоветуемся, и он напишет. И он остается цел, и я не пострадаю, и даже могу узнать кое-что: чем интересуются, что злоумышляют против меня. Так и порешили. И с Павликом я теперь уже не боялся говорить. Пусть доносят, это нам на пользу, значит, Павлик у меня что-то "выведывает". И я с терпением сеял. Душа смягчалась, и постепенно, очень постепенно приближалась к Богу. Так пролетело лето. Я не буду забегать вперед, только напишу, что через год-полтора мне мать его написала в радостях письмо (вообще она писала регулярно), что получила свидание с Павликом и что он стал совсем другим: тихим, спокойным, склонял колени вместе с матерью и молился с ней! О, велика была радость исстрадавшегося сердца матери, велика радость моя и радость Ангелов на небесах! Радость была еще и оттого, что до этого Павлика лишали всех свиданий, всех льгот, у него были сплошные наказания и одно ШИЗО за другим. А тут вдруг так неожиданно, вернее, так чудно... Еще через год мать мне пишет:

"Павлику сняли год или полтора", -радость. Еще немного спустя Павлик уходит на химию, то есть на волю работать, куда направят, почти как вольный - не радость ли это?! Хулиган был сломлен Духом Святым и укрощен! Без надежды, конца срока не было видно. И как вдруг его приблизил Господь. Велика сила Его! Всё возможно ему. Нужна наша вера и праведность молитвенника. Я еще не отбыл свои четыре года, а Павлушка уже уходил на химию с своих девяти лет. Правда нам пришлось с ним расстаться, и изменения к лучшему произошли уже без меня, а сидеть он начал чуть раньше меня. А наши сердца ждали свидания, ведь лишили очередного, а длительное свидание только одно в год. А что, если его лишили? Ведь мы ждали его! Тут мой знакомый прапорщик Саня приносит мне немецкое Евангелие. Пользоваться им нет возможности никакой, а только накажут, как обнаружат. Что делать? Не хотелось и назад отдавать. Может это уловка? Я колебался, но все-таки взял, ведь Слово Божие, как истосковалось сердце по нем. Я быстро спрятал его до удобного случая.

Кончилось лето, приближалось наше свидание. Я надеялся получить только общее на два часа. Приехали ко мне и вызывают на свидание. Я себе записал вкратце, что буду говорить, чтобы не забыть некоторые вопросы, и пошел. И тут меня ведут на личное долгосрочное. Прежде опять обыскали! Отобрали бумажку с вопросами и запустили на свидание. Какая радость! Приехала родная мама, жена и все пятеро детей. Благо было близко до дому - всего километров семь. Когда меня вели на свидание, за второй решеткой стояла мама жены - такая же старенькая, худая и больная. Она тянула руку через решетку: "Ваня...", - но до ее руки невозможно было дотянуться мне, да и я ведь шел под контролем. Поздоровался с ней, улыбнулся, и меня увели... На этой земле мы увиделись последний раз. Господь нас утешил тем, что хоть повидались. Если бы я знал, что мы видимся последний раз, я бы сказал столько хорошего, если бы смог - сделал бы столько доброго! Если бы... Как верно выражение: "Нужно жить так, как будто мы живем последний день, с целью сделать как можно больше добра". Кратка, ах, как кратка наша жизнь, и она очень быстро придет у концу! Будем же очень дорожить оставшимися годами, днями и часами!

Итак, мы вскоре обнялись с матерью, женой и детьми. Сколько слез, но это уже были слезы радости. Есть, и немало есть таких остановок в пути, где Господь дает отдохнуть, набраться сил усталой душе, поднять голову средь всех гонений и бурь, прийти в себя, проанализировать прошлое и порадоваться хорошему, подумать о будущем и вручить это в руки Господа. Благ Он, и за это Ему слава!

Дали нам двое суток свидания. Мать жены не запустили. Более двух взрослых нельзя. Порадовались мы один день, помолились, поподробнее узнали друг о друге, о жизни и хождении пред Господом. Меньшая уже забыла папу на лицо; это та, которая провожала. Посадил я ее на одно колено, а другую, которая меня помнила, на другое. "Где твой папа?", - спрашиваю у Иры. Она побольше и показывает на меня. "А твой папа где, Аиля?". Она говорит: "В тюрьме!". Я снова к Ире с тем же вопросом. Она на меня показывает: "Здесь мой папа". А младшая опять: "В тюрьме". И так пришлось несколько раз спросить, пока она поняла, что один у них папа со старшенькой, и что она у него на коленях сидит, и прижалась ко мне головкой. Как-то она шла вслед и говорила: "Папа, я вас люблю!". Так громко, на весь коридор. Ну а сынишку и я видел в первый раз, и он меня. Был ему годик, и шел уже, держась за пальчики, и мило улыбался. Вскоре и он привык ко мне. Старшие двое: Аида и мой певец Яша уже были со взрослой черточкой, хотя им было только 9 и 11 лет. Жизнь суровая уже отложила в их сердцах следы. И это было естественно, и недостатков, на которые нужно было обратить внимание и провести беседы и предостеречь от зла в будущем. Решил с сыном в этот вечер поговорить, а на следующий - с дочерью старшей. Господь благословил нашу беседу с сыном.

Как я уже говорил, с деньгами в зоне было очень строго, и на свидание родственникам не разрешали приходить с деньгами, их заставляли сдавать. А потом, если нужны были для того, чтоб идти в магазин, брали деньги у контролера и шли в магазин что-нибудь купить на свидание. Мать не стала сдавать деньги, договорившись с контролером, ибо деньги были не ее (собиралась после свидания ехать к своим родственникам и отвезти им эти деньги, так как это была их пенсия). И тут на второй день мы решили послать жену в магазин купить мне нижнее белье,

другое ничего нельзя было пронести в зону. Она взяла десять рублей у матери и пошла в магазин. Сначала не отпускали ее. Но затем пришли и сказали, чтобы шла в магазин. Это уже было странным. Мы остались с детьми и матерью в комнате свидания. Шел второй день свидания. Через часа полтора жена возвращается в слезах: "Ваня, нас лишили свидания...". Оказывается, у администрации была своя мысль, они думали, что я обязательно отправлю с ней письмо (без надзора), и решили ее обыскать при входе. Обыскали и нашли 10 рублей, больше ничего. Раздосадованные, они решили через это лишить нас свидания, обвиняя нас в том, что, якобы, она несла мне деньги, чтобы я их пронес в зону, то есть всё перевернули. Затем пришли ДПНК и сказал, что мы лишаемся свидания. Что делать? Столько недоговоренного, столько вопросов осталось открытыми. Мы помолились и стали прощаться. Очень тяжело было расставаться. Все плакали. Меня увели. Один Господь знает, когда нам придется еще свидеться. Сейчас сыну моему младшему четвертый год, и я его с тех пор не видел, а тогда не было ему еще и годика. Какие невинные открытые глаза, взор полный детской радости, но и оно исчезло, папа уходил. Потом я узнал уже, что они благополучно добрались до дому, ибо до дому было близко. Я пошел в зону. Через полтора часа меня вызывает ДПНК и ведет меня в ШИЗО. За что? - Завтра разберутся. Правда, перед этим он еще завел меня в кабинет и стал много спрашивать о вере... А затем закрыл в камеру. Два часа назад я еще был в радостном окружении детей, а теперь 2 на 2,5 метра камера, бетон, железо, темнота, уже было прохладно - середина августа. Нас было двое в камере. Я отдал ему свой ужин, мы поговорили, дождались отбоя и легли спать, обнявшись, на голой наре. Вдвоем все-таки теплее. Утром меня вызвал начальник режимно-оперативной службы: старый, седой человек и, как я чувствовал, сочувствующий мне.

Мне пришлось ему все объяснить, письменно. Он внимательно выслушал меня и, поняв, меня оправдал. Но зато замполит не пропустил момента надсмеяния надо мной и на собрании стал превратно объяснять случившееся, вот, мол, они какие... Я встал и сказал: "Гражданин начальник, Вы превратно объяснили факт!". Но он тут же меня оборвал и посадил. Что делать, я маленький человек. Потом еще жену оштрафовали на 50 рублей. Вообще собрания воспитательного характера были очень часты в колонии. Наглядно объяснили все. Выводили из ШИЗО и заставляли перед всеми каяться. Кто не хотел - тому доставалось. Как-то на одном из собраний зачитывали заявление "добровольно вступивших в общественность с нового этапа". Тут один выходит вперед и говорит: "Я не добровольно написал, меня заставили". Тут же сидел майор, который его заставил. Тут подняли такой шум, быстро увели в ШИЗО этого человека, решившегося из многих подобных сказать правду. Впоследствии я слышал, что его жестоко избивали и он сошел с ума. Его увезли. На эти собрания всех заставляли идти прямо с работы - никуда не увильнешь. Однажды нас с братом прямо с работы вывели и привели на лекцию. Нас ждал лектор по атеизму в военной форме. И опять наступление на то, что в немощи посеянное в сердцах и притом часто неправдой или извращением фактов. Лектор в частности и привел такой пример, что в Алма-Ате тоже один верующий писал на стенах домов о Боге, так его исключили из церкви, так как он оказался умалишенным. Впоследствии я узнал, что писал, да... И когда он стал явным, церковь за него молилась с постом, и его не судили за это. Он же был совершенно здоров. Через полтора года за тысячи километров от г. Караганды в Мангышлакской зоне меня вдруг вызывают. Смотрю: человек в военной форме, тот самый лектор. Он хотел услышать от меня слова раскаяния, сожаления, и огорчился, когда не услышал их. Приготовился писать, а писать ему было нечего. Затем я его обличил в его неправде. Он объяснил это тем, что он взял факт из официальных источников, а я из неофициальных. На следующий день после разговора с ним меня отправили на другую зону.

Отсюда я еще раз убедился в том, что люди эти слушают отца неправды и далеки от истины... И тоже нуждаются во спасении. Мы же ободрились свиданием, хоть кратковременным, и продолжали путь радуясь. Дом мой, семью, жену Господь благословлял. Он знал, что супруге придется много одной воспитывать детей и поэтому позаботился о ее здоровье. А пять лет назад дело было совсем худо со здоровьем жены. У нас с ней была резус-несовместимая кровь. Тяжело ходила с первым младенцем -дочерью, еще хуже с сыном. Еще до родов в областном роддоме у ней затромбировало вену левой ноги. Нога отекла и посинела. Меня пустили к ней прямо в

палату. На другой день уже не пускают. Я спросил, почему? Говорят: "Она вечером уже одной ногой была там, поэтому пустили". Родила сына, но с сердцем ее, со здоровьем было очень плохо... Приступ слабости, головокружений, почти каждую неделю 2-3 дня. На производстве работать совсем не могла. Часто лежала в постели. Третий ребенок - выкидыш. И так длилось лет пять. И тут после первого срока, когда никак не хотели принимать меня на работу, я решил поездить. ...А какую радость приносило исповедание перед молитвой ! Камень снимался с души.

Очень и очень нужно исповедание в церквах как регулярное мероприятие. Так оно было у нас в церкви города Щучинска. А жена одного мужа была членом другой общины, где исповедания не было. Ее мучил один незначительный грех с юности: не примирилась с подругой. Исповедание бы, примирение, и жила бы себе в радости. А тут дьявол и мучил мыслью: "Ты совершила непрощаемый грех, кончай жизнь быстрей, все равно погибнешь". Долго мучилась с этой мыслью, никому не говорила, пока не решилась выпить уксусной эссенции. Внутри начало очень жечь. Спустилась в колодец и там стояла по грудь в воде всю ночь. Утром ее вытащили. Уже в больнице она открылась, искренно молилась о прощении. Исповедание, очищение и освящение - средство получения силы, радости, жизни с избытком и плодов!

Был у нас в отряде еще один интеллигентный человек по имени Миша. Он имел незаурядную память и талант слагать стихи. Ко всему он питал немалый интерес и уважение к вере. Часто мы с ним беседовали. Дома его ждали жена и двое хорошеньких деток. Попался он тоже почти случайно. Где-то выпивали, сели в какую-то машину и стали беседовать. Когда стали вылезать, Миша видит транзисторный магнитофон. Думает: дай возьму, послушаю. С хозяином машины не встретился в доме, где гуляли. Хозяин машины затем уехал домой, заметил пропажу, заявил в милицию. Ну милиция быстро нашла. Мише - два года строгого режима. "И нужен был мне этот магнитофон? Дома стоял намного лучше". Память у него была хорошая. Знал много наизусть. К примеру, поэму Аермонтова "Демон". Целый час ее надо рассказывать. И при том очень талантлив как стихотворец. Хотел он на воле печататься в журнале, но ему предложили условие: пиши сперва стихотворение о комсомоле. "Я, - говорит, - отказался. Не могу лицемерить. Так и не смог печатать свои стихи". Когда я ему стал показывать стихи, которые мне прислали, некоторые приходились ему по душе, и он их переписывал, другие же предлагал немного доработать и, надо сказать, у него это получалось очень хорошо. Писал и сам хорошие стихи духовного содержания о творении Божьем, его красоте и целесообразности, о том, что Он достоин поклонения, и сам иногда молился Ему. Спрашивал меня и о молитве, и об обращении. Когда я сказал ему о том, что у меня есть Евангелие от Матфея, присланное и переписанное в письмах, Он пожелал его переписать. Как отказать ему? Желание было искреннее и горячее. Я дал ему письма. Он работал завклубом в зоне. Сделал себе хороший томик и уже много переписал.

Имел он твердое желание после освобождения (а до него осталось немного) найти в городе Караганде молитвенный дом и познать Господа, поближе познакомиться с верующими, с настоящей Библией, послушать хор. Возможно он теперь уже и посещает где-нибудь собрания, ибо освободился давно и решения своего не менял. Последний, кто меня провожал из этой зоны, был Миша. Но об этом потом.

Так вот, только я вышел со свидания, мне сообщают: у Миши нашли письма и отняли вместе с его тетрадью. У меня ёкнуло сердце. Оказывается, замполит нагрянул внезапно к нему, и он не успел спрятать тетрадь.

Миша все-таки был в авторитете у замполита и стал просить вернуть тетрадь и письма. Долго он колебался, но все-таки отдал. Миша смог ему объяснить о разрушенном учении Библии, его пользе и так далее. Замполит смягчился. Меня тоже не наказывали, хотя, конечно, все бралось на карандаш, "нарушения" мои росли. А Мишу, естественно, кто-то предал из его близких, видевших, что он пишет. Возможно подслушали и наш разговор в комнате свиданий, где я упомянул о нем и переданном и спрятанном Евангелии. С Мишей мы расстались тепло, и чувствовалось, что вера его не тает и желание остается прежним. И держался он не как все, как-то скромно, культурно, показывая пример другим. Но он должен был встретиться со Словом, и

именно здесь... Такова была воля Господа Бога нашего. Он любит грешника и знает пути к его сердцу.

Письмо через цензуру

Письма! Беден язык, чтобы описать все значение их для брата или сестры, находящихся в узах. Общения с братьями и сестрами мы лишены. Библии, Евангелия или другой духовной литературы, как правило, тоже не имеется, хотя есть закон, который предусматривает Библию Московского издания для верующих в узах, но он почти нигде не соблюдается администрацией. И так на многие годы источником силы и души остаются Господь и письма. О, эти птички, принесшие на крыльях своих столько сил и поучений, и проникают они везде, их приносят даже в камеру (только не в ШИЗО), и притом в неограниченном количестве, получай сколько хочешь. Сколько тебе пришлют, столько и получишь, хоть сто писем в день, здесь еще нет ограничений. Нельзя только писать из зоны более двух писем в месяц. Улаживайся как хочешь, но более двух нельзя. И вот я писал одно письмо родителям в месяц, а другое -жене с семьей, а они уже распространяли дальше. В письме уже перечислял тех, от кого получал письма, и передавал им благодарности, а мама с женой это уже передавали дальше. Правда, еще есть один путь, как можно послать весточку. Это послать поздравительную открытку. Их тоже можно отсылать в неограниченном количестве, но в 41-ой зоне меня вызвали через пару месяцев и сказали, чтобы я кроме поздравительного текста ничего не писал на открытках. Досадно, конечно. То хоть, бывало, за поздравлением еще добавишь, что здоров, бодр, очень благодарен за письмо, или сообщишь что-нибудь очень назревшее, но запретили и это. И теперь в это одно письмо (то есть в два) в месяц должно было войти много. Душа переливалась через край, и я писал, писал до 6 - 7 листов в каждую клеточку. Однажды, помню, сел писать письмо. Было воскресенье, лето, на улице тепло. Вышел, сел за маленький столик-парту и прямо у всех на виду пишу, ведь прятаться мне не от кого, я же ничего запретного не делаю. Пишу старательно, долго, где-то прошло уже часа 4-5. Приходит тот оперативник Саша и прямо ко мне: "Что делаешь?". "Да вот, -говорю, - пишу письмо". Обыскал он место, где я сидел, приказал забрать письмо и идти за ним. Я пошел. "Вот, - думаю, - кто-то доложил, служба работает". Приходим в его кабинет, он читает письмо и спрашивает удивленно: "И это ты будешь отправлять через цензуру?". Видимо, он думает обратное. "Конечно", -говорю. Он отпустил меня. Прикопаться не к чему. Только вышел - другой офицер: "Ну-ка, дай-ка твое письмо". Тоже прочитал и отдал. Интересно им все же было, что же я пишу. А Господь прославлялся. Кое-когда, правда это было всего 2-3 раза, письма мои не доходили домой, видимо там было сильно много обличающего. То, что здесь пишется, конечно, я не мог писать в письмах, это я мог рассказать только на свиданиях личных, и то под угрозой быть подслушанным. Сначала, конечно, писем было мало. Дело было под Новый год и Рождество Христово. Но зато брат Р. Д. получал много писем и поздравлений. Он как-то подсчитал за период 10 дней праздничных он получил где-то 120 писем. Мы радовались вместе. Он давал и мне читать. Сколько стихов и песен, местописаний, поздравлений, а главное - участие сердец. От малого до великого старались чем-то помочь, как-то ободрить. Это приносило большую радость. Затем братья и сестры узнали и мой адрес, стали писать и мне. Я очень обрадовался, когда стал получать письма и поздравления от совершенно незнакомых мне братьев и сестер из разных мест страны. Почта шла из Алма-Аты и Сыктывкара, Челябинска и Свердловска, Москвы и Ленинграда, Ташкента и Минска, Новокузнецка, Щучинска, Караганды, Темиртау, Уфы и Измаила, Рязани, Исарика, Херсона и Омской области, Шахтинска и Джезказгана, Иссыка и Воронежа, Орджоникидзе и Алтайского края. И не хватило бы здесь места, чтобы описать и перечислить всех, кто и откуда нам писали и искренне поддерживали нас. Такое количество почты, которое мы получали с братом, в зоне никто не получал, и это было еще раз свидетельством нашего единства для них. Многие очень восхищались тем, сколько нам пишут, и очень бы желали, чтобы им тоже писали, но, увы, им часто некому писать. Годы они не получают ни одного письма. Как должно быть тяжело страдать за проступок многие годы, а может и ни за

что, да еще и изменяет семья, жена на воле отворачивается, не пишет. Тогда иные кончают жизнь самоубийством. В 41-ой зоне писем из-за границы нам не отдавали, хотя, я думаю, они приходили. Потом уже, в другой зоне я стал получать письма из Голландии и Швеции, Франции и Америки и из других мест. Даже там сердечно молились за нас, узников, переживали за нас, ходатайствовали. Радостно читать в их неверном русском почерке: "Мы помним вас, мы любим вас, мы молимся за вас".

Часто находишь в письмах действие Духа Святого: когда поддержку, когда наставление, когда обличение, а чаще всего - искреннее участие. Посылка положена только один раз в год, а бандероль килограммовая - три раза в год. А нужд много. Вот и искали выход из положения. Мне прислали в письмах открытки чистые и конверты, стержни, ручки, цветы в засушенном виде и даже свежие. Их приносили прямо к цензору, ложили в конверт, и мне приносили письмо. Из незаключенного конверта весело выглядывал цветок и говорил: "Не унывай, Господь с тобою". Присылали мне в письмах несколько конфет-ирисок, зубки чеснока, который так нужен в этой системе и так дорог. Даже в камеру однажды пришло письмо с аккуратно разложенными между двумя листиками бумаги "дичками" - это маленькие яблочки размером в крупный горох. Они уже расплющились, так как были мягки по осени, и я смог даже угостить сокамерника и сам попробовать воли. Старшая дочь и сын прислали мне как-то по тонкому носку, один левый, другой правый в конвертах. Прислали платочки, иные пахли очень долго, очень приятно. Недавно я подарил платочек, который мне прислали два года назад, он еще имел запах духов. Проходили цензуру и открытки с печатной надписью Библейского содержания, и вообще письма проходили все и пропускались ко мне. Только адреса, как я заметил однажды, регистрировались оперативниками.

Но были времена, что письма не пропускали совсем. Это перегибал палку какой-нибудь озлобившийся администратор. Было так однажды на общем режиме и здесь уже. Три месяца не получал ни одного письма. Я написал домой об этом. Там забили тревогу, стали писать и ходатайствовать в разные инстанции о беззаконии. И тут приехал человек прямо из управления, заставил меня написать объяснительную по этому поводу. Я написал все, как было. Тут же присутствовал один из оперативных работников, и он обещал мне, что я письма буду получать все. И действительно, после этого я письма получал все. И даже вернули почти всю почту за прошедшие три месяца. Как часто мне говорили в зоне ребята, сидевшие со мной: "Какой Вы счастливый, И. Я., столько писем получаете". "Да, - говорил я, - и ты можешь стать таким же счастливым". И вот уже тема для беседы. Наиболее интересные письма при случае предлагал собеседникам для чтения. Там часто очень ясно освещался тот или иной вопрос. Напимер, одна сестра мне списала отрывок из книги "Секрет и сила молитвы" о молитве: как надо молиться, кто может молиться и когда и где. Очень ясно и доступно. Часто просили кое-что переписать или написать, к примеру, поэму "Молитва матери". Я писал многим и очень многим, а они ее уже брали с собой. Письма я хранил более содержательные, а менее - сжигал, как прочитывал несколько раз ибо не мог все хранить, очень объемно получается. У меня сейчас более 1000 писем в отдельном мешке, килограммов десять. Под праздники бывает до 20 и более писем и поздравлений в день, а в обычные дни - в среднем два письма. И везде я их вожу и несу с собой. Когда перевозят или садят в камеру, а там уже прочитываю повторно и более вникаю, ибо времени достаточно. Переписали мне и прислали почти полностью Евангелие от Матфея, Евангелие от Марка, Послание к Ефесянам, Послание к Тимофею, некоторые главы Послания к Коринфянам, полностью Откровение Иоанна и многое другое.

"Интеллигентный" карманник

Спустя несколько месяцев моей работы на погрузочно-разгрузочной площадке, бригадир смягчился, оперативники временно отвели от меня свой пристальный взор, и меня сменили. Дали мне более легкую работу, но не безвредную. Нам привозили сварные подземные лемеха, большие и малые, и мы вдвоем их расставляли аккуратно один к другому и затем кистями их красили на

улице. Дело было уже весной, приближалось лето, и, поэтому, работа была сносной. Напарником моим был человек лет пятидесяти пяти. У него уже был приличный стаж отсиженного срока - приближался к 45-ти годам! Болел он одной болезнью: брать чужое, то есть воровать. Специализирован он был на кошельках. Такие люди себя обычно оправдывают тем, что берут у богатых, разжиревших людей, берущие деньги нечестным путем, они, якобы, их "наказывают". Он очень много поездил в своей жизни за те короткие месяцы, что был на воле, много повидал, много знал, был умным, рассудительным человеком. Естественно, и ему я объяснял, что воровать - грех, и что ему придется дать отчет перед Богом, что он тоже нуждается в покаянии. Он со всем был согласен, но говорил: "У меня еще много врагов на воле, это одно. А второе - отруби мне руки, тогда не буду больше воровать". Это было больно слушать. Что еще нужно, чтобы растопить такое сердце, знает один Господь. "Я, - говорит, - еще проезжу Союз вдоль и поперек, а потом вобью кол и заведу хозяйство, жену и буду жить. Он умел слушать, и я его слушал с удовольствием. Рассказывал о себе. Ездил всегда очень аккуратно одетый, в шляпе, с папкой под мышкой и прямо на ходу, очень и очень ловко, мимоходом брал кошелек из кармана или сумки. Этого никто не замечал. А чаще во время давки, когда все торопятся в автобус, у человека одна мысль: зайти..., и все тело отключено, оно не чувствует ничего, и вор делает свое дело... Иногда у них появляется жалость к жертве: "Взял я как-то кошелек у студентки. Она, как заметила пропажу, заплакала так искренно: "Как я теперь буду жить? Это ведь моя стипендия была". Вор смотрел, смотрел со стороны, потом подходит к ней и говорит: "Вот кошелек Ваш, не роняйте больше". Другая женщина оборванная, грязная, опущенная лежала где-то под стоящим паровозом. V вора сжалилось сердце. И вы знаете, он бескорыстно, не беря ничего и не требуя, одел ее как куклу и отпустил...

Запомнил я два поучительных примера, которые он мне рассказывал. Шел путник с сумой по дороге. Ни дома, ни семьи -воля вольная. Шел, шел, и настигла его ночь на дороге. Он отошел несколько шагов в сторону, лег в траву, подложил мешок под голову и крепко заснул. Настало утро, солнце взошло, а он беззаботно и крепко спит, вокруг только храп раздается... Случилось, что той дорогой ехал царь со своей свитой. Остановил он карету около сладко спящего человека, вышел, подошел, посмотрел на него и воскликнул: "Какой счастливый человек!". Повернулся, сел в карету и уехал. Все богатство, вся власть не давали ему счастья и самого нужного в жизни. Бывает, даже мелочи приносят радость и вызывают благодарность в сердце.

Другой пример. Жил один очень богатый человек. Имел он все, что хотел. Слуги по его воле делали, что он пожелает. Веселили его и забавляли, смотрели ему в глаза и готовы были по первому приказу идти на смерть ради господина своего. Но богач был глубоко несчастлив. Ничто ему не приносило радости, и к тому же он очень возгордился. Гордость возвысила его и оторвала от людей, от общения с ними, и это удручало его больше всего. И как-то он подзывает к себе своего покорнейшего слугу, который все время говорил, что он счастлив в послушании, и сказал ему: "Ты хочешь заработать?". Слуга не отказался. Тогда богач сказал ему: "Бей меня по щекам". Слуга онемел от испуга и изумления. "Бей, я тебе приказываю". Слуга трясущейся рукой стал бить по щекам своего хозяина. Когда богач посчитал нужным, он остановил слугу: "Хватит на сегодня. И так каждое утро ты будешь бить меня, пока я не смирюсь, и я тебе заплачу огромную сумму". Таким образом богач увидел причину своей беды и путь избавления от нее. Он вскоре смирился, стал находить радость в общении людей и в жизни... Мой напарник д. Витя, как и Н. Н. Храпов, сидел и в те годы, много, очень много видел и пережил и мог многое рассказать. Но он, как и все, не мог терпеть несправедливости, говорил и бригадиру о его недостатках, и тот его вскоре списал с бригады. Нам пришлось расстаться. Изредка мимоходом виделись, здоровались, несколько вопросов, и всё, более не было возможности.

Брат Р. Д. Тем временем вышел на работу, и его опять поставили дневальным гаража, где он когда-то и работал. Мы искали наиболее удобный момент хоть кратковременных встреч. Несколько улучив момент, немного поговорим в обеденный перерыв, когда все на обеде, за цехом. Но и сюда приходилось нам отпрашиваться. Эти короткие встречи приносили много радости. Однажды даже спели вместе. Брат побыл на общем свидании с супругой, тоже долго пришлось ждать ему из-за лишенного свидания. Но Господь и в этом нас укрепил и в конце

возрадовал. В жилой зоне тоже хотелось хоть иногда побыть вместе, но где? И вот мы договорились в одно время идти в баню мыться и там во время мытья и поговорить. Всего 2-3 раза нам это удалось, и всё. Запретили разным отрядам вместе мыться. V каждого отряда строго свой день по графику, и только в сопровождении завхоза запускали в баню. Обрезали нам и этот путь.

Тут в зоне решили попробовать еще один метод для того, чтобы процент общественников увеличивался. Как только приходят с работы, поужинают, проверяются и по рупору вызывают необщественников, и будь добр, отработай еще два часа, где посчитают нужным по благоустройству зоны. У людей не оставалось времени постирать, написать письмо, очень уставали. И некоторые писали заявление: "Примите меня...".

Сначала меня не вызывали, но тут один оперативник, который был приставлен ко мне, приказал и меня привлекать к работе. Стали вызывать и меня. Распоряжался работой нарядчик. Он, видимо, немного нас, верующих, уважал и дал мне снисходительность: ежедневно мыть у него пол в кабинете после окончания его работы.

Ну что ж, я старательно мыл недели две. Тут как-то, когда я решил сменить воду и помыть второй раз, мне навстречу попались старший оперативник и режимный работник. "Ты что тут делаешь?".

"Пол мою". "Зачем?". "Потому что я не общественник", - ответил я.

"Сейчас же поставь таз и иди в отряд!". Я еще пытался взять воды и долить, но меня заставили тут же поставить таз и пойти к себе в отряд. Я был очень рад и благодарен Господу. Видимо все-таки немного боялись единства верующих, и если это выйдет на волю, оно будет не в честь администрации.

Начальник отряда как-то вызвал меня, тоже предложил написать заявление... Ведь у тебя пятеро детей, быстрее уйдешь на волю..,

Нет, я отказался, сказав ему, что Господь силен меня вызволить с этой системы раньше и Ваше сердце расположить к тому без моего заявления. А если нет - в том воля Его, буду сидеть до конца. Теперь опять после трудового дня у меня было время и силы для чтения и продумывания писем, для молитв открытых, как призывал Господь, ко свидетельству.

Евангелие под запретом

Близился конец августа 1982 года. Как-то меня отзывает из барака один цыган (его все боялись, как заядлого предателя, он и сам не отрицал это, человек опущенный) и говорит мне: "Ваня, возьми свои книги, а то их может отобрать администрация". И ушел. Я стоял в недоумении: "Какие книги? Я вроде никому не давал книг". Так и успокоился я. Но успокоился зря, оказывается. Господь расположил ко мне даже этого Иуду. Он меня предупредил правильно. Оказывается, то немецкое Евангелие, которое мне принес прапорщик Саня и которое я спрятал, попалось в руки кому-то из нашей бригады, он что-то искал в том месте и нашел. Там еще был сборник стихов "Радость" издательства "Христианин" и несколько листков с моими памятками. Я себе кое-что фиксировал, самое интересное, чтобы не забыть. Но я обо всем этом не знал. Проверял, правда, время от времени, все ли на месте, но в последние три дня не смотрел. И тут меня опять вызывает оперативник Саша. "Значит, ты здесь читаешь Библию?", спросил он.

"Нет, не читаю", - говорю. "Как не читаешь? Ведь вам нельзя обманывать". "Я не обманываю". "А это твое?". И он вытаскивает из своей папки Евангелие и сборник стихов. Обманывать нет смысла, что это не мое. "Да, - говорю, - мое, но я его не читаю". И тут пошло: "Кто тебе передал его?". И снова, и снова этот вопрос. Я не мог выдать человека, так и сказал оперативнику. Долго он допытывался, заставил написать объяснение и отпустил. Я пошел быстро к тому месту, где должны были остаться еще мои листки с пометками, и что же?.. Листки на месте. Я быстро их взял и в присутствии Андрея их в одном месте завернул в целлофан и зарыл в землю, предполагая, что, видимо, не скоро я смогу этим пользоваться.

Андрея до этого предоставляли на колхозное поселение, хотя ему еще оставалось много сроку. Прошел он офицерскую комиссию, а затем и гражданский суд, в общем, без пяти минут вольный человек. Те, которые проходили с ним суд, уехали, а его не берут. Почему? В конце концов мы узнали, что его дело опротестовал прокурор и не пропустил. Андрей остался в зоне. Было последнее воскресенье августа. Я еще написал длинное письмо домой со словами: "Надо мной сгущаются тучи", и что завтра, то есть в понедельник, видимо решится мой вопрос, и я допишу. Андрея же попросил, чтобы он, если меня закроют, дописал письмо или хотя бы бросил в ящик, чтобы родители получили письмо. Он мне обещал это сделать. В понедельник, где-то к обеду, меня вызвал начальник колонии. Кабинет блестел дубом и лаком. Оперативник Саша доложил ему дело с Евангелием и вообще обо мне. Начальник предложил мне сказать, кто мне принес Евангелие, и разговор обойдется кабинетом. Я отказался, сказав, что лучше пострадаю, чем выдам человека. Он еще раз погрозил, что вышлет меня Мангышлак. И когда получил еще раз подтверждение моей^ непоколебимости, приказал увести меня в камеру. Я был взят работы и поэтому был в грязном и попросил сопровождающего меня прапорщика пойти со мною в бригаду, чтобы переодеться. Он согласился. Я переоделся. Ребята еще, сочувствуя мне, дали мне сухарик съесть, попрощались мы, и меня повели. Провожал меня и Андрей. Привели меня в ШИЗО, обыскали, но теплое белье не отняли, ибо дежурный прапорщик сочувствовал мне. Он еще удивился, что меня приказали закрыть в одиночную камеру. И вот я снова в камере... Пока белье на мне, еще терпимо, но надолго ли?.. Было 1 сентября. Дети пошли в школу. Сколько их ожидает зла, искушений и неизвестности? Сколько западней расставил лукавый на их пути, сколько усилий будет приложено, чтобы пошатнуть их веру?! Нужна усиленная молитва и бодрствование нас, как родителей, и мудрость, наставления... Но дети были недалеко и в то же время недосягаемы. Осталось одно: молиться. И я молился, молился помногу, ибо времени было достаточно. Что ожидает меня? Неизвестность - тоже бремя, и бремя нелегкое. Хорошо, если человек научился его слагать к ногам Христа. Высшая школа жизни преподает много полезных уроков. Учит многому, в том числе терпению, упованию, кротости, смирению, прощению, любви, вере. Начался новый урок для меня в этой школе.

Андрей отослал письмо, но под диктовку чью-то написал, что я сломал руку и потому не могу дописать письмо, что не соответствовало истине.

Через два дня заступила новая смена, как раз тот ДПНК, который был при моем прибытии в зону первого дня ШИЗО. С меня сняли теплое белье и закрыли в камеру. Уже было довольно холодно, двух стекол не было в окошке, и по ночам уже заснуть одному было почти невозможно. И я приуныл. Я так хорошо помнил те зимние дни, как в кошмаре каком-то. О тех днях я мог сказать слова, которые сказал некогда Псалмопевец: "Объяли меня болезни смертные, муки адские постигли меня, я встретил тесноту и скорбь". Я молился в слезах Господу о том, чтобы устоять и не поколебаться.

Дни пошли пасмурные, ветреные и холодные. Уже и днем все время по телу колотили мурашки и холод болью окутывал тело сверху донизу и снизу доверху. Один тонкий пиджак и брюки без подклада, голова нагая, сапоги. Один под себя, когда спишь или садишься на другой ноге. Время этого периода самое тяжелое. Уже холодно, но батареи еще холодные, и ничего не наденешь, ничем не укроешься. Начнешь движениями греться - слабнешь, ибо питание очень скудное, о котором я писал. Один день кусочек хлеба и вода, в другой - кусочек хлеба и жидкой похлебки черпачек три раза в день. Голод мучает сильно, желудок постоянно пустой. На воле мы иногда проявляем недовольство, когда хозяйка запоздает с обедом час или два, так как желудок требует. А тут он требует постоянно, час за часом, ночью и днем, и все сильнее и сильнее. Норма -кусочек хлеба только развивает аппетит, и опять жди 6-7 часов до обеда.

Когда прошло три дня моего ШИЗО, а подписали мне 15 суток, вызывают... сидит оперативник Саша... и показывает мне мои листки, которые я закапывал... "Тебе знакомо?". Я был потрясен. Да, значит Андрей точно предатель, не зря меня предупреждали. Знал только он, где я их спрятал.

Пришлось объяснить мне, что это за листочки. В общем страшного и опасного там не было ничего, но одно место... как-то мой напарник д. Витя мне рассказывал, что, когда он был на особо

строгом режиме, то видел, как люди, оказавшиеся в тупике, загнанные дьяволом, вешались каждый день, по три случая в день, как завтрак, обед и ужин. Я себе этот факт заметил. И оперативник нашел это место. Он с него раздул большой огонь... Закрыл папку и приказал меня увести в камеру. Я знал, что они могут с этого факта и новое дело завести... Якобы клевета на органы МВД и так далее. "Уж лучше бы побыстрей, если тому быть", - думал я. В тюрьме хоть потеплее. Дум и неизвестностей прибавилось немного ко всем другим страданиям. Еще впереди почти три года срока, а вдруг еще... В этом очень был заинтересован кое-кто. Часы тянулись мучительно, не говоря уже о днях.

Андрей вскоре вышел на бесконвойный режим содержания работать за зону. Это опять за счет предательства - это было мне ясно. Один раз Господь показал, что за счет этого он не продвинется ни на шаг, когда прошел оба суда на волю и все же остался. Он покажет ему это и здесь. Через два дня меня перевели в другую одиночную камеру, где был еще один человек. Его привозили с другой зоны. Там он постоянно сидел в камере, был большим нарушителем и очень стойким человеком, не боялся и не склонялся ни перед кем. С 15 лет он воровал и кололся наркотиками. Надо сказать, что наркоман не может не воровать. Один укол в вену наркотика обходится ему в 25 - 50 рублей. А в день он должен 2-3 раза уколоться, чтобы поддерживать дозу. Вот и подумаем: он таких денег никогда нигде не заработает. Да и не могут такие люди работать. Это живые инвалиды со слабым здоровьем, не имеющие сил и желания работать. А тут еще укололся или накурился, а потом все, ему надо лежать или сидеть часами. Какой с него рабочий. И, уколовшись, он безучастен ко всему, слушает в себе какую-то дивную небесную музыку, где-то летает и блаженствует, но очень портится здоровье. А как кончится наркотик - наркоман сильно, очень сильно болеет. Голова его зажата в тисках, кости ломит, температура поднимается, апатия, раздражительность. И в такой момент такой человек отдаст и продаст всё, только бы уколоться. А если все-таки не удастся нигде раздобыть наркотики, некоторые умирают. Жил мой Валера очень шикарно на воле. Воровал он с сожительницей вместе. Оба наркоманы. Заходят в магазин, и она примеряет платья. Он ее закрывает, она быстро сворачивает 2-3 дорогих платья и быстро под свое платье. Заходила молодая женщина с мужчиной. Выходит мужчина с женой в положении последнего времени... Обычно это проходило. Но однажды она перебрала дозу наркотика перед входом в магазин, замешкалась где-то, и продавцы заметили их темное дело. Так и попались.

В общем, Валера - парень 22-х лет. Он сидел со мной. Когда его сильно расспрашивали в зоне рядом с 41-6, то его сестра, которая занимала высокий пост, стала хлопотать у начальства УВД о его вывозе из зоны. Генерал обещал его вывезти, и его привезли к нам. "Да, - говорю, - Валера, тебе не повезло, ты угодил в еще худшую зону. Там, где ты был, было плохо только в изоляторе, а здесь плохо и в изоляторе, и в зоне". Он слушал с интересом о вере, о Боге. Господь благословил наши сердца. Валеру обещали выпустить, если он напишет заявление в общественность, это противоречило всей его внутренности, всем его понятиям, всей его сущности. Вся его жизнь была направлена против этого, и вдруг... нет, нет... и разговора быть не может.

Тут его вызвал начальник отряда, повел в зону, показал, как там хорошо, и все бело и прибрано, познакомил с некоторыми общественниками, которые стали его склонять к ним и объяснять, что другого выхода нет, и Валеру опять привели. Замполит обещал в пятницу его вызвать. Валера колебался. Страдания были очень велики. "А может решиться, начать снова, взять портфель побольше?..". Что я ему мог сказать? "Смотри сам. Если вступишь -останься человеком, не делай вреда. Смотришь - и здоровье сохранишь, и выйдешь на волю, а потом пора и новую жизнь начать для Бога". Замполит не сдержал слова, не пришел в пятницу. Если бы он знал, что Валера в колебаниях, он бы обязательно пришел. Но он не мог знать. Он пришел только в понедельник. Валера, как только услышал его голос, стал громко звать... "Да, - подумал я, - такой камень, столько перенесший, и того сломила зона эта и ШИЗО. Надо крепиться. Ведь наш Господь, укрепляющий нас, превыше всего и сильнее всех". Ночью мы с Валерой корчились и прижимались друг ко другу. Валера начал сильно кашлять, спать урывками. Я не мог подолгу

спать, а вставал и грелся приседаниями и другими упражнениями. Валера начал недовольствовать этим, но что делать?!

Когда замполит услышал его голос, он его вызвал. Замполит, главный режимщик, начальник колонии только начинал свою работу с маленьких чинов в этой колонии, когда Валера начал сидеть. Они его помнили и знали. Он был для них не поддающимся воспитанию. А Валера решился на то, чтобы выйти в зону, написать заявление, помыться, переодеться, чифирнуть и пойти к начальнику отряда, чтобы он порвал заявление. А там будь что будет. Валеру больше не перевели ко мне обратно. После я услышал, что он уже в другой камере, опять в ШИЗО, видимо, так и сделал, как сказал. Затем его закрыли в ПКТ.

Быстрее, быстрее бы кончились эти 15 суток... А там хоть 6 месяцев, я согласен... Только бы одеться.

Был у меня знакомый повар, были с ним вместе в тюрьме. Пришел он нас кормить и оказался один у моей камеры. Он мне положил быстренько полную чашку горячей каши. Как я был рад. Теперь он придет через два дня на третий. Пришел. Раскрыл дверь одну, сплошка, которая наружная, а решетка закрыта. Оглядел камеру с удивлением. Я был один. Не помню выражение, которое он сказал, но в нем говорилось о мужестве, силе и победе. Слава Господу, который дает побеждать. Потом этот повар заболел, и его увезли. Дьявол подрезал все подпорки, что Господь только разрешал. Другой какой-то сунул мне в камеру две пайки хлеба лишних, третью по ошибке, дал лишнюю пайку хлеба и полселедки. Я подумал и сказал ему об этом. Он разрешил мне их съесть. Я был очень рад. 15 суток шли к концу. Я много молился, Господь меня приготовил к шести месяцам камерного режима. Я готов был их принять с радостью. Как-то стою в слезах в молитве. Вдруг открывается дверь, и меня вызывают. Мой начальник отряда подает мне документ в красной обложке о моем оформлении в помещение камерного типа на 6 месяцев. Там же в кабинете стоял начальник отряда РД, видимо, посмотреть на мою реакцию. Я был очень доволен и рад такому повороту дела. Ведь шли уже 17-е сутки моего ШИЗО, и всё тихо, неизвестность...

Я прочитал, было много пунктов:

1). За распространение учения баптизма среди осужденных.

2). За нелегальный путь приобретения духовной литературы.

3). За клевету на органы МВД и за многое другое.

Шесть месяцев ПКТ. Моя роспись. Бумага внушительная, с многими печатями и росписями. Я расписался и пошел. Наконец-то... мой вопрос решится. В камере я склонил колени в благодарственной молитве.

Сегодня мое сердце ликовало. Да будет милостив ко мне Господь и в дальнейшем. Вечером мне принесли с отряда мой матрац, одеяло, подушку и полотенце. Мешок с личными вещами и письмами обещали после передать. Объявили отбой. Мне отдали мои постельные принадлежности в камеру. Я заправил их на наре, постелил простыни. Какой запах приятный после 17 суток.

Естественно, мы не ощущаем этого запаха, ложась ежедневно в постель, но запах все-таки изумительный и от постели, и от сухого хлеба, и даже от воды. Мне как-то говорил один человек, который был оперирован по поводу рака желудка и которому после давали воду в ограниченном количестве чайными ложками, что вода пахнет лучше, намного сильнее лучших духов.

Итак, я в благодарении склонился у нар, у моей постели и затем лег в постель... Частица рая... Блаженство неописуемое, сердце благодарило и благодарило. Я лежал на белой простыне, под одеялом, на подушке и матраце. Кости так изболелись на твердой наре, что болели при дотрагивании, не только, когда вновь приходилось ложиться. А не ложиться нельзя - упадешь от усталости. Я долго не мог уснуть от непривычной мягкости, хотя под матрацем и были доски и железо.

Где-то во втором часу ночи я все же заснул и чуть не проспал подъем. Ведь надо успеть свернуть матрац, сложить простыни, завязать и по подъему все вынести из камеры, ибо постель днем в ПКТ не положена. В камере при себе я оставил только полотенце, накинул его на себя под

пиджаком, и уже было легче днем. Хоть плечи не так пробирало холодом. Было уже 1 7 сентября, а в камере все не топилось.

Днем делал обход начальник колонии и спросил, подписал ли я постановление на шесть месяцев. Я подтвердил. А почему меня не перевели в камеру ПКТ, - спросил он дежурных. Те объяснили, что камеры вверху переполнены и что они начнут заполнять камеру подвала...

Тюремная яма

Некоторым человеком была придумана идея: построить несколько камер по типу полуподвала и там держать особых нарушителей, не поддающихся воспитанию. Вырыли яму глубокую вплотную к ШИЗО, забетонировали, подняли над землей на пол метра, вывели окошки с люками и накрыли бетонными плитами.

Сделали перекрытие тонкое, внутри накидали шишками штукатурку и выложили пол кафелем. Вот и всё.

На следующий день меня повели в подвал, открыли крайнюю камеру, и я вошел. Дверь за мной захлопнулась. Я оказался как в могильном склепе. Во-первых, холод объял меня подобно тому, как спускаешься в колодец летом. Воздух необжитый, застоявшийся. Долго, возможно полгода уже в этой камере никого не держали. Я имел честь быть первым. По бокам, как пытательные станки, стояли завинченные нары, и спереди одна. Тусклая лампочка в проеме под дверью, закрытая в стенке сеткой. Сырость. Зарешеченное окошечко под потолком закрыто люком и свет не пропускало. Могильная тишина. В центре - железный стол, скамейки по бокам. Я склонил колени: "Господи, помоги, укрепи, дай устоять, утешь...". Днем, при обходе начальства я понял из их разговора, что нас хотят троих закрыть в камеру подвала. Два часа я был один. Тут открывается камера и запускают еще двоих грязных продрогших людей, жаждущих курева. Они поздоровались и сразу принялись искать по щелям окурки и спички...

Меня часто удивляла настойчивость этих людей, их умение и терпение в поисках. И они находили и наскребали там, где нечего было найти. Нашли и вскоре закурили. Огонь таким людям иногда приходится добывать первобытным способом. Если нет спичек и не зажигается черная тряпочка на лампочке (ибо лампочка сильно слаба), то берут кусочек ваты и тряпочки с одежды, закатывают в маленький валик и катают под шахматной доской или даже чашкой, пока не задымится. И прикуривают. Вообще, находчивость их очень велика. Он может спичку, найденную в щели, зажечь о стенку или о свои брюки. Он может из стержня от авторучки или шариковой ручки сделать шприц. Он из хлеба может сделать различные красивейшие маленькие туфельки и сувениры. Он сделает кипятильник из кусочка провода и лезвия. Он вскипятит кружку воды одной газетой и остатками жженной газеты успокоит страшно болящий зуб; понос вылечит солью; из старых и рваных синтетических носков он сделает красивую ручку, из куска цветного металла - коронку под золото. Есть очень хорошие и талантливые художники, искусные мастера по дереву, железу; музыканты, танцоры, артисты, поэты и т. д.

Итак, мы познакомились. Один из сокамерников оказался немцем, он знал меня. Оба попались выпившими за зоной, они были бесконвойниками, и обоих закрыли на шесть месяцев в ПКТ. Втроем было немножко веселее. Я старался подбадривать своих новых знакомых: надышим - будет теплее в камере, а там должны нас повести в баню (она здесь же, в ШИЗО), передать одежду, вещи, и мы заживем. В этот же вечер мне и одному из них передали вещевые мешки. Я был несказано рад ему. Там было теплое белье, сменное х/б, теплые носки, письма, мыло, тетради. Все, что можно было, я надел на себя и ожил... Кое- что дал надеть тому, у кого не было ничего, и другой тоже, и так мы ободрились. Дуя на холодные руки и разогревая нос, читал письма: как давно я не имел никаких известий от семьи, от матери. А тут узнал, что приезжали жена, дети к зоне, ходатайствовали за меня, переживают и 'молятся за меня, также и родители и церкви, и это все очень радовало и ободряло.

Пайка наша немного увеличивалась по сравнению с ШИЗО. И хлеба побольше, и чуточку сахара, в обед - первое и второе, тоже скудное, но, все-таки, это был суп с картошкой и капустой,

а на вторoе - черпачек густой каши без жира. Вечером - уха, утром - суп или кашки черпачек. В общем, не поправишься и не умрешь, двигаться сможешь и даже делать работу посильную. А мы пока не работали. Камера подвальная считалась нерабочей, так как она и так имела свои трудности бытия. Те вверху работали тоже в камерах. Там крутили проволочную заградительную сетку. Для нас пока ничего не придумали, и мы не работали. Вскоре нам дали бочок с водой, параша уже стояла, и мы хоть слегка умыли свои грязные обросшие лица. Ведь не мылись более полумесяца вообще. Руки, лицо, тело за это время несоприкосновения с водой почернело. Иногда начнешь тереть одну руку о другую - и таким образом скатывается немного грязи с рук, когда поплюешь на них. Вечером открыли нары, дали постели наши, матрацы, и мы постелились. Я помолился в углу. Там я избрал себе место молитвы, там всегда и молился. И лег спать. Как хорошо спалось. Первый раз я не мерз за такое длительное время. Правда, не снял с себя теплое белье и носки, так залез под одеяло. А на одеяло накинул еще свои брюки и куртку и с головой залез под одеяло. Ночь эта была без сновидений.

Прогулок не было, все время в камере. Но и работы не было, это было облегчающим обстоятельством. Только утром выносили парашу, кинешь взор на звездное небо и опять в камеру. Через несколько дней в камеру завели еще двоих с верхней камеры. Они были в сангороде, оттуда их выписали за нарушение, и вверху не ужились, их решили закрыть к нам в подвал. Они без привычки,-с теплого очень мерзли, да и одеты были слабо. Один чеченец, другой - русский. V него уже мало осталось в камере: где-то еще месяц, и потом в зону. Был он справедливым парнем, умеющим и других поставить в колею. Он отбыл свой месяц, мы распрощались, и его увели в зону. Через некоторое время, слышим, он умер. Болел печенью и отчего-то умер. Значит, Господь меня поставил последним предупреждающим знаком на пути. Радуюсь тому, что смог ему сказать то, что служит к его спасению. Если в камере и пытались кое-кто мне возражать, когда я говорил о Боге, но он никогда не возражал и даже защищал. Может быть и он успел примириться с Богом.

Жизнь в камере сложная и своеобразная. Там каждое твое движение или мешает другому, или заметно для другого и вскоре раздражает, потому что нервы на пределе у каждого. По пустякам ссорятся, а иногда даже дерутся. Там же в камере оправляются.

Никуда не денешься, залезаешь на бочонок железный и делаешь свое дело и по малому и по большому. И твой запах нюхают, и тебе приходится вдыхать пары других. Там же кушают, тут же курят, и иногда так накурят - дым висит и режет глаза. Дым не расходится весь день. Только чуть-чуть становится легче к утру. А утром опять... Форточки нет, и двери не откроешь. Дым режет глаза и ест легкие, давит на грудь, спирает дыхание. И просишь, и убеждаешь, чтобы меньше курили, но все напрасно.

Так проходил день за днем. Днем нары завинчивают большой гайкой на болт. Открываются вечером большим ключом. Но вот стали открывать сами днем платочком и ложиться. А ведь если заметят - вся камера будет наказана... Опять в ШИЗО. И вот опять я переживаю: вот зайдут или заглянут - и всё... Эти же люди способны на риск.

В один из дней вечером, когда нам дают матрацы, мне сказали, что в коридоре пьяный Андрей. Оказывается, на бесконвойке он напился, и его привели в ШИЗО. "Я, - говорит, - н-н-е-е пьяный, я болею". А сам от одной стенки к другой качается. Его закрыли в камеру рядом с нами. Я не стал ему ничего говорить, ни звать его, ни переговариваться. О чем говорить?! Вот его Господь и остановил и во второй раз показал, что за счет предательства верующего счастлив не будешь. Обычно, да всегда, когда кого-то ловили выпившим - это обеспечено 6 месяцев в ПКТ. Андрей отсидел 15 суток и его выпустили. Но уже на бесконвойное передвижение не выпустили, а закрыли в зону. Вот и оказался он там, откуда начал. К нам в камеру приводили все больше людей, и в конце концов достигло 14 человек. Места было мало. Даже сидеть всем не всегда было место. Всё еще не топили, а уже шел ноябрь месяц. Ноябрь месяц в северном Казахстане без отопления! Тут нам стали готовить место работы на улице. Тот отстойник, который я описывал, разделили пополам, и в каждой половине два станка для сеток. Одна половина для ШИЗО-рабочего, а другая - для нас. Очень не хотелось ребятам выходить на улицу работать. Как-то меня и еще одного из нашей камеры вывели на улицу грузить машину рулонами накрученной

проволочной сетки. Мы пошли, погрузили. Хоть и руки в крови были, очень они колючие. На следующий раз опять нас вывели траншею копать во дворе ШИЗО. Мы пошли, поработали, и тут меня заметил один из режимщиков: "Немедленно его в камеру и больше не выводить!". Очень они меня боялись.

И вот вышел с отпуска тот седой начальник режимно-оперативной работы, о котором я упомянул раньше, который оправдал меня, когда я был в ШИЗО со свидания. Он, оказалось, не забыл про меня, вызвал из камеры и давай удивляться: "Ну как же так ты попался? Ну зачем ты прятал Евангелие? Принес бы мне, я бы его сохранил до конца твоего срока и отдал бы тебе. Ну пиши бумагу, что согласен или не согласен с решением начальника колонии". Я ему сказал, что я рад его сочувствию и знаю, что он бы меня не посадил, но писать ничего не буду, и так уже в моем деле довольно бумаги, это против меня обернется. "Придется отбывать", - сказал он после того, как спросил, сколько мне ещё осталось. И меня повели в камеру. Я был рад, что такой человек высокого чина, а в сердце жалел меня.

На улицу работать ребята отказались идти. Я бы пошел, конечно, но ведь не мог идти против всех. Придется и отвечать со всеми вместе. Отказ от работы, да еще в камере - это ЧП, и немалое. Дело было под праздник - 7 Ноября. Под праздник обычно в зоне обыск, и в ШИЗО. Как он проходит - я опишу ниже. А тут еще наша камера попалась под горячую руку.

Наверху загудели пожарные машины, это психологическая атака, воют сирены. Но когда нужно - применяют и эти машины, ими легко разогнать толпу. Раздался топот ног солдат, лай собак, открывается с треском дверь, за решеткой стоят готовые ворваться солдаты в защитных шлемах, с дубинками в руках. Но сперва вошли представители начальства: "Почему не вышли на работу?! Быстро на улицу!" Ребята no-одному выбегали в коридор. Я был последним и уже хотел выбежать, как меня остановил опять тот седой начальник и сказал: "Одень шапку". Телогрейки нам не разрешались в камерах. Я надел и вышел. И только я вышел - увидел в двух метрах озлобленное лицо старшего оперативника. Он в истерике бил кулаками в перчатках по голове последнего выбежавшего из камеры. Теперь моя очередь. Я втянул голову в плечи и пробежал мимо. Коридор был очень узок в подвале. Но досталось мне всего раз или два по шее.

Поднялся я по ступенькам вверх, вышел в главный коридор и что же вижу: стоят два ряда солдат вдоль по стенке с резиновыми дубинками. Мне было сказано: "Бегом!". Я побежал. Что будет, то будет. Но, почему-то, поднялось всего три-четыре палки и опустилось на меня сзади, чувствительно, правда. Во дворе лежал снег, стояло много начальства и солдат с собаками, пожарные машины. Нам было прказано встать лицами к забору, поднять руки над головой и приставить к забору. Народу выгоняли все больше, так что вскоре уже и места не было у забора. Крик, шум. Я почему-то весь дрожал. Не знаю, или от холода, или от волнения. Старший оперативник обходил ряды и метил наиболее ненавистных ему, меня он со злобой ударил сзади кулаком в бок. Затем нашей камере приказали выйти в центр, накричали сперва, а потом еще оперативник дубинкой побил некоторых, особенно одного, которого он считал зачинщиком нашего отказа. У того на спине мы потом разглядели синие приподнятые полосы. Когда в наше отсутствие солдаты обыскали наши камеры, нас бегом заставили бежать обратно сквозь строй солдат с дубинками; ступеньки вниз, коридор и наша камера. Кто имел в своем доме обыск, тот представляет, какой там застаешь вид. Страшный беспорядок, всё разбросано, раскидано, вывернуто, письма раскиданы, фотографии, всё смешано. В общем, хаос, как после землетрясения.

Ну что же, время у нас есть, можно приводить все в порядок. Я постепенно из кучи выбрал свои письма, нашел соответствующие конверты, положил в сумочку, собрал вещи. Тут же пришли и сказали: "Собирайтесь на работу". Никто уже не смел отказаться. Мы собрались и пошли. На улице нас ждала железная клеть со станками внутри. До них даже притрагиваться страшно, до того всё холодное. Выкатили бухту проволоки и давай налаживать станки. С трудом наладили и пошли крутить. Ручка крутится с трудом, некоторые выдерживают и 10 минут, и 15 минут. Самые сильные крутили по два метра проволочной сетки за раз, потом другой. Я тоже выдержал два метра. Другой стоял за столом и направлял проволоку. Легче, но очень умело надо, а то дело не движется, руки в варежках не ощущают, не берут проволоку, а голая рука постоянно

ранится остриями, краями проволоки. Стол уже в крови, кровь сочится из ран, и не останавливаешься, потому что очень холодно. Как только дождь - вода протекает, и грязь в клетке, ноги мокнут и стынут. Требовали норму со станка - 1 7 метров сетки. А как часто станок не хочет работать, дело не идет, а норму дай. Не дал - акт. Два-три акта - в ШИЗО. Уж как ждешь конца смены, чтобы докричаться начальства, сдать норму и забежать в камеру -там хоть надышим. Всё еще не топили. У нас внизу, как мы заметили, дневальный специально перекрыл вентиль отопления. Хорошо, что один из сокамерников имел в зоне знакомого электрика, и тот передал нам две 500-ваттные лампочки. Мы одну закрутили, и стало теплее в камере. Другую взял прапорщик за ТРУД.

Почту сначала задерживали, но через две-три недели стали все же доставлять мне почту. И вот письмо от матери: "Приехали из города Темиртау и рассказывают, что дождь смыл известь с надписей на стенах домов, и снова появились слова и призывы, народ опять читал... Очень меня это радовало. Господь помогал моему свидетельству. Я был закрыт в камеру, но дело мое продолжал Господь. Слава Ему и благодарение. Он нашел путь ободрить меня в сырой камере. А камера действительно была сырая. Утром встаешь - и одежда вся волглая, и постель, как будто висело все ночью на улице в тумане. А когда пошли дожди вперемешку со снегом, вода побежала с потолка по стенам на пол, приходилось тряпкой собирать на полу воду. Стены промокли и не высыхали. На потолке вода постоянно собиралась каплями и висела... Воздух был сырой-сырой. Камера не топилась еще. Тут нас разделили на две партии и вывели на работу в два отсека-отстатника на улицу. В каждом отсеке два станка, то есть на каждый отсек два рулона сетки по 17 метров! Как это сделать? Один день норму не смогли дать, на второй день ребята с нашего отсека придумали маленькую хитрость: оторвали прут с решетчатой двери и заставили одного выйти с отстатника и сбегать за готовой сеткой и затащить ее в отстатник, пока темно, чтобы потом сдать ее. Один вылез, принес пол рулона, ведь целый через дыру не протащишь. Ещё. Давай ещё. Ещё побежал. И тут, когда затаскивали второй рулон, из здания ШИЗО (а оно рядом) вышли контролеры. Один оглянулся и увидел человека возле клетки нашей. Как, откуда? Один сразу побежал назад звонить в ДПК: побег из ШИЗО! Второй подошел к нам и к тому, который сидел на корточках около двери, готовый ко всему, что угодно. "Как ты вылез?". "Вот, через дырку". Тут давай с прапорщиком говорить, чтобы простил: молодой ведь, исправится. Он открыл дверь, запустил в отстатник, вернее, всех нас закрыли в другой отстатник, который был еще цел. Тут же вызвали сварщика, и тот давай заваривать вдоль и поперек дверь, очень крепко. А через час-два пришел замполит и давай по-одному вызывать всех, кто был в нашем отстатнике. Только меня не вызывал. Ребята не возвращались. Я понял: значит посадили в ШИЗО на 15 суток. Тело пробирала дрожь от этой мысли. Их раздели и без теплого белья посадили тоже в подвал, только в другую камеру. Шла вторая половина ноября, неистопленное помещение в подвале.

Затем мы через дневального передали кое-что из белья, но и это вскоре отняли. Может в трубах воздух, поэтому не греют они, -думали мы. В нашей камере был краник в батарее, правда без вентиля. Мы себе сами сделали вентиль на работе днем, а вечером сделали трубочку из целофана, открыли краник - вода идет холодная, затем теплая, воздуха нет. В чем дело? Параша уже полная воды, лить некуда. Те из камеры ШИЗО просят очень, кричат нам: "Что-нибудь придумайте!". А что придумать? Мы бы рады. На каждой проверке стали вызывать слесаря, и тот в конце концов пришел, проверил всё и сказал нам, что, оказывается, в колодце закрыт вентиль. Кто его закрыл? В эту ночь было очень тепло, батареи грели хорошо. Но потом опять хуже, хуже и опять остыли. А ребята мерзнут. Мы давай опять вызывать слесаря. Тот пришел, опять вентиль был закрыт в колодце. Он открыл, опять стало теплее. Потом его кто-то еще немного прикрыл, но немножечко тепла нам оставили. На этом пришлось успокоиться. У ребят в камере ШИЗО сделали обыск и нашли немного махорки, и им (кроме одного, он сильно заболел) давали еще по 15 суток. Все эти 15 суток в шесть месяцев не входят, их потом приходится досиживать. Бедные ребята, мне их было так жаль. А меня Господь чудом спас Своей сильной рукой, просто не допустил этой страшной пытки для меня. Когда ребята отсидели 30 суток, они выглядели плачевно. До того худые и изможденные, что это даже трудно представить себе. Давай мы им

поливать водичку на руки, немного помыли лицо, руки и шею. Сели, покушали немного, переоделись они, и нас разделили: их перевели в другую камеру. Нас было сильно много, а может и из-за того, что считали их вредновлияющими. Расстались мы в мире и взаимопонимании. Мы теперь работали с ними в разные смены.

Вынужден пока остановиться и о дальнейшем описать в следующей тетради, ибо приближается ноябрьский праздник, значит усиление, значит обыск... Надо быть осторожнее, и так риск велик.

Да сохранит нас всех Господь от зла и вернет во всякую истину.

Да свершится на всё Его воля!

Между тем братья и сестры мои по вере ходатайствовали обо мне и перед Богом, и перед людьми мира сего, подобно как Есфирь в древности шла к царю ходатайствовать о народе своем, ибо над ним нависла опасность. И надо сказать, что она имеет силу и в наши дни, и порой очень действенную. Один раз меня вызвал из камеры прокурор по надзору. Он был вместе с начальником по колонии, и пели они одну песню. Здесь чувствовалась чистая формальность действий. Но через некоторое время приехал представитель с управления. Был он правда очень молод. Приехал по телеграмме-жалобе, которую прислали им. А возможно она была послана в высшие инстанции, а оттуда уже поступила в ГВД для разбора. Вызвали меня опять. Стал спрашивать меня о многом, и о моих претензиях. Я ему сказал, что, во-первых: сразу, когда я пришел в зону, меня оформили на 15 суток, за что? Я тогда сказал, что не могу ответить на вопрос, буду ли я проповедовать в зоне или нет. А мне написали постановление, что я будто сказал, что буду проповедовать. Представитель мне сказал, что просмотрел все мое дело, но такого постановления нет. Там есть постановление: за попытку наладить связь с волей. Оказывается, уже успели первое постановление уничтожить и заменить другим. Представитель, конечно, как мог защищал действия администрации, но вынужден был на карандаш взять и мои заявления. Я ему сказал, что администрация колонии установила за нами тотальную слежку, за мелочи наказывает, травит психологически. Он записал это. Тут зашел старший оперативник. Злости его не было конца. Он очень возмущался тем, что мы жалуемся, ругался страшными словами. Мне было стыдно слушать его. Когда он переводил дыхание, я сказал представительно: "Вот видите, какие у нас воспитатели". Затем оперативник еще погрозил мне, что, если мы еще пожалуемся, он по-страшному со мной расправится, и вышел. Должен сказать сразу, что после этого я его не видел больше. Через полтора года жена написала мне, что его арестовали за то, что он проносил наркотики в зону. Да, это не единственный случай, когда возмездие Божие настигало людей такого рода, когда они марали руки в крови верующих. На общем режиме был оперативник такого же ранга, только постарше. Там были гитары в бараках, и меня часто приглашали петь в отряде. И я пел с радостью... Не прошло и пяти дней, как я приехал в зону и оказался в ШИЗО. Я пел и там. Тут заходит этот оперативник. Гнев его настолько велик был при том, когда он меня видел, что изо рта слюна брызгала в разные стороны при разговоре, если это можно назвать разговором, ибо интонация была на таком уровне, что срывалася на визг. Он стал угрожать мне, что сгноит меня в этой камере, и я умру около этой параши, если буду продолжать петь.

Я отсидел шесть месяцев, вышел, и в зоне случился бунт. И все начальство сняли, кроме замполита. Сняли и того оперативника. Новый оперативник был совсем другим человеком и ко мне относился хорошо. И более того, даже стал интересоваться вопросами веры и искал возможности побеседовать со мной просто, как человек с человеком.

Итак, вернемся в ту камеру, где со мной беседовал представитель с ГВД. Он очень культурно побеседовал со мной и отпустил в камеру. После этого сразу чувствовалось, что администрация уже по-другому ко мне относится: с каким-то уважением, смешанным с опаской. Они теперь знали, что за меня есть кому постоять. До этого вызывал меня младший оперативник Саша и просил меня написать заявление, чтобы меня вывезли в другую зону. Как быть? Один

Господь знает, где будет лучше для моей души, где я смогу устоять; и как я могу сам избирать себе путь? Может именно там, куда я буду проситься, ждет меня западня, посрамление, падение?! Вообще выбирать путь я боюсь. Очень всегда прошу Господа, чтобы Он Сам взял в Свои руки, управлял и вел: будь то переезд или будущая камера, или другой вопрос, работа и т. д. И я сказал оперативнику, что, если хотят, они меня вывезут и без заявления, и что я молился Господу о том, чтобы Он управил их сердцем по Его воле. На этом мы и расстались. Если здесь остаться - с одной стороны хорошо: семья рядом, братья и сестры рядом, очень часто приезжали, ходатайствовали, поддерживали. Но режим был очень тяжел, и приходилось быть в постоянном напряжении: как бы не нарушить, и все же один удар догонял другой, и это было трудностью этой зоны. Многие, очень многие отдали бы многое, чтобы их увезли в другую зону. Они просили, требовали, писали, объявляли голодовку, резались, чтобы их вывезли, а их не вывозили. Очень редко кому удавалось выехать. Ведь неохота администрации, чтобы сор выносился из избы. Я положился на волю Господа, как Он хочет. При мне была такая сцена, надо сказать, что немая (видимо, обо всем эти двое договорились раньше). Чечен, я о нем говорил раньше, лег на скамейку, оголил живот, другой подходит к нему и знаком спрашивает: вдоль или поперек? Тот ему показывает: вдоль. Подошедший медленно, спокойно лезвием разрезает ему живот сверху вниз. Длина разреза 7 см. Это за раз сделать трудно. Проводит он несколько раз. Слышится треск разрезаемой ткани, бежит кровь, расширяются зрачки лежащего чечена, но он мужественно терпит, на лице его выступает пот. Я сидел за столом на противоположной стороне. Наблюдая эту сцену, у меня мурашки побежали по телу. "А может еще поглубже, может еще не насквозь?" - спрашивает чечен. Тот с лезвием подошел и еще несколько раз провел с усилием им в глубине раны и отошел. А другие стали звать врача, стучась в дверь... Я с одной стороны ужасался, а с другой удивлялся мужеству этих людей. Без обезболивания резать живую ткань, и притом не боясь заражения, не боясь повредить кишечник, не боясь умереть. Врачи, делая операцию, все стерилизуют, обрабатывают, моют, спиртуют, и то бывают осложнения, нагноения и даже смертные случаи. А здесь... Я часто удивлялся, насколько быстро и хорошо заживают раны на этих людях. Последнюю пленку на кишечнике врач, делая операцию аппендицита, поднимает пинцетом и только потом надрезает ее, чтобы не повредить кишечник. Эти же люди рискуют, и даже часто им удается разрезать ее лезвием вслепую, в ране, прямо на кишечнике, и их увозят в сангород с кишечником, который сам больной держит в руках, - такое тоже было. Данный случай у нас в камере был немного легче. И так человек этот хотел добиться того, чтобы его увезли на операцию в сангород, а оттуда, может, удастся уехать в другую зону. Он знал, что, если он останется здесь, он будет постоянно в камере, а освобождаться ему только в апреле, а сейчас еще ноябрь. У нас в камере был человек. Он сидел без выхода уже 3,5 года в камере. В зоне таких не выпускали, ибо в общественность он не вступал, дежурить ночью по отряду тоже отказывался. Каждый осужденный в зоне должен был, когда наступала его очередь, заступать с повязкой на дежурство по отряду, а кто отказывался - в камеру.

Чечен лежал по-прежнему на скамейке, текла кровь, а ребята стучали в дверь. Через минут 15 - 20 пришел ДПИК. "Я, - говорит, - врач!". Открыли дверь, в камеру вошел прапорщик, стал выяснять, кто резал, чем. Чечен сказал, что резал сам лезвием. Отдал лезвие. Больного заставили подняться, и его увели. Мы быстро собрали его мешок на случай, если его увезут на операцию зашивания. Хочу добавить, что увозят на операцию лишь тогда, когда действительно разрез сделан до кишок, и они видны или нащупываются, а если пленочка одна целая, то прямо там же в ШИЗО наживую зашивают рану, делают наклейку и обратно в камеру. А за членовредительство добавляют по 15 суток. Правда, нашему чечену удалось кое-чего добиться, но на операцию его не увезли. Зашили прямо в ШИЗО рану и привели его обратно. Обещали дать ему возможность поговорить с родителями, видимо испугались его решимости. До этого он пробил себе грудь толстой острой проволокой. Через пару дней его вывели в зону и положили в больницу. Мы продолжали работать на улице. Очень мерзли. Все в сапогах, тоненькие телогрейки, а на улице то дождь, то снег. Как выведут нас утром в 7 часов, так до 3-х, 4-х, 5-ти вечера. Погреться негде. Даже походить негде: стоят станки-столы - два, а между ними сетки да грязь, которая то застывает, то оттаивает. Люди пытаются греться, стуча одну ногу о другую, ходят из угла в угол

и стонут. Другие рискуют за столом зажечь в чашке солярку (одну чашку - 1 литр - солярки дают для смазывания проволоки, чтобы она легче шла через станок) и греются около костра, так близко ноги к костру, что сапоги загораются. Но насколько этот костер и это тепло? А если прапорщик из окна заметит костер - а окно напротив отстойника - на всех пишет рапорт, а там и наказание близко. Все рапорта ложатся в дело, складываются один к другому. Потом начальник перелистывает его и делает соответствующие выводы.

Пища была тоже скудная для работающего человека. Ведь ничего жирного, и так мало, что постоянно хочется есть. Голод чуть-чуть утоляется после обеда и через час-два вновь начинается. Обед подносят прямо к отстойнику, и пока он доходит до рта, он уже холодный, ведь на улице кушаем. Как-то я терпел, терпел, отлагал желание попросить добавки каши, и однажды все же попросил, показав ему, повару, как мало он мне положил. Действительно, в чашке было на донышке ложек 5-7 каши. А ведь тяжелое место работы доставалось мне и еще одному, повыше ростом. И тут повар сказал в свое оправдание, что положено всего 200 грамм каши, но все же добавил мне, и с тех пор редко забывал меня. До этого, если после всех оставалось что-нибудь у повара, то другие подбегали к кормушке быстрее меня, и мне редко что доставалось. А тут он сам звал сперва меня, а потом, если что оставалось, давал другим. Наша камера, номер 20, была последней в подвале. Я удивился этой перемене повара. Может брат в зоне поговорил с ним, может Господь расположил его сердце, может моя просьба подействовала. Когда почва замерзла, стало еще тяжелее бороться с холодом. И тут, я уже не помню как, но передал брату А. Д. в зону, чтобы он при возможности передал мне сюда валенки. Валенки он мне свои отдал еще прошлой зимой, и когда они мне уже не нужны были, я вернул их ему. Вдруг открывается кормушка в камере, и дневальный подзывает меня и говорит, что по отбою, когда мы пойдем за матрацами, чтобы я взял тут в коридоре одежду, которую мне передал брат. Моей радости не было конца! Господь увидел мое страдание и облегчил его. Брат передал мне подшитые большие валенки, ватники, варежек несколько пар спецовочных. Какое богатство! Даже еще носки. Ни у кого не было такого, никто мечтать не мог здесь о такой одежде. Хотя она ведь положена рабочим на улице зимой этого пояса. А спецовочные варежки брат умудрялся собирать и передавать помногу и много раз через шоферов, которые приезжали за готовой сеткой. Об остальном, конечно, и речи не могло быть. Я еще удивляюсь до сих пор, как Господь расположил сердце этого дневального, что он решился принести мне это, и как прапорщик и ДПИК пропустили это. Этот дневальный был очень бессердечным, и никто не мог его размягчить или ждать от него чего-нибудь. Да и не разрешалось ему нам что-нибудь давать. Я теперь смело шел на работу на улицу, и мороз мне не страшен был. А бедные ребята: они и прыгали, и бегали, а некоторые вообще отчаивались и застывали на месте. Я старался меняться валенками: дам кому-нибудь греть ноги, а сам в их сапогах, пока пальцы не онемеют, и опять скорей в свои валенки. В декабре месяце все же выдали ребятам валенки и теплые варежки, но валенки были все до того маленькие, что их смогли надеть только 4-5 человек, а остальным все же приходилось терпеть в своих сапогах. Как я радовался моей одежде и милости Божией! Была такая формальность в зоне: Как только у кого подходил срок и статья, водили на офицерскую комиссию в пром. зону, будь ты даже в ШИЗО или ПКТ. Комиссия эта предоставляла людей на гражданский суд, а те уже на "химию" или условно -досрочное освобождение, или отказывала. И все, кто в ШИЗО или ПКТ, знали, что их все равно никуда не предоставят, но должны были идти на эту формальную комиссию. При отказе - наказывались. Тут и у меня подошла 1/3 моего срока. А статья у меня сверху неопасная - "хулиганка" - идет она всюду. И ровно 10-го числа отрядник приходит за мной. Я быстро отдаю одному валенки, одеваю его сапоги и иду с ним. Он мне объясняет: "На офицерский суд идем. Вот если бы у тебя не было нарушений, ты бы сейчас ушел домой. Тебя увезут на Мангышлак", - объясняет он. Я даже как-то этому обрадовался. Потихоньку я ждал этого уже давно. Собралась комиссия. Начальники отрядов представляли своих людей. Очень редко кого пропускали на гражданский суд. Любая мелочь была причиной, чтобы не пропустить. Одни общественники проходили, и то не все. V одного затерялось заявление, другой вдруг слишком хорошо одетым оказался - тоже не пропустили. Тут меня представили. Пока мое дело прочитали, у начальника колонии уже ответ был готов: "Не пропускать". Я этого и ждал. Повернулся и пошел. И тут еще

один из режимников, который и был над ШИЗО, зная наше положение и работу, сказал моему начальнику отряда резко: "Снимите с него ватные брюки". Начальник отряда меня еще повел в цех, где я работал когда-то. Там я увидел мельком много знакомых и сочувствующих лиц и приветствия. И затем обратно в отстойник на территории ШИЗО. Территория эта отделена от зоны высоким забором. Правда, начальник мой не снял с меня ватники, даже сказал, чтобы меня прапорщик не обыскивал, так как он сам был везде со мной, мне не могли ничего передать из зоны. Рядом с нами через перегородку в отстойнике работали те, кто сидел в ШИЗО 5, 10, 15 суток с выходом. Эти считали себя счастливее тех, кто сидел в ШИЗО в камере без выхода, то есть не работая, так как этим хоть давали кушать так же, как нам в ПКТ, при условии, если они давали норму: 17 метров сетки со станка. Ну и, естественно, урывали курить: то у наших ребят, то еще где. Но как они страдали, на это было жутко смотреть. Мы хоть как-то были одеты. Но они были часто без теплого белья, да и откуда им его взять?! Другие в ботинках (зимой в сильный мороз по 8 - 10 и больше часов на улице). Хорошо, если там были носки. Другие в сапогах, у которых лопалась подошва от морозов. Эти люди не мылись в эти сутки, в которые сидели, и не брились, ибо не положено. Без шарфиков, без рукавиц иногда; грязные, посиневшие и окоченевшие от мороза, голодные, иногда и больные еще. Трудно, ох как трудно войти в их положение и понять, почувствовать то, что переживают эти бедные тысячи и сотни тысяч людей в железных тисках, в сетях дьявола, в которых они барахтаются, барахтаются, пока не иссякнет последняя надежда, не погаснет последний ложный огонек, который их еще влек и манил и поддерживал в их желании жить, и они в конце концов погибают, и что так страшно - погибают вечной погибелью. Как-то в один из дней в ШИЗО в рабочий отсек попадает Павел. Давно я его не видел и рад был встрече. Оказывается, это он постарался и собрал мне мои личные вещи и еще добавил многое в самом начале, и те деньги, которые я ему еще летом дал, он расходовал на это. Я ему был очень благодарен. Но сдвигов по отношению познания Господа еще заметных не было. Я часто беседовал с ним через решетку, дал ему пару спецовок, предлагал валенки, чтобы ноги погреть - он отказался. Слово все же набирало силу в нем, и чувствовалось, что решимость его назревает сделать решительный шаг к спасению. А пока у него все еще шли наказания одно за другим, свиданий лишили. Я предупредил еще раз через него бра-га, что Андрей - предатель, чтобы берегся, хотя брат и так был мудр в жизни. Передал ему сердечный привет, расспросил все, как он там, утешился этим, и вскоре наши смены поменялись, и мы больше не виделись. Дальнейшее о нем я описал в предыдущих главах. Господь явил милость над ним.

Тут как-то, когда мы работали на улице, к нам в отстойник заводят Андрея. Мы поздоровались. Говорил, что поймали его с тем, что он чай варил. Видимо это была неправда. Подослали его, наверное, с тем, чтобы я, обрадовавшись встрече, передал что-нибудь экстренное и важное брату, а Андрей уже передаст оперативникам. Он очень любезно предлагал свою помощь. Я отказался он нее. 1 Коротко поговорили, и я взялся за работу. Его затем отпустили. 3 Больше мы не виделись с ним, и судьбу его я не знаю. В зоне в мое 1 отсутствие продолжали воспитательную работу. Многие, конечно, | знали меня, сочувствовали, и посеянное семя в них всходило. Врагу душ человеческих это не нравилось. И вот на одной из лекций, чтобы замарать меня, стали объяснять причину, за что меня посадили: будто я писал домой, что здесь в зоне вешаются. Теперь же администрация еще хотела стать хорошей в глазах вышестоящего начальства, до которого приходили ходатайства от наших единоверцев, что нас здесь беспричинно притесняют. И вот во время моего отсутствия брату Р. Д. дают поощрительное свидание - благодарность. Я радовался: Господь возмещал брату то, что он потерял в начале наших встреч. Бог оставался верен Своим Словам: "Он возлагает бремя, Он же и помогает нести.

Накануне Рождества

Так постепенно проходили дни, и опять приближался праздник Рождества Христова. Письма почему-то не приходили, что было странным. Обычно под праздник, наоборот, больше писем. Видимо, не пропускали. Подошло 23 декабря 1982 года. Подходит прапорщик к нашей клетке на

улице, открывает и вызывает меня. Застучало сердце: куда? Я быстро снял валенки, отдал ребятам, одел сапоги, и меня повели в нашу камеру. Собирайся с вещами. Я снял ватники, переоделся, быстро собрал свои немногие пожитки, письма, фотографии, помолился еще в присутствии прапорщика, вручил Господу путь свой и спокойно пошел с прапорщиком, взяв в одну руку матрац, в другую - свой мешок. Он меня повел сдавать матрац, одеяло, простыни, подушку в коптерку. И как раз мы стали подходить к жилой зоне - Миша идет. Я его позвал. Он с радостью подошел ко мне. Мы поздоровались, коротко поговорили. Желание его начать жизнь для Господа на воле не изменилось, и это радовало. Сидеть ему осталось еще месяцев 5-6. Он мне помог еще донести вещи, проводил до ворот зоны, и мы с ним тепло распрощались. Зона была пустая, все на работе или в бараках. На улице крепчал мороз, и снег хрустел под ногами. Чудно устроил Господь нашу встречу. Я твердо верю, в этом была Его воля, и Он же будет идти дальше и со мной, и с Мишей-поэтом. Я догадывался, что меня хотят увезти в другую зону. Теперь же важно: куда? Тут случилось, что на этой же машине, на которой увозили меня, должна была ехать зубной врач зоны - сопровождать одного психбольного до Талгара. Мы знали друг друга еще с воли, где вместе работали в одной поликлинике. Обрадовались встрече. Вот, думаю, и путь Господь послал, чтобы сообщить домой, что меня увозят. Пока мы ждали машину, подошел к нам нарядчик, у которого я мыл пол когда-то, и, мило улыбаясь, поздоровался. Нарядчики обычно знают, куда кого направляют, и я его спросил о себе. Он мне сказал, что меня направляют в Сыктывкар - это далеко на севере. Ну что же, - подумал я, - надо быстрей сообщить домой, чтобы передали мне хотя бы валенки, ибо на севере сейчас декабрь... Когда меня завели в автозак и закрыли, зубной врач села за решеткой, где сидели сопровождающие солдаты с автоматами и большой-большой собакой. С соседнего отсека мне крикнули: "Это ты, Паульс?". "Да, - говорю, - я". "Тебя на 324-ю везут, в Гурьев!". Я очень удивился, откуда он это взял. "Да вон, - говорит, - на твоем деле написано". И действительно, папки с нашими делами лежали у солдат за перегородкой, и с нашего отсека можно было прочитать то, что написано на той, что лежит сверху. Моя оказалась верхняя. Опять же Божья рука! Как дивно Он ведет!

Оказывается, нарядчик был подослан специально, чтобы меня дезинформировать, и чтобы я в свою очередь дезинформировал своих. Но Господь не допустил. Я бы и не догадался переспрашивать у солдат, куда меня везут, полностью поверил J нарядчику. Совершенно чужой человек должен был мне крикнуть о | том, куда меня везут, и так вовремя. По пути, когда машина уже '* ехала в Караганду, я взял ручку у врача, бумага у меня была, и неверным почерком, потому что машина тряслась, написал один листок назидание детям, а другой - жене. Коротко сообщил обо всем, попрощался и выразил полную уверенность, что Господь выведет чудно мой путь и что я в Его руке, пусть только молятся и не унывают. Свернул листки и дал зубному врачу, чтобы она передала как-нибудь жене. Она взяла, солдаты не возмущались, и это было удивлением. Она очень удивлялась: зачем нужно было нарядчику обманывать меня, ибо слышала все. "Да, - говорю, -хоть вы и работаете здесь давненько, но еще многого не знаете". Передал привет всем знакомым. Скоро нас довезли до тюрьмы и сдали. Я переживал об одном: как бы не опоздать к обеду в тюрьме, ибо был очень голоден. Был уже третий час дня. И только нас подвели к камере - там уже стоят повара с "баландой", - так ее здесь называют. Удивительно, но факт. Нас завели в камеру и тут же стали кормить обедом. Обед, правда, тюремный, Карагандинский, хуже, чем у нас в зоне в камере. Первое - считай, одна вода. Если там плавала одна картошинка с голубиное яйцо и два листка капусты - это хорошо. На второе - жиденькая кашица без жира и мяса ложки четыре. Ну что ж, и это обед. Нам нашли по кусочку хлеба, и прямо им - кушать, потому что ложек нет. Кто-то не стал есть кашу - досталось две порции. Ну и слава Господу! В камере было много народу, в основном те, кто был осужден на "химию", то есть на стройку. Они шли на волю, их даже не обстригли, не переодели. Непривычно и в то же время радостно было смотреть на волосы, прически, свитера и пиджаки - так давно уже не видел этого. Камера была выбелена. Я лежал и смотрел в потолок: как-будто домой приехал, по сравнению с камерой нашей подвальной. Там сырая штукатурка комьями, небеленная, сырая, со стен текла вода, на потолке висела каплями и зимой - снег на крыше таял, так как крыша была тонкая, и вода просачивалась в камеру. Я лежал и отдыхал. Не знаю, конечно, что ждет меня, но, почему-

то, на сердце было так спокойно и радостно, к тому же еще завтра праздник - Рождество Христово!

Пришел и завтрашний день. Конечно, зашел и разговор о Рождестве, и стали спрашивать, что это такое. И как жаль: люди не имеют ни малейшего представления. Ну знают, что это какой-то религиозный праздник, и все. И все, дорогой читатель, а дальше уже наше поле: что посеял на нем верующий, знакомый, или сосед, или тот, кто жил в одной деревне, в одном городе, или ехал в одном автобусе или поезде с этим слепым погибающим грешником. Что он сделал для его спасения? Что он сделал хотя бы для того, чтобы этот бедный человек хоть вкратце, хоть поверхностно узнал, что служит к его спасению, что сделал Христос для него?! Повсеместно сплошное незнание о Боге, о Христе, о Духе Святом в народе русском. А если отвести от него взор на народы северных наций, восточных, южных, а так же казахов, то здесь потрясающее общее неведение о Христе. И если бы только неведение! Сколько извращенных понятий, которые посеял атеизм, а иногда и лжеучителя. О Боже! Продли еще Свою благодать, и да исполнится Слово Твое: "И проповедано будет сие Евангелие Царствия по всей вселенной, во свидетельство всем народам...". Встречается и такое: как-то я сблизился с одним молодым парнем, которому уже скоро подходил срок освобождения. Был он на воле одним из предводителей компании лихих ребят города. Был и хорошим музыкантом, руководил оркестром. Попав в колонию, его почему-то одного поселили в секцию, где были одни верующие. И почему-то он остался о них отрицательного впечатления. Они ему не показали нужной общительности. Уткнутся, говорит, в свои книги, все молчат... А тут, когда мы встретились с ним, уже много лет спустя после того, как он жил с теми верующими, я нашел в нем интерес, здоровый интерес к вере, к проблеме жизни и смерти. Он очень расположился. И хоть очень холодно было в цехе, мы сидели и беседовали подолгу. В конце он говорит: "Ну, это другое дело. Теперь мне ясен этот вопрос. С тобой хоть можно поговорить". Освобождался он с изолятора, когда я был на работе. Прихожу с работы, а на моей койке лежит новое теплое белье и записка: "Ванюшка, добрый вечер! Ухожу, не повидав, но прости, брат, жизнь наша такая. В общем, что считаю необходимым, оставляю, и на что есть возможность. Когда от меня придет письмо, подойди к Марату, дай адрес своей сестры, я ей завезу мумие. Ну вот и все, прощай. С искренним уважением - Владимир". Я был очень рад его расположению, и досадно было то, что столько верующих было рядом с ним, и они не смогли или не захотели показать человеку на Христа... Миллионы и миллиарды экземпляров атеистической литературы, радио, кино, телевидение, армия лекторов и институтов - все направлено на то, чтобы разрушить веру человека, а мы, имеющие такие духовные богатства, молчим, не желаем поделиться.

Очень радуют такие случаи: Когда жена моя приехала ко мне на свидание в Гурьев, я просил ее поинтересоваться, есть ли там в городе Гурьеве верующие. Она не нашла таких. Через полтора года мне пришлось услышать в зоне, что в школе этого города появилась школьница... Вернее, сперва читались лекции по атеизму в школах, вывешивались плакаты, говорящие, что Бога нет. Узнав об этом, я подумал: "Наверное делают противовес кому-то". И действительно, потом слышу: школьница свидетельствует. Испугались все силы атеизма города, поднялись, всполошились, стали вывешивать ее фотографию по другим школам, не ведая, что этим помогают ее делу. Затем стали грозить всем школьникам, что будут исключать из школы тех, кто будет говорить о Боге. Как я возрадовался, услышав об этой школьнице, об этой героине! Я от всего сердца благодарил Господа вечером в молитве моей, что Он нашел сосуд, который смог использовать для славы Своей! Может десятки, может сотни, может тысячи сидят в молчании, прячась за словами: "Не бросайте жемчуга пред свиньями", а одна... О, да благословит ее Господь!!! Не смогла она смолчать, когда Дух Божий исполнил ее, и она заговорила. Воздвигнет Господь свидетелей, но горе нам, если мы ими не станем!

Итак, вернемся в камеру, где я находился в день Рождества Христова 1982 года. Тема была затронута, Господь открыл врата для славы Своей, и теперь дело было за мной. Как смог, я объяснил находящимся в камере и рассказал о Боге, о рожденном Христе, о Его миссии, о радости, объявшей в этот вечер весь мир. Вопросы задавались еще и еще. Господь благословил нашу беседу. Тут в камеру завели еще этап, а те привезли с собой немного сала и лука. И,

конечно, привезенное разделили на всех. Вот и Рождественский подарок нам, и мне в том числе: кусочек сала с пол спичечного коробка и кусочек лука. Я был очень рад и благодарен. Очень давно мне уже не приходилось кушать подобное.

Решил я еще в понедельник постираться, но не успело высохнуть белье, как открывается дверь и вызывают меня с вещами. Удивительно быстро, ну что же, надо собираться. Оказывается, это жена отбила телеграмму в министерство УВД обо мне, и здесь решили быстрей меня отправить. Жена еще приезжала, пыталась что-нибудь передать, но все бесполезно, ничего не принимали, и мне о приезде жены не говорили. Я собрал все вещи вместе с мокрым бельем в мешок и пошел. Иду по коридору тюрьмы, вдруг слышу со следующей камеры дежурный вызывает знакомую фамилию. Неужели Таныбай? И точно: выходит Таныбай! Как чудны пути Господни. И как верны Его слова: "Насколько небо выше земли, настолько Мои мысли выше ваших". Год назад мы расстались в этой тюрьме и тут вдруг опять встретились. Велика была наша радость от встречи, и была она обоюдной. Его тоже отправляли на Мангышлак, подальше еще, чем меня, и в зону похуже моей. Значит мы будем ехать вместе. И то радость. "Двоим лучше, нежели одному". Нас обыскали, дали кусок хлеба и сахара на дорогу, посадили в автозак, довезли до вокзала, посадили в поезд, в специально прицепленный вагон, и повезли в Джамбул. Вагон и поездку я опишу после. По пути Таныбай рассказал мне, что он, оказывается, все это время был в туб. зоне села Долинка, по соседству, где был я всего 12 дней. Только я был в большой туб. зоне, где находились больные с более легкой формой туберкулеза и выздоравливающие, а он находился в малой туб. зоне рядом, где находились тяжелобольные, ибо у него был тяжелый процесс. Там он лечился больше года, попал тоже на шесть месяцев. Сидеть там было легче в камере, ибо питание было хорошим. И тут как-то прапорщики при обыске отняли у них сало. Ребята запротестовали и объявили голодовку. Администрация ответила контрударом и вообще их лишила всех льгот, и после этого кормили очень плохо. Таныбай был очень проголодавшимся. Тут ребята в его камере решили бежать. Стали прямо из камеры делать подкоп. Это -огромный риск, и при его обнаружении всем в камере добавили бы срок. Таныбай совсем не был сторонником побега, но он был в камере. Один за всех... Он много переживал, молился, свидетельствовал в камере ребятам о Боге. И тут Господь увидел его нужду и явил Свою силу. Таныбая вызвали на этап в рабочую зону специально для туберкулезников на Мангышлаке. Он был очень рад избавлению. Правда, по пути еще переживал о том, что, если обнаружат подкоп, то могут отозвать назад. Я объяснил ему, что все в руках Божиих. Будем молиться, и все будет хорошо. Но возрожден он не был еще. Пытался бросить курить, но не смог. Но желания он был полн и решимости, после освобождения приехать к нам в город, устроиться на работу и начать служить Господу. Жаль только, что он освобождался раньше меня. У него не было ни кола, ни двора, - как говорят. Он был сиротой, воспитывался в детдоме. Если бы рассказать о его жизни, скитаниях, огорчениях и радостях, получился бы целый роман. Может быть, мы когда-нибудь сами встретимся с ним или с подобным, и тогда сможем все узнать и даже проявить свое гостеприимство. Надо сразу сказать, что сердце мое уже много раз было ранено тем, что нуждающийся в жилье человек не находил места ни у кого из членов церкви... Хотя у всех свои дома, квартиры... А ведь старые люди помнят войну, как их выселяли, вывозили и подселяли к русским, к казахам, и в одной комнате было по две-три семьи. А сейчас в одном доме нет места чужому человеку: у кого дети, у кого нервы, у кого болезнь. Мы готовы принять проповедника после собрания или сестриц-певиц на ночь, а вот бездарного или неспасенного на месяцы или, может, больше - увольте... Как нам Господь может дать плод, спасенные души при отсутствии мест в доме и в душе?! Не может дать, и молитва наша тщетна оттого...

Вагон для заключенных: его обычно зацепляют к почтово-багажному поезду сзади. Мало кто знает об этом. Знают лишь те, чьи родственники были судимы, и им приходилось ждать и провожать эти поезда и вагоны. Радостно оттого, что тебя выводят из автозака, который часто вплотную подгоняют к вагону, и видишь краешком глаза, что тебя провожают, тебе что-то кричат, что к тебе пришли, про тебя не забыли. Очень редко кому удается что-то передать, но при большом желании и это удается. Иногда просто прохожий подойдет и поглазеет: откуда это в наш век под автоматом, с собаками гонят, возят людей?! Они куда-то ехали, праздничные,

нарядные, ждали поезда, и вдруг... У них отнимается речь и язык, у некоторых появляется жалость... Вагон как вагон снаружи, только окна с одной стороны, а с другой нет. И стекла в тех окнах матовые. И если кто-то сильно начнет усердствовать из прохожих и заглядывать в окно, то оно опускается, и оттуда показывается рука с пистолетом, и голос: "Сейчас же отойдите, буду стрелять!". И, конечно, прохожий отходит. Внутри тоже по всему вагону проход, как в купейном вагоне, только справа там вместо стен и дверей стены из очень крепкой решетки, и двери тоже, которые закрываются на замок солдатом, который постоянно ходит по этому коридору взад и вперед с пистолетом на боку. А уже "купе" - полки как полки, только вторая полностью перекрывается, и там ложатся 4-5 человек. Полки, конечно, деревянные. Через каждые два часа смена караула и осмотр каюты-камеры, нет ли попытки к побегу. В одном купе, где на воле едут четыре человека, здесь едут 9-11 человек. Очень тесно. Иногда напихивают еще больше. И если бы ехать было 3-4 часа, а то ведь сутками едешь, ни встать, ни пройтись, ни размяться, начинают болеть кости. О постели, конечно, и речи нет. Воду дают два раза в сутки. Так же и ведут в туалет. Крепись, как хочешь. Все время торопят тебя, и все под надзором, и в этом трудность. Я уже старался в дороге меньше есть и не пить поэтому. А если вдруг что-то неожиданное, то вообще беда... Очень трудно выпросить туалет. У кого есть деньги - платят солдатам, и тогда легче договориться. Хорошо, если путь зимой - хоть есть чем дышать. Но летом - крепкие парни падают без сознания, ибо духота невыразимая и жажда. Пот и теснота, одно тело липнет к другому, кто зажат в углу. Полка - крыша над головой, неоткуда взять глоток воздуха... Очень трудна дорога часто. Но мы ехали зимой, и в этом было наше спасение, и притом спецэтапом, то есть как бы скорым поездом. До Джамбула из Караганды ехали двое суток с лишним. Ждешь, очень ждешь конца дороги, но он все же приходит. Подъезжаем к Джамбулу. Солдат немного опустил окошко. Деревья не везде еще голые, на кустарниках кое-где еще зелень, трава зеленеет под заборами. Очень впечатляет. Ведь мы выехали - была давно зима, и морозы, и снег, а здесь еще осень.

Дорога в закрытом вагоне

Привезли в тюрьму. Сразу почувствовалось, что здесь дух не тот, что в Караганде, и порядок не тот. Режим здесь послабее, и даже замки и двери посвободнее, чем в Карагандинской тюрьме. Потом я узнал, что здесь за деньги дежурные принесут все, что угодно. Нас повели в камеру даже без обыска. Очень даже удивительно. Повели нас, правда, в подвальную камеру. Очень грязно, в углу - вода, моча, грязь, параша; голые нары, окно закрыто, выходит наружу узким отверстием; потолок - типа арки, все полукруглое, еще, видно, Екатерининских времен, кирпичное, крепкое, старое. Нам сразу принесли хлеб, ужин. Поинтересовались, когда этап на Гурьев, Актюбинск. Сказали: завтра или послезавтра. Тут же завязалась беседа о Боге. Я, сидя вверху на нарах, стал проповедовать, рассказал поэму "Молитва матери", также стих "Если нет воскресения, тогда не должно быть весны". Душа моя осталась довольной и обрадованной. Через часа два человек десять уже вызвали на этап в местные зоны. Я ликовал: может никогда мы больше не увидимся с этими ребятами, но с Божьей помощью я смог им дать последние напутствия в этой жизни, служащие ко спасению их души. А там, смотришь, они еще в зоне расскажут, что встречали верующего, и продолжат там мой труд. Не радость ли это?! Когда эти уехали, и дело близилось к вечеру, ребята стали требовать лучшей камеры, ведь они больные ехали с сангорода. Это я вот попался здоровый среди них. Многократно просили переписать им поэму, и до того, и после. И я писал.

Вскоре действительно нас перевели наверх, в другую камеру. Камера была высокая, воздух более чистый. Был умывальник с водопроводом, унитаз. Тут мы и расположились ждать этапа.

Таныбай расположился рядом на наре. Много беседовали и о прошлом, и о настоящем, и о будущем, делились и одеждой, и куском хлеба. Отдал я ему одну пару теплого белья. У него камнем лежал на сердце страх перед ожидающим его на Мангышлаке. Зона, в которую его направляли, отличалась особой жестокостью при приеме в общественность, и очень редко кому

удавалось избегать заявления. Да и в зоне были очень большие нормы выработки. Там вязали сетки (мешки для картошки). Норму не каждому удавалось сделать за целый световой день. А кто не смог сделать - того заводят в коптерку и бьют. Если все же не может сделать - его помещают в штрафной барак. Там норма еще выше. И бедные осужденные там и спят на мешках, день и ночь вяжут, чтобы выработать норму. Очень утомляют эти однообразные движения. Люди особо ловкие годами вырабатывают сноровку и вяжут мешки очень быстро, а потом по ним поднимают норму и для других. Что ждет Таныбая? Господь один знает. Но мы знаем, что всем, любящим Господа, все содействует ко благу. А ведь мог бы и я туда попасть. Но Господь не допустил, хотя начальник колонии грозился меня отослать на Мангышлак. В камере нашлись люди, которые имели знакомого рабочего в коридоре. Вскоре он нам принес несколько булок круглого серого хлеба, потом еще и еще. О, это был праздник! Мы могли наесться хлеба вдоволь, и голод не точил желудок за многие месяцы. Нас водили на прогулку в прогулочный дворик на полчаса в день. Настало 31 декабря. Значит, Новый год будем встречать здесь. Хорошо бы на коленях его встретить, но как узнать время? Всеми чувствами старался сориентироваться во времени, чтобы узнать, когда будет 12 часов. Вот объявили отбой, значит одиннадцать часов. Полежал еще, завел внутренние часы, которые находятся в каждом человеческом организме, и стал ждать. И тут через окно с города послышались хлопки выстрелов пистолетов-ракетниц. Да ведь это же стреляют в 12 часов. Я встал на колени прямо на верхней наре (другого места не было) и духом воссоединился с Господом: "Ты знаешь путь, Ты также знаешь время...". Все вручил Ему, вознес искреннюю благодарность за то, что Он не отпускал ни на час моей руки в прошедший год, вел удивительно и чудно. И я мог сказать вместе с псалмопевцем: "Межи мои прошли по прекрасным местам". Радость переполняла сердце еще и оттого, что я был уверен, что я могу молиться вместе с тысячами верующих, которые сейчас тоже склонились пред алтарем Бога живого! Могу сказать,что я уверен, что у меня было не меньше мира и радости в душе, чем у тех, которые сейчас за обильным духовным и материальным столом сидят в кругу братьев и сестер, родных и знакомых. Господь верен Своему обещанию. По мере умножения в нас страданий Христовых умножается Христом и утешение наше!

За время пребывания в камере мы получили разрешение отправить родным почтовые открытки. После я узнал, что они получили. Но здесь же они получили письмо с Караганды, что будто бы я еще в Карагандинской тюрьме. Чему верить? И мать быстро собралась и поехала в Караганду. Может еще повидает сына. Что ни сделает любящая мать для сына своего?! Это очень радует и поддерживает. Всегда поймет, не осудит, по силам поможет в беде и, что очень дорого: ежедневно и по несколько раз возносит искренние молитвы в слезах и рыданиях к Господу о нас, детях своих... Более писем, чем мать, мне никто не писал ни в прошлый срок, ни в этот срок. Почти регулярно два раза в неделю она отрывалась от всех забот мирских и писала мне. Как правило, два листа в клеточку. Там и о том, что говорилось на собраниях, и о знакомых и родных, и нежная материнская любовь. "Здравствуй, наш любимый сынок Ваня...". А этому сынку уже 38 лет. Уже и постарела мама, и болезни ее ослабили, и поседела из-за нас, и нервы совсем плохи, и морщины легли по лицу, но старается, все силы, все сердце -детям,.. Господу,., людям. Даже иногда прокрадывается мысль: а если ее вдруг не станет...?!

Приехала в Караганду. Меня, конечно, там нет. И вернулась. Еще на путях в Петропавловске подскользнулась на рельсах, упала и сильно ушибла ногу. Как раз шел снег. Все же добралась до Исиль-Куля, оттуда приехал отец за ней на машине и сразу отвез на массаж. Господь помог, и вскоре ей стало легче. Не перечислить и не описать все то доброе, что сделала мама для людей, для нас, для семьи моей и лично для меня. Пусть Господь воздаст ей уже здесь на земле и даст яркий венец за это на небесах! 3 января 1983 года нас вызвали на этап. Опять обыскали, перерыли мои письма, удивились еще, что это все мои, и вывели на тюремный двор. На улице было темно, и шел дождь... Непривычно было видеть дождь в январе. Нас заставили всех сесть на корточки, пересчитали, объяснили правила поведения: при всякой попытке бежать будут стрелять и т. д. Дали всем хлеб на дорогу, сахара, пару банок консервов. В основном нам дали всем по четыре буханки хлеба. Если на день буханку - значит будем ехать четверо суток. Отсюда следует, что наш вагон пойдет прямо на Гурьев, ибо до Актюбинска ехать меньше. Опять же наш

вагон был "скорым". Это хорошо, ибо всякая дорога трудна, тем более в вагон-заке. Уже не знаешь, на какой бок поворачиваться, все болит. Сразу, как только завели в вагон, нас обыскали: раздевали, все вещи опять прощупывали. Когда мы заходили, в вагоне поднялся шум, видимо перекрикивались с женщинами (их тоже везли куда-то). И тут конвой решил выяснить, кто же это кричал. При обыске некоторых били. Настала моя очередь. Прапорщик поставил меня к стенке и ударил кулаком в кожаной перчатке в живот: "Кто кричал?". "Я не кричал", - говорю. "Опусти руку". Я убрал руки с живота, готовясь принять еще удары. Некоторое время мы с прапорщиком стояли друг против друга и смотрели в глаза в молчании. Затем он отступил. Удара больше не последовало.

С Таныбаем мы попали в разные камеры-купе. Изредка обменивались словами. Переговариваться тоже запрещалось, за это наказывали. Ехали мы действительно прямо в Гурьев из Джамбула, и ехали четверо суток. По дороге, естественно, узнаешь много новых судеб, много историй, много поучительного, что преподает высшая школа жизни. Эх, можно было бы все это сразу записывать - получилась бы довольно интересная книга. А теперь прошло с тех пор уже два года. Почти все выветрилось из памяти. Естественно, была опять прекрасная возможность свидетельствовать. После длительных бесед - приятная усталость. Лезу наверх, если есть место, и, довольный жизнью, отдыхаю. Как все же любит меня Господь: в дороге я познакомился еще с одним человеком. Имя его я забыл. Был он татарином, невысокого роста. Думаю, что анализ его истории принесет нам пользу. Как-то он попался на одном деле: или подрался с кем-то, или что-то украл. Тут к нему домой приходит человек в штатском и говорит ему, что он - работник КГБ. Дает ему понять, что им все известно о его преступлении, и, пока дело не дошло до милиции, он берет все на себя и гарантирует ему безопасность, если он согласен помогать им... Татарин недолго колебался, ибо выбора не было. С тех пор работник КГБ назначал ему места встречи, давал ему указания, с какими людьми ему знакомиться, что у них выведать, давал ему деньги, чтобы татарин мог поездить на такси при нужде, мог пригласить нового знакомого в ресторан, войти в доверие, наладить тесный контакт и добиться нужного. Иногда на операции уходили месяцы, но татарин добивался своего. Сотрудник КГБ вновь давал ему средства, тонкие инструкции поведения, действий, очередную жертву. Доходило до того, что сотрудник давал указание фиктивно жениться на какой-то девушке. Татарин действовал, знакомился, добивался согласия жениться, вступал в брак, входил в новый круг знакомых, выуживал новые сведения, нужные органам КГБ среди студентов, рабочих, ученых кругов и руководящего аппарата. Затем жертва оставлялась на произвол судьбы. Штамп в паспорте убирался сотрудником, и татарин опять свободный. Когда нужно - ему давалось освобождение от работы. Дармовые деньги потянули к спиртному. В сердце все же грыз червячок совести, пока татарин не собрался и убежал, тщательно заметая на пути своем следы. Его этому научили. Уехал в другой город жить, подальше от этого сотрудничества. И его оставили в покое. Несколько лет спустя он опять что-то натворил, попался, и вот теперь он ехал в свою зону, где сидел, видимо, когда-то. По дороге он и решил поведать мне свою историю. А сколько таковых едут с нами, работают, возможно дружат! Да даст нам Господь мудрости и в то же время должной любви ко всем людям, погибающим во грехах своих. Иисус не прогнал, не проклял Иуду, когда тот протянул ему предательски руку, а только сказал: "Целованием ли предаешь Меня?". И назвал его еще другом. О, дал бы нам всем Иисус пребывать в Его чувствованиях.

Молиться было неудобно в вагоне, стоя на второй полке на коленях, ибо вагон сильно качало, но я все же молился, ибо сдашь позицию один раз - и тут же враг найдет причину не помолиться открыто второй раз, и посеет уже ложный страх и стыд в третий раз. Подъехали мы к Гурьеву, посадили нас всех в одну машину-автозак, едущий в тюрьму, и Таныбая с нами. Там я его видел в последний раз. Меня вдруг вызвали с этой машины, посадили одного в другой автозак. Впоследствии я узнал, что Таныбай все же попал в зону Мангышлака.

Он с помощью Господа благополучно отсидел свои три года, заехал к нам в город Шахтинск и поехал за документами в то место, где его взяли. Далее я о нем ничего более не знаю. Ведает Господь. Меня посадили в отдельную машину и совершенно одного повезли в зону. Зона, куда я направлялся, находится в 25 км от самого города. Сопровождало меня двое солдат. Они

остановили машину около какого-то здания, один побежал и купил беляшей. И что вы думаете: один из них протянул мне руку с еще горячим беляшом... Я был очень рад и благодарен. Ведь я в их глазах - презренный зэк, недостойный их внимания, отброс общества, враг, - так их воспитывают. В контролерской у нас написано: "Воин, помни: преступник коварен и опасен, и он использует все, чтобы усыпить твою бдительность". Сколько политзанятий, направленных против нас, осужденных, сколько бесед они прослушали, и все же в некоторых осталась человечность... Да, где то время, когда человек человеку был брат? Что ж я пишу, ведь первый брат убил второго... Поэтому истинное братство возможно только во Христе! Мы разговорились, познакомились, так и доехали до зоны. Меня завели в зону и, как всегда, в ШИЗО, закрыли в камеру... Когда другие эту дорогу проделывали за месяц, Господь мне помог сделать ее за 15 дней!

В медсанчасти

Теперь, естественно, занимала мысль: заставят отсиживать те два с лишним месяца, что я не досидел на 41-й зоне в камере, или нет? В камере еще двое ждали распределения. Их привезли вчера. Сегодня же была пятница, 7 января, по старому стилю - Рождество Христово. Мы побеседовали с сокамерниками. Подошел ужин: подают белый хлеб, да такой мягкий, пушистый. Это очень удивило. На 41-й давали белый только по праздникам, а в обычные дни была спецвыпечка: хлеб сырой, тяжелый, буханочки маленькие. На следующий день нас вывели к врачу, записали, чем болели и специальности, и вскоре всех переодели и повели в зону. Я шел, но шел как-бы по бомбе: вот сейчас взорвется, вот сейчас... вспомнят, что я-то из камеры, и обратно меня... Привели в нарядную, у всех спросили фамилию. Когда дошло до меня, позвали прапорщика и велели закрыть меня в отстойник. Ну что ж, значит, видимо, придется досиживать. Немного бьется сердце, но да будет воля Господня.

Через полчаса вызывают. Сидит опять начальник МСЧ передо мной: "Значит, ты - врач? Кем работал? Что можешь?". Я ему объяснил. "Дневальным в МСЧ будешь работать?". Прежде, чем я успел подумать, взвесить или осмыслить, с языка уже слетело: "Буду". Он мне объяснил условия, сказал, что со мной еще поговорит старший оперативник, и меня повели опять в отстойник. Через часок вызвал и он меня. Человек в гражданском, невидный, худоват, среднего роста, мальчишка на вид. Я его сравнил с теми, кто раньше встречался на моем пути из оперативников, и подумал: "Ну, этот не должен быть плохим человеком, не успел он еще пропитаться льдом". Но как я узнал после, я ошибался. Он начал меня расспрашивать, все выспросил, ничего нельзя было утаить; а то, что не хотел я говорить, вызывало у него злость. Но он пока держался в рамках приличного поведения, присматриваясь. Видимо, раньше не работал с верующими. Объяснил мне условия работы с его стороны и сказал: "Иди, работай". Встретил меня напарник, и мы пошли в МСЧ.

На душе отлегло. Помиловал меня Господь, знал путь моего избавления. И хотя люди предпринимали злые пути для меня и грозились Мангышлаком, Иисус своей любящей рукой сказал: "Досюда, теперь отдохни". И я блаженствовал. Теперь предстоял другой путь, вернее, другая область: труд своеобразный и свидетельство на нем.

МСЧ занимала здание в 33 метра длиной, половина стационар, половина поликлиника. Обязанности должны были распределяться так: один мыл, убирал стационар, ходил за пищею и кормил больных, мыл посуду и выполнял все нужды больных. Второй убирал в поликлинике, выполнял поручения врачей, помогал делать перевязки. Мне досталась поликлиника. Но ведь я - врач, и вскоре врачи и больные стали обращаться ко мне со своими нуждами, и приходилось делать часть работы в стационаре, затем идти на перевязки и еще выполнять поручения пяти врачей и двух сестер.

Поначалу, когда еще был запас физических и моральных сил, очень старался везде все успеть и делать добросовестно. Но времени для всего физически не хватало. Эту работу фактически должны были делать 3-4 человека. Но ведь здесь зона, а мы - осужденные полулюди, и очень приходится стараться, чтобы угодить тем, кто над нами поставлен. Жалобы наши, вернее

просьбы, не принимались. С нас требовали идеальный порядок везде, так как это - санчасть. Комиссия ехала за комиссией. К тому же ремонт был тоже на нас. Напарник у меня попался не очень сознательный человек. К тому же, естественно, он должен был смотреть за мной и докладывать. Меня к тому же поставили старшим дневальным, и приходилось за все отвечать, даже за поведение больных. Оперативник меня вызвал и сказал: "Чтоб в 8 часов вечера дверь у тебя в МСЧ была на крючке, никаких посещений. Больные чтоб вообще не появлялись в зоне". А к ним приходили. Ведь люди днем на работе и приходят вечером к своим больным товарищам. Как мне быть? Не пускать - вскоре я настрою против себя почти всю зону, а я ведь христианин. Администрация требовала с меня, и так же начальник МСЧ, чтобы я держал строго в руках больных, чтоб не курили в палате и во дворе и т. д. А кого я мог перевоспитать, если этих людей не смогли воспитать родители, школа, а теперь и сама зона?! Только доброе отношение и любовь могли дойти до сердца этих людей. Начальник МСЧ сначала не понимал меня. Мне даны такие права, и я ими не пользуюсь, никого не выдаю ему, ни на кого не кричу. И как где какой беспорядок - он кричал на меня, ибо я был ответственный.

Вскоре меня опять вызвал оперативник и еще раз предупредил меня о вечерних посещениях. Они из меня хотели сделать злого стражника, но я таковым не мог стать.

Днем ведь столько сил надо, потому что порой и не присядешь до вечера, да к тому же я любил лечь пораньше спать, чтобы пораньше встать.

Боролся я, боролся между двумя огнями и вскоре махнул рукой. Пусть я буду плохим перед администрацией, но хорошим перед людьми. Двери я не закрывал, ибо постоянно были посетители: или ко мне за лекарством, или на перевязку, или к больным на посещение. Тут еще зима была очень грязная: то дождь, то снег, и грязь вечером, да и в обед приходилось сперва убирать совком и веником, а потом уже мыть. Ведь столько людей приходило на прием, и еще врачи, очень много грязи заносилось. Пока шла уборка, затем опять больные, и я очень уставал к вечеру. Как-то я лег спать часов в десять-пол-одиннадцатого. Дверь была открыта. Тут в 11 часов ко мне кто-то стучится. Я встал, зажег свет и открыл мою комнату. В дверях стоит старший оперативник (подвыпивший), за ним трое ребят с зоны: "Во сколько я сказал тебе закрывать дверь?". "В восемь", - говорю. "А сейчас сколько?". "Одиннадцать". Как раз объявляли отбой. "Одевайтесь, Иван Яковлевич, и идите в надзор-комнату, скажите ДПНК, чтобы он тебя закрыл в отстойник", - злорадно сказал он. Я оделся и пошел. Меня закрыли, также закрыли и тех троих ребят. Они как раз в отбой выходили из МСЧ от своего друга, а напротив стоял старший оперативник... Мы просидели часов до двух ночи. Открыли, вызвали тех ребят и отпустили, меня оставили. Я был в телогрейке, теплое белье, и потому отдых на бетоне в нетопленном помещении был спокоен. Но я почти не спал. Ведь опять заставят писать объяснительную, опять же документ против меня. Писать, не писать? Там и так уже столько бумаг в моем деле. И в конце концов решил не писать. Чему быть, того не миновать. Да управит всем Господь. Дело было с 19 на 20 февраля ночью.

Утром меня вызывают: в коридоре офицеры. "Иди, - говорят мне, -принесешь объяснительную". "Не буду я писать объяснительную". Мне показали обратно в отстойник. Я вернулся. "Во имя Отца, Сына и Святого Духа", - сказал мой начальник отряда и с силой захлопнул дверь за мной. Я снова остался один.

Через часа полтора меня повели в ШИЗО, предложили расписаться под постановлением на 15 суток. Я отказался. Меня раздели, дали тоненькие, грязные, рванные брюки и пиджачок и повели в камеру. Она была совершенно холодная. Одинарное, незамазанное окошечко. Свет дневной тускло пробивался через толщу решеток. В начале еще не так чувствовался холод в камере. Я склонил колени и сердечно помолился Господу: "Как хочешь Ты, Господи! Прославься чрез это мое страдание". Холод все сильнее остужал тело и добирался до всех костей и косточек. Счел нужным молиться каждый час, чтобы сохранить силу веры, упование и получить силы для несения физических страданий, то есть, чтобы устоять. После каждой молитвы разогревался физическими упражнениями до усталости. Затем садился, скорчившись, на нару - она была открыта - и дышал себе в грудь, чтобы сохранить больше тепла. Вскоре я понял, что молитвы и упражнения через час - мало, надо через пол часа. Издали слабо доносился голос репродуктора ,

и я слышал время. Стал молиться и упражняться через каждые полчаса. После упражнения садился, и минут пятнадцать было терпимо, но потом начинала бить мелкая дрожь, как ни крепись, зубы стучат друг о друга. По коже иглами сверху вниз и снизу вверх проходит мороз. Ведь на улице зима, при том как раз похолодало на улице, а здание ШИЗО совершенно не отапливается. Как так?! Откуда такая жестокость к людям? После, когда этого начальника колонии убрали, другие начальники уже больше не практиковали такого, чтобы зимой ШИЗО не топить.

И так прошло часов 5-6, как я сидел, а сколько энергии я уже потратил, чтобы выжить, а сколько еще предстоит? Невольно охватывал страх. Но ведь Господь верен Своему Слову: "И се Я с вами во все дни...".

Он и здесь явил Свою милость. Часов в 6 - 7 вечера вдруг открывается камера, и меня вызывают. Ведут по коридору к камерам ПКТ. В коридоре стоит парень и держит в руке свою другую окровавленную руку, два пальца висят на коже ткани, кость разможжена, бежит кровь. Прапорщик говорит: "Можешь ли ты чем помочь?". Я говорю: "Здесь нужна операция, нужно зашивать в МСЧ, а здесь ничего не сделаешь". Я ему слегка перебинтовал руку, и меня завели в камеру обратно. Дело ведь было в воскресенье, и врачей не было. Оказывается, этот бедный парень, чтобы выйти из камеры, положил на бетонный пол свои пальцы, а другие острым краем параши с размаху ударили ею ему по руке. Еще через час-два опять открывается камера, вызывают меня, велят одеваться и идти в МСЧ, но сразу предупредили, что приведут обратно. Я пошел, там меня ждали уже два доктора и наш пострадавший. Меня попросили помочь сделать ему операцию: отрезать отбитую часть пальцев и зашить рану. Мы хорошо обезболили пострадавшему пальцы, щипцами откусили мертвые части и стали зашивать. Больной до того устал ждать операции, что, когда я ему обезболил пальцы, он тут же склонил голову на стол и заснул, прямо с храпом. Больного положили в стационар, а мне начальник сказал: "Иди, хорошо покушай, переночуй в ШИЗО, а завтра я поговорю с начальником колонии, чтобы тебя выпустили". "Значит все-таки ценит меня, если хочет помиловать", -подумал я. Я поел, и меня увели в ШИЗО.

Когда сыт, и холод - полбеды

Вернулся в камеру, а там уже спят четыре человека. "Вот и хорошо, - подумал я, - теплее будет". Мало, конечно, пришлось поспать в эту ночь и в последующие. Я ждал день, ждал два, ждал три, но меня не выводили. После я узнал, что мой начальник ходил к начальнику колонии, но тот не согласился меня выпустить, сказав, что я не написал объяснительную. Было, конечно, очень холодно всем без теплого белья, и мне так же, но радостно было от того, что люди интересовались мыслью о бессмертии, о душе, и я мог опять с радостью свидетельствовать. Семена падали на благодатную почву.

Тут меня вызывает оперативник: "Вот тебе ручка и бумага. Пиши письмо домой". Я понял, что нет писем, и мать отбила телеграмму начальнику колонии. Я сел и дрожащей рукой корявым почерком написал крупными буквами на листе бумаги о своем положении. Оперативник покачал головой, но все же письмо взял, ибо я ему сразу сказал: "Как есть, так и напишу". Просил очень за меня молиться. Мать, получив письмо, конечно, очень расстроилась, у ней отнялся голос, она лишилась сна. Когда я узнал об этом, решил более не писать таким образом, а более мудро, с радостью, когда уже, может, и прошла туча, или на полпути, чтобы не расстраивать ее так. Но молитвы за меня усилили, и Господь опять вмешался в злые намерения людей и облегчил мою участь. Как-то меня опять вызывают из камеры, сидит ДПНК: "Такое дело вот, - говорит он, - если человек заболеет, как можно лечить?". Я ему сказал: "Надо два раза в неделю делать уколы, в крайнем случае через четыре дня укол". Он спросил меня, смогу ли я это сделать, если он меня будет выводить для этого. Я, конечно, с радостью согласился. Рано утром, еще до подъема, часов в пять утра он пришел за мной, я переоделся, и мы пошли в МСЧ. Я ему сделал укол, он мне разрешил еще быстренько покушать и увел меня обратно в камеру. Как я был благодарен

Господу. Когда сыт, и холод - полбеды. На полдня, даже на день мне хватало набранных калорий, и я опять ждал четвертого дня - смены моего ДПНК. Если бы он только знал, как я его ждал. Он, конечно, очень рисковал тем, что меня выводил. Ведь кругом "глаза", и я такой "опасный" человек. Мне порой даже его жалко было. Через четыре дня он опять пришел и вывел меня. Я опять хорошо покушал. Однажды он меня даже в столовую пустил, ибо в СЧ не было, что покушать. В камере некоторые ждали, что я им принесу курево из зоны, ибо имел такую возможность, но я не мог этого делать. И один из парней не хотел меня понимать, а оттого и веру мою, и ожесточались, ибо страдания ребят без курева в ШИЗО больше. Но это было 2-3 раза. Господь увидел и это, и вскоре нашу камеру разбросали по другим. Я старался как-то возместить это и приносил ребятам понемногу конфет из зоны, когда мог. Они оставались довольными.

Тут уже и повар стал им приносить курево и чай сухой, и они грелись. Но опять же, часто обыски по утрам в камере, и если находят хоть немного курева, добавляют сутки ШИЗО. Кто станет разбираться, что я не курю. Добавят всем. А тут не знаешь, как это отсидеть. Затем ребята сами открывали днем нары и ложились. Опять же причина всех наказать. Тут еще думы: а выпустят ли, когда кончится ШИЗО? Ведь старший оперативник часто напоминал мне, что у меня еще есть неотбытый срок ПКТ.

Как-то нас выводят утром на обыск, дрожим, носы красные, а тут еще снимай куртку, а под ней голое тело: майка не разрешалась. Когда я заходил в камеру с очередного укола, захватил с собой тряпку, чтобы занавесить окно, чтобы меньше дуло. Тут тряпку заставили выкинуть. Нашли в камере несколько камешков треснувшего бетона, сказали, что в камере грязно. Режимник отсчитал восемь, он оказался рядом со мной, и добавил ему пять суток ШИЗО. Как мне его жалко было. Так за мелочи добавляли многим. А меня чудом обходило. Господь Сам хранил меня десницею Своею. Он не возлагает на нас больше, чем мы можем нести.

Когда я еще работал в МСЧ, как-то меня срочно вызвали в ШИЗО для оказания медицинской помощи. Я поспешил. Открывают камеру. Камера была рабочая для ПКТ. Смотрю: на полу лежит человек и охает. Я подошел к нему, поинтересовался, что болит, что случилось. Он объяснил, что выкручивал лампочку и упал со стола. Я пощупал руку: рука сломана повыше кисти, обе кости. Имеется патологическая подвижность отломков, нарастает опухоль, сильная боль. Я помог встать парню, довел до контролерской, положил на диван, сделал обезболивающий укол и наложил временную шину. Парня звали Федя. Я сказал дежурному, что здесь требуется помощь хирурга, рентген, гипс, и надо вызвать врача и отвезти Федю в город для оказания помощи, ибо этот этап помощи оказывали в городе. В город Федю не разрешили увезти, так как там в больнице работала его мама. Его вывели в МСЧ и сказали мне, наложить ему гипс. Я как мог расправил отломки и наложил гипс, и Федю оставили в МСЧ, положили на лечение. После только я узнал, что Федя положил руку между двумя предметами, а другой ударил кирпичом, рука сломалась. В этом Федя видел единственный путь увидеть мать и выйти из камеры. Частично его подвиг привел к успеху, но только частично. Мать он не увидел. И здесь второй парень в камере решил повторить его опыт. Может удастся выйти из камеры, лечь в стационар. Ломает себе руку. Я в это время уже сидел в ШИЗО. Меня выводят из камеры посмотреть его. Я посмотрел и сделал заключение, что обе кости руки сломаны. И это было действительно так. Этого парня уже не вывели в МСЧ. Три дня он ждал конвоя и машины, чтобы его отвезти в город. Три дня без гипса, сильные боли. Его посадили в отдельную камеру против нас. Он ойкал и стонал. Ко всему у него отобрали постель и держали на режиме ШИЗО, так как администрация догадалась, что этот парень, а так же и Федя, занимались членовредительством. Меня уже не вызывали наложить гипс ему. Тому, видимо, была причина. Через три дня его свезли в город, ему прямо без совмещения отломков наложили гипс и быстро отправили обратно. А вместе с тем закрывают назад в камеру и Федю. Федя решил опротестовать это действие. Он находит в камере лезвие и широким размахом поперек разрезает себе живот. Разрез глубокий и длинный - весьма внушительно. Бежит кровь. Я как раз сидел где-то двенадцатые сутки. Очень ждал конца суток, ибо силы уже иссякали. Садились спинами друг ко другу, подложив сапог: так чуть-чуть теплее. Но немеет тело, надо вставать. В камере по-прежнему совсем не топилось. И вот как-то я как раз сидел, скорчившись, и дышал себе в куртку, как открывается камера и вызывают меня. Я вышел.

Повели меня в контролерскую. Там на полу лежит Федя с распластанным животом. Медсестра Оля просит меня наложить Феде скобки на рану. Ну что ж, как отказаться? Я пошел к умывальнику, помыл руки, ибо они уже были как у негра, и собрался наложить скобки, ибо рана была непроникающая в живот. Федя же не давался: только в МСЧ. Долго мы его уговаривали, наконец дежурные стали применять силу, а мне сказали: "Зашивай". Тут Федя сдался и решился добровольно дать наложить скобки, видимо из-за уважения ко мне (Мы с ним там и познакомились в МСЧ, когда он там лежал с переломом руки). На руке до сих пор еще лежал гипс. Я обезболил ему рану и наложил скобки. Рана была длинной, где-то 30 см. Я еще попросил Федю не обижаться на меня. Он грозился сорвать скобки, сделать над собой еще худшее, если его не уведут назад в МСЧ.

Я еще быстро взял у Оли таблеток от температуры и проглотил, ибо в этот день как раз меня начало бросать то в жар, то в холод. Видимо, простуда брала свое. Взял еще витаминок в руку ребятам и таблетки для них в завязанный рукав и пошел к камере. К одному из режимников обратилась Оля: "Может его отпустите, ему уже немного сидеть" (это меня). Тот собрался было звонить к вышестоящему начальству, но телефон не работал, и он положил трубку и повел меня в камеру. "Что с собой взял?" - спросил он меня. Я показал ему витамины. "Что ж ты сразу не спросил, ведь ты - старый волк, но я тоже!" - сказал он. Я попросил извинения, и он отпустил меня в камеру. Там я угостил ребят витаминами, дал им таблетки от температуры, что было для них большой радостью. Болеть под одеялом - полбеды. Но быть в камере, когда на тебе кожурка и негде согреться, негде лечь, и болеть, когда тебя бросает то в дрожь, то в холод, то в жар - это уже беда, это большая беда. Но Господь и здесь усмотрел мою нужду и через меня помог и другим.

Прошли еще сутки. Ну, пятнадцать я вынесу с Божьей помощью, а если еще, если потом в ПКТ? Тяжело, и мысли отрадной нет. Вдруг открывается дверь и опять меня вызывают и ведут к другой камере. Захожу. Лежит Федя на наре. Это он, оказывается, попросил ДПНК, чтобы он привел меня к нему, чтобы я за ним ухаживал, перебинтовывал, подавал ему кушать с кормушки, ибо вставал он с очень большим трудом. Опять Божья рука! Я был несказано рад. Ведь у Феди матрац, одеяло, телогрейка. Камера-одиночка: метр ширины и 2,5 метра длины.

Я с радостью перебинтовал ему руку, живот, подавал ему кушать, помогал вставать для нужды, и тут же, конечно, завязывалась сердечная беседа: много интересующего, много времени, и притом мы одни. О, сколько благословений на нас излил Господь за время нашего совместного бытия. Он ведь получал питание ПКТ и с него отдавал часть мне, иногда и повар сам давал мне добавки, так как тут некому было его продать за это. Я был очень рад. Вечер. Он звал меня к себе под одеяло. Я, конечно, с радостью соглашался, лез к нему в ноги, мы ложились головами в разные стороны, обо нара очень узкая. Он еще накидывал на меня свою телогрейку, и я блаженно засыпал... О, моей благодарности Господу и Феде не было конца.

На другой день я заделал дырочки в толстой жести, которой было закрыто окно, ватой из матраца - стало меньше дуть, и в камере стало теплее.

У Феди был большой интерес к вере. Я смог ему много рассказать. В то же время у него не пропало еще желание сделать над собой еще худшее, чтобы его увезли в город на операцию. Я стал его усиленно убеждать, что не надо. Пройдут и эти оставшиеся три месяца его ПКТ, но зато здоровье его сохранится, ведь оно пригодится ему еще на воле. Ему еще оставалось лет пять сроку. Около этого уже отсидел. Он когда-то грабил магазин, и тут сработала сигнализация и приехало очень много милиции. У Феди было ружье с собой, и он очень долго стрелял; милиция не могла его взять, и поэтому ему дали большой срок. Наконец Федя смягчился, соглашаясь сидеть и эти три месяца. Я ждал своей участи. Проходит 15 суток, затем 16. На семнадцатые вдруг комиссия, но меня ничего не спросили. Затем еще начальник режимно-оперативной работы с начальником МСЧ стали делать обход. Дошли и до нашей камеры. Я вышел, доложил, как оно положено, увидел, что они были в добром расположении духа, обратился к начальнику МСЧ: "Гражданин начальник, Вы походатайствуйте там за меня, а то меня что-то не выпускают". Мой начальник обещал сделать возможное, и они ушли. А до меня уже доходили слухи, что хотят меня закрыть в ПКТ досиживать неотсиженное... Да будет Твоя воля, Господи!

Тут меня вызывает главный оперативник, спрашивает, могу ли я сварщиком работать. Я объяснил ему, что не могу. Он еще позлорадствовал надо мной и повел в зону. "Ну иди пока в санчасть", - сказал он мне и отпустил меня.

Итак я снова в МСЧ. Я был очень благодарен своему начальнику за то, что он для меня сделал. Тут у него обострился радикулит, и я пожелал ему делать массаж. Он ему очень помог. Я ему объяснил, что молюсь об успехе. Все во всем - Бог. И тут во время очередного массажа мы беседовали. Он с интересом слушал и задавал вопросы, касающиеся Бога и нашей веры. Сам он был казахом по нации. Господь давал силы свидетельствовать ему так истину, какой она была на самом деле.

И тут он стал более располагаться ко мне, меньше кричать на меня. Иногда просил прочитать письма мои. Помощника моего он выгнал, так как он совсем обленился, спал днем, а ночью чем-то занимался, чего я не знал. Взял он другого помощника - художника, чтобы он отделал ему санчасть, но тот оказался еще большим лентяем. Но говорить о нем начальнику и жаловаться я не хотел. Почти вся нагрузка опять ложилась на меня. Я не имел времени написать письмо, прочитать полученное. Лукавый, видимо, решил здесь задавить во мне все святое чрезмерной занятостью. Что меня радовало и удерживало на этой работе - это отдельная комната, где я спал и молился, и когда нужно - закрывался и воссоединялся с Господом, или принимал многочисленных гостей. Я знал, что за мной сто глаз, но не выгонишь ведь людей, а они идут и идут, хотят просто поговорить, излить душу, поинтересоваться о Боге, и я беседовал, рассказывал поэму, другим переписывал. Затем в МСЧ кто-то принес гитару. Как тут удержаться и не спеть! И я пел, пел от души, пел с радостью... Песня наполняла меня, наполняла слушателей, наполняла кабинеты по вечерам, и коридор, и, возможно, неслась на улицу... Пришел кто-то из администрации, послушал, послушал и ушел. Я узнал, что у одного мастера лежит сломанная гитара. Я его встретил, попросил, и он обещал мне ее сделать. У меня будет собственная гитара в зоне... Вот это здорово! Больные, встречая часто жестокость со стороны врачей, все больше и больше обращались ко мне и за советом, и за помощью. К врачам шли в основном за освобождением. А ведь в моем распоряжении только перевязочная. А тут столько желаний, столько вопросов, столько обязанностей. Я прямо разрывался, очень уставал. Но ведь здесь именно место, где можно сделать очень много добра! Как быть? Я не успевал за всем, забывал многое, иногда срывался на гнев в особенной спешке. Здесь меня иногда ловил дьявол. Как-то я читал в одной книге, что грех из многих добрых дел делать наименее доброе дело. Значит здесь нужна мудрость, нужно осмысливание, а времени свободного совершенно нет. Спешка! Старший оперативник по-прежнему скрипел зубами, когда видел меня. Не знаю, почему, но у него была ко мне особая ненависть (Это тот, который встречал меня в зоне и посадил в ШИЗО). Как-то он сидит около режим, части, а мы с напарником несем мусор мимо них. Он меня подзывает и говорит: "Если кого из больных увижу в зоне, посажу тебя". Я прямо не знал, что говорить, как я могу их удержать? Я просто не в состоянии уследить за ними из-за всей моей работой в поликлинике. Фактически это была работа моего напарника по стационару, но этот требовал все с меня. А работы было много: утром - запись больных, вскипятить шприцы, отыскать карточки больных, затем чай начальнику, вызовы в кабинеты, к врачам и помощь им, затем работа в перевязочной -перевязки, затем посещения и прием в ШИЗО, затем вызовы в отряды (не всегда), затем опять просьбы врачей и им чай (часто конфеты с нашей отоварки) - не пользовались ей только медсестры и зубной врач - затем сотни и тысячи просьб и вопросов осужденных, а когда все уходят домой - уборка девяти кабинетов и коридора, да еще инструмент и на столах. По субботам белье в прачку и в воскресенье утюжить, и опять все сначала. Я же был и вместо дежурного врача: если что случается вечером или ночью -старался сам справиться, в крайнем случае вызывал врача. Но Бог благословил мой труд. Ни одного смертного случая Он не допустил в моих руках. Осужденные и врачи были довольны мной. Но силы мои иссякали. Конечно, я имел преимущества в колонии, и большие преимущества. Единицы из 600 человек в зоне имели свой угол, свою комнату, и я среди них имел ее, где и происходило мое служение и отдых. Меня не касался подъем, отбой, даже проверки не было для меня. Вся зона регулярно собиралась два раза в день на плац на проверку, меня же с больными приходили проверять на

месте. Передвижение в зоне строго с отрядом в колонне, и притом все закрыты в локальной зоне. Мне же можно было ходить одному в любом месте, в любой отряд, в любое время. Меня никто никогда не задерживал и не обыскивал, ведь я - работник Красного креста, а они в уважении в зоне. Питание у меня было больничное, самое хорошее, что бывает в зоне для осужденных. Где я мог еще мечтать о таком? Дисциплина в этой зоне по сравнению с той, где я был раньше, мне показалась детсадовской. Здесь было намного легче сидеть. И к одежде не придирались вообще ни к кому, ни к пуговицам, ни к хлебу, который несут из столовой. Проход из промзоны и обратно почти свободный, а в 41-ой выйдет только умирающий или тяжело раненный на производстве. Норму спрашивали строго только у сварщиков здесь и на кирпичном заводе. Были в ходу и деньги, и за них можно было кое-что купить, и за деньги некоторым удавалось выходить на "химию" и т. д. В общем, сама по себе зона была намного лучше, чем предыдущая. И с этими моими преимуществами я, конечно, должен был считаться. Мог также во время работы свидетельствовать, а приходило и обращалось ко мне много народу.

Уже шел шестой месяц, как я не видел свою семью. И тут приезжает ко мне жена с сыном. Хотел еще отец приехать, но долетел до Кустаная, а дальше никак не мог улететь, и пришлось ему вернуться назад. Положено нам было только краткосрочное свидание так как года еще не прошло со времени нашего личного свидания а положено на строгом режиме только одно личное свидание в год Дали нам три часа поговорить, и то благодарение Богу ведь положено только два. Рядом сидит женщина с администрации и слушает. Угостила меня жена еще самодельной колбасой - сынок сам коптил, помолились, предали путь Господу, и они уехали Коротка радость, и как долго пришлось ее ждать. Добивалась жена личного свидания, и в этой зоне можно было добиться и этого ибо начальство шло на уступки. Но когда смотрели мое дело, а там все красным, отказали.

Бабушка с иконкой

Приезжали к нам в зону две бабушки с дезинфекционной станции города травить мух, клопов, мышей и крыс. Эту же работу в 41-ой зоне выполняла одна хорошо знакомая лютеранка из города Шахтинска, и очень она желала встречи со мной в этой зоне но увидеться и встретиться нам так и не удалось. А тут одна из бабушек, которую звали тетя Дуся, оказалась с иконой. Она глубоко верила, что пока она с иконой, с ней никогда ничего не случится ведь она приносила осужденным кое-что от их родных из города Гурьева, где они жили. А этот ее груз был очень опасен для нее но она рисковала. Работала она уже около 25 лет, и никто их' не обыскивал, не терроризировал. А ходили они в тюрьму и в другие зоны около Гурьева. И вся ее вера не мешала ей в то же время пить, ругаться и, видимо, даже драться, так как многократно приходила с синяком. Жила она вдовой с сыном и дочерью, но сердцем была проста и щедра. Через нее Господь мне открыл путь нелегальной отправки писем домой и церкви. Нужда в том была большая. Ведь церковь наша осталась без пастыря, и враг уже работал там. Одна душа с дочерью уже ушли в лжеучение, начались нелады в самой церкви, очень трудно было с местом собрания. Все это сильнейшей болью отзывалось в моем сердце. Также дети подрастали, недоставало отцовской руки. А ведь все не напишешь через цензуру, да и положено только два письма в месяц. И я радовался тому, что мог кое-что отправить через нее, а впоследствии даже кое-какие памятные подарки жене, детям, родителям, братьям и сестрам. Мать и жена высылали посылки и деньги бабе Дусе, а она уже рисковала приносить кое-что мне. Это тоже было большой помощью для меня и радостью. Но здесь, правда год спустя, бабулек стали обыскивать при входе в зону. Они этому очень удивлялись. Не ведали они и не боялись многих людей, которые их и меня окружали в МСЧ и, конечно, доносили их и наш разговор и то, что видели, администрации. Я старался быть крайне осторожным и даже предупредил бабулек, но они мне сначала не верили. Думали, что я наговариваю на людей. Однажды я предупредил их насчет моего помощника. Они не поверили мне и сказали ему о моих словах. Этот мой помощник жил на воле по соседству с одной бабушкой. Трудно мне было перед ним отчитываться за сказанное, и неудобно, но я сказал

ему правду. А в том, что он предавал, я не сомневался. Один человек даже нашел у него пачку писем, которые тот собирал у доверчивых людей, берясь их отправить, а потом уносил их в оперчасть. После же его освобождения - а он скоро освободился - наша бабулечка убедилась в непорядочности и обманчивости этого человека и поверила моим словам. Оказалось, что я был прав. Но пока до них доходило - быстрей дошло до администрации, и они стали бабушек обыскивать. Не пострадали они, правда, но здесь и иконка не помогла. Оказывается, дело мое выше иконы, и служители Люцифера не отступали перед иконой. Тут уже исполнялось Писание: "Будут гнать и вас". До этого бабульки носили курево, чай с иконой людям, и это совмещалось. Теперь же не могли больше. Бог запретил. Старался я бабушкам объяснить о возрождении, о святости, о спасении. Повздыхают, повздыхают, и забудут слова Господа.

С этого времени и мне уже редко рисковали что-нибудь принести. Но письма бралась все-таки отправлять. Делал я это только при большой нужде. Оставались мы в хороших и простых отношениях. Эти бабушки имели доступ даже в ШИЗО, ибо и там травили мух, но увидеться мы так и не смогли там ни до этого, ни после этого, хотя голос их я слышал в коридоре. Да оно и к лучшему было. Ведь мы читаем: " Ибо знаем, что всем, любящим Господа, призванным по Его изволению, все содействует ко благу". Как-то меня вызвал мой начальник отряда. В отряде своем я почти не бывал, только числился. Он меня попросил перевести с немецкого на русский работу по немецкому языку. Он учился заочно в педагогическом институте. А затем уже у нас завязалась сердечная беседа. Оказывается, он в душе тоже не безбожник, и беседа наша была с обоюдным интересом: ему интересно было получить ответы на много мучивших его вопросов, ибо впервые встречал такого человека, как я; а мне приносило большую радость и удовлетворение дать ему ответ с Господней помощью. Впоследствии, надо сказать, даже его предали вместе со мной о нашей беседе. Меня оперативник спросил: "Беседовал ли я с моим начальником?". Я сказал: "Мне все равно, с кем беседовать, хоть с министром".

С ним, видимо, тоже поговорили, и я стал замечать, что он как-то стал побаиваться, стесняться меня среди людей. Жаль, конечно. Но в сердце уважал меня, просьбам моим не отказывал и в чем только мог помогал.

Мне даже трудно сказать, с какого времени я начал сердечно молиться, чтобы Господь мне подарил колос - спасенную душу именно в колонии.

Я мало подозревал о последствиях этого, но искренно желал этого. Это будет еще одна душа избавленная от плена греха, а во-вторых -это будет моим оправданием, ведь многие меня не понимали на воле. На воле Господь мне отказывал в спасенных душах, и здесь как-будто молитва моя была тщетной. "Господи, неужели Ты не дашь мне ни одной души?" - каждый день просил я снова и снова. Многие приближались к Господу, другие изъявляли желание на воле отдаться, а вот чтобы здесь - пока никого.

Тут как-то, перевязывая одного больного (звали его Саша), у нас коснулся разговор о Боге, и он мне вдруг начал декламировать наизусть первую главу Евангелия от Иоанна. Я очень удивился. Оказывается, он ранее был вместе с одним верующим в зоне (как я понял - пятидесятником), но перенял от него не более, чем поверхностное понятие о Боге и эту главу от Иоанна. Но интересно было то, что он за год до того, как мы узнали друг друга, видел меня во сне. Видел то, что я писал на домах, видел еще одну верующую сестру из Алма-Аты - Аню, видел ее поселок, и как она спасает его от преследователей. Сон очень длинный и интересный. Затем этот сон в точности у него повторяется месяцев через девять после этого, незадолго до нашей встречи. Это было очень удивительно. Рос Саша без отца, у матери легкого поведения, которая затем отказалась от него и даже просила судью дать ему больше сроку, хотя Саша злого ей ничего не сделал. Это была злоба тигрицы, уязвленной в самолюбии. И Саша пошел скитаться по миру, а затем по колониям. Он уже сидел в общем лет 10-12, много перестрадал, и жизнь, естественно, научила его быть очень упрямым, настойчивым (Иначе не добьешься часто куска хлеба или места на ночлег среди многих претендентов). Одно было в нем хорошо, что мир его не научил, не смог научить пить и курить. Он имел к этому глубокое отвращение. Может тому причиной была пьющая мать. Мне трудно передать всю трагедию его жизни. Но когда он однажды о себе написал Ане, а та дала прочитать ее брату, тот навзрыд заплакал. Нам, выросшим

у родителей, считающих за неотъемлемое и обязательное родительскую ласку, отчий кров и попечительство, мягкую, белую постель и богатый стол, сытость и довольство и не знающим ужасов страшного голода и холода, отвержения и ненависти людей к оборванцу - нам очень трудно понять этих бедных людей, тем более, войти в их положение. Как мы выросли, и нам "не велели грешить", таких мы и понимаем: ну пусть малые грешки, но, в общем, мягких, податливых. Но если перед нами встанет человек хитрый, изворотливый, мстящий, жестокий, злопамятный - тут извольте подальше от такого. Наше сердце не сможет пройти по пути и проследить, почему он стал таким. Сколько раз его обманывали, пока он не научился защищаться обманом. Сколько раз его били, пока его кожа затвердела и стала жесткой. Сколько раз он был в таких трудных обстоятельствах - или жить, или нет; или сидеть, или лежать; или есть, или быть голодному, - где он научился быть хитрым. Сколько раз ему злорадно обрезали путь к минимальному счастью, пока он научился мстить... И это все сердце человеческое, не пережив, не поймет. А тут миллионы таковых. На воле они хоть одетые и более-менее сыты, а здесь вся их духовная нагота и убогость совмещается с физической, и они еще более ожесточаются, еще более учатся защищаться, еще более черствеет сердце, еще более изощряются изворотливостью и находчивостью к приобретению хоть минимального тепла и уюта.

"Слава, слава Тебе, Господи, что Ты един их понимаешь и любишь до конца, жалеешь, зовешь и спасаешь!".

Прости меня, Господи!

Не хочу я все выше описанное отнести к Саше, я просто хотел сказать, что он прошел все это, и если что осталось в нем человеческое, то это чудо. Могло и этого не остаться. Саша умел слушать. Больше молчал и соглашался с говорящим. Он не противился познавать путь спасения своей души. Мы стали чаще встречаться, а однажды мне пришлось даже сказать Саше, что не надо каждый день приходить, так как это очень бросается в глаза, и нас разлучат, не дадут быть вместе, ведь мы в колонии. Как-то он пришел с двумя приближенными ко мне, те тоже слушали с интересом Слово.

Но когда я в конце предложил, что помолюсь в заключение и, преклонив колени, помолился, то потом заметил, что склонил колени только Саша, а те двое испуганно отошли к двери. Спустя еще два-три дня я предложил Саше, не хочет ли он сердце свое раскрыть для Господа. Он с радостью согласился. Я пояснил ему, как можно молиться, и, преклонив колени, я помолился первый. Немного погодя сердечно молился Саша: "Здравствуй, Господи... Я большой грешник... Прости меня...". Он получил радость, и потом, повторно преклонив колени, он уже мог радостно благодарить за прощение и просить дара Святого Духа! Радовались ангелы на небесах, радовался и я - услышана моя молитва, спасена душа от вековечных оков дьявола, приобрела мир с Богом, и притом в этом пекле, в этих условиях. Когда я однажды брату в 41-ой зоне сказал о том, что одна душа желает покаяться, он мне после сказал, что волки растерзают в этой системе бедную, слабенькую овцу. И действительно, нужно титаническую силу, чтобы без окружения братьев и сестер, без собрания верующих, иногда без наставления устоять в страшном окружении, и тем более возрастать. Трудная теперь предстояла нам задача с Сашей: удержать спасение и возрасти. Все силы неверия бросаются на овцу, и притом организованная сила, и от нее никуда не укроешься, домой не уйдешь, нигде не отдохнешь, а если сразу гонения, лишения, ШИЗО и т. д. на эту неокрепшую душу, - это выносят не все окрепшие, имеющие длительный стаж, верующие.

В этот же день, 8 мая 1983 года пришел ко мне Павел Авраамович из Караганды. Он ходил там в собрание, вроде уже хотел принять крещение (о его возрождении я сомневался), и попался за нечистое дело. Я ему тоже предложил помолиться. Благо моя комната закрывалась. Он тоже искренно помолился, возрадовался и пошел. День сей был особенно благословен Господом. Имеется у меня до сих пор памятная открытка, подписанная Сашей: "Слава Богу, Христос воскрес". Как мне умолчать об этой радости. Я написал большое письмо родителям нелегально через бабушек, просил молодежь писать Саше, поддерживать его. И вскоре нашли письма. Саша

стал явным...! Его стали вызывать, спрашивать о его вере, угрожать. Но он бесстрашно шел на допросы и свидетельствовал администрации о своей вере. Забеспокоились даже городские атеисты. Мы же продолжали наши общения и молитвы в моей комнате. Врач же неистовствовал и, конечно, не мог остаться бездейственным по отношению ко мне. Усиленно искали зацепку (о чем я узнал после).

Прежде, чем описывать дальнейшее, хочу рассказать об одном интересном случае, или приеме оперативника (старшего), который так ненавидел меня. Вызывает он меня и беседует. Подводит к тому, что у нас, верующих, борьба за доброе в человеке, борьба против зла, и у них, у администрации, то же самое. Отчасти я согласился, но был осторожен в беседе. Затем он мне предлагает идти в камеру к самым злостным нарушителям и проповедывать им о Боге. И как двое или трое обратятся к Богу, так он меня выпустит из камеры. Странно, я сразу не знал, что ответить. Такого предложения мне никто еще не делал. Правдиво ли оно, и сдержит ли он свои слова? "А если никто не обратится, - говорит, - значит твоя вера бессильна, бросай ее". Я никак не мог понять его хитрость. Может он хочет меня моими же руками изолировать? Я ему говорю: "Так разрешите мне в таком случае проповедовать в зоне". "Нет, - говорит он, - в зоне нельзя". Опять странно. "Если вы верите в силу Слова, почему же нельзя?". "Нельзя, - увернулся он, - давай в камере". Ведь в зоне можно сделать намного больше. Я буду твердить одному и тому же в камере год, а он не захочет, ожесточится, и все впустую. А тем временем из сотен один или больше уже в зоне обратится?!

Он меня отпустил подумать. Я ушел. После как-то еще спросил меня о моем согласии. Я не выразил желания туда идти. "Если, - говорю, - пойти, сказать и прийти обратно - я согласен". Он опять не согласился. Обвинил меня в трусости. Радости все же я не получил от Господа туда идти, и думаю, что сделал правильно. Этот случай, видимо, был до Сашиного обращения к Богу.

Время шло. Нарастала летняя жара, которая в этих местах порой очень тяжелая. Мы радовались с Сашей в общении с Господом и друг с другом. Делал ему возможные наставления, давал читать свои письма, которые получал во множестве. Саше особенно нравились письма Ани из Алма-Аты, и вскоре он попросил разрешения ей написать, чтобы через нее еще больше узнать о Господе. Возможно в сердце проснулся огонек надежды, искорка тепла и тяги к добру, ласке. Я не находил причины не дать ему адреса. Аня ответила ему. Во втором письме он не смог уже удержать в сердце нежных чувств и объяснился... Аня же была духовной сестрой и объяснила ему, что согласна ему писать лишь на духовные темы, а если еще будет подобное - писать не будет больше. И я порицал Сашу: "Разве можно так?". Много беседовал с ним. Затем мы склонили колени. Он просил: "Господи, прости меня. Я никогда больше не раскрою сердца ни одному человеку..." Наша беседа еще продолжалась. Старался ему объяснить, что этот вопрос решается с Господом, и что вопрос объяснения - на последнем месте; первое - это любовь к Богу всем сердцем. С трудом Сашино сердце воспринимало мои объяснения. Не знал он материнской любви, участия, а тут, встретив в письмах ко мне участие сестры и сострадание к моим узам, в нем растопилось сердце/ и вдруг такой отпор. Много и долго я объяснял Саше этот вопрос. В конце концов он немного успокоился. Боялся я, что это повлияет на его духовное состояние, но, к моей радости, оно не пострадало. Господь снова явил Свою милость. К Саше некому было приехать, да и много здесь таковых, к кому некому приехать, и даже нечего ждать, впереди темнота, 10-15 лет сроку, ум и сердце не могут дотянуться до последнего дня, и только горько прожитый день очень мизерно как-то приближает тот день, но он еще очень и очень далеко...! Как часто, когда затрагивается вопрос о близком освобождении кого-то, у других вырывается тяжелый длинный вздох, похожий на стон..., их конец еще не виден. Аучше о нем не думать, так легче, а не думать о нем - значит вообще тормозить мышление, ибо все равно механизм мысли приводит к этому, а затормозить мышление - это значит уйти в себя, замкнуться, задавить все эмоции в себе, всякий порыв души, всякое стремление. И вот он - человек-робот, человек-автомат: включи его - работает, выключи - упал, спит; не погонят - не помоется; не поднимут - и в парикмахерскую не идет. А окружающие уже с осуждением: вот, опустился. Не ведают они, что человек просто приспособился, нашел гамму, где ему возможно остаться в своем уме, возможно выжить, выдержать борьбу с самим собой эти 7-10 -15 лет!

"А за что 15 лет?" - спросили мы. Бывает и такое: заходит на днях к нам в кабинет лечиться один человек, спрашиваю: сколько сроку. Говорит: "14 лет и 6 месяцев. А запрашивали высшую меру. Я в глаза не видел того человека, которого кто-то убил. Но я был на той свадьбе, где он был. Я был раньше судим. Свидетелей напугали, чтобы они показали на меня. Год с месяцами не могли меня осудить. Затем дали 14,5 лет и отправили в зону. А я совсем не виноват. Но мне никак не доказать свою невинность. Вот и сижу", - рассказал он. Или другой. Дадя Яша работал инженером-строителем в киностудии "Мосфильм". Иногда он выезжал с группой артистов с концертом в села. Те без него делали какие-то махинации с билетами и брали деньги себе. А дядя Яша был руководителем группы. Тут он как-то вышел погулять со своей собакой по улице города Москвы, где он жил. К нему подошла женщина и говорит: "Не хотите ли Вы послушать слова о спасении Вашей души?". Дядя Яша согласился с радостью. А недалеко был молитвенный дом евангельских христиан баптистов. Он отвел домой собаку, и они пошли на собрание. Там ему понравилось. Стал чаще посещать, и вскоре его вызвали некоторые органы, спросили, посещает ли он молитвенный дом. Дядя Яша не отрицал. Тот сказал: "Ну, хорошо...". И отпустил его. Вскоре дядю Яшу вызывают повесткой, и более он не пришел домой. Присудили ему те деньги, которые брала его бригада, а взяла она много, тысяч десять или больше. Община еще хотела ему помочь расплатиться, но не успела. Дяде Яше дали 14 лет сроку. Теперь он сидит со мной в одной зоне. Но хорошо, что у него есть жена, ему есть кого ждать, и он ждет, скоро уже она должна к нему приехать.

Ждал и я личного свидания. Уже скоро год я не видел детей. Как я соскучился. Осталось ждать уже немного, два с половиной месяца. И я терпеливо ждал. Как-то меня встречает начальник колонии: "Ты где сейчас работаешь?". "В санчасти", - говорю. "Опять в МСЧ?", - недовольно сказал он и ушел. Но убирать оттуда он меня не убрал, так как врачи и начальник МСЧ, да и все осужденные были очень за то, чтобы я там работал. Желающих на такие места обычно много, ибо о таких преимуществах, о которых я писал выше, не многие даже мечтают. Вся зона в основном ходит голодная. Если не голоден, то худ оттого, что однообразная и бедная пища, как суп и каша, очень приедается и уже не идет. Съедаешь хлеб с чаем и все. А у меня все-таки тепло и сытно. И, естественно, многие готовы наговорить кому-то что-то, чтобы меня сняли, но Господь пока держал сильную руку Свою надо мной, и я работал, сеял семя жизни, радовался в Господе и славил Его за чудную участь и любовь Его ко мне. Но всему свое время, и время всякой вещи под небом. Против меня искали зацепки. Сижу как-то в кухне МСЧ и кушаю. Заходит старший оперативник. Я встал, поприветствовал его. Он резко спросил: "Где твои личные вещи?". Я повел его в свою комнату, думая: что же случилось? И ничего не мог придумать. Порылся он в моей тумбочке, письмах, затем достает из своего кармана листок с написанной православной молитвой. "Тебе знакомо это?", - спросил он. "Нет", - говорю. "Пойдем со мной". Повел меня в новый отстойник и закрыл. Этот отстойник сделали специально для лета - без крыши, железные стены: пусть солнце попечет, а ночью покусают комары. Тоже мучительно. После, правда, когда дошла одна из жалоб осужденных до центра, этот отстойник убрали. Ну а мы еще сидели там. Захожу туда: стоит мой знакомый - Анатолий, с тросточкой. Он часто ходил ко мне на перевязки, ибо пальцы его ног гнили. Болел он сосудистым заболеванием, терпел страшные боли уже более года, никак не решаясь дать отрезать ногу. Иногда мы с ним затрагивали тему о Боге, но времени побеседовать подольше, поглубже никак не находили. Все как-нибудь потом, а у потом полно своих забот. Было ему лет 35, степенный, рассудительный, любил играть в карты, и за это много наказывался, побывал и на тюремном режиме - самый строгий режим, был одним из неофициальных предводителей тех парней, которые еще чего-то придерживались, не вступали в общественность, он имел авторитет среди них в зоне и, естественно, был под наблюдением у администрации. Тут он с одним казахом идет с промзоны в МСЧ на перевязку. Их встречает старший оперативник с режимником и обыскивает их. У Анатолия в кармане находят вышеупомянутую молитву. Он ее носил при себе уже очень давно. Но тут никакие его объяснения не помогли. Их повели в отстойник. И тут же приходит старший оперативник ко мне. Нашу встречу с ним я уже описал. Мы поздоровались с Анатолием, узнали о нашей общей беде, укрепились, поговорили, и он со смелой решимостью говорит: "Когда меня

вызовут, я теперь скажу прямо: "Да, а верю в Бога!". Можете себе представить реакцию администрации после обращения Саши, после моего свидетельства, после свидетельства Анатолия. У них, наверное, руки зудились. "Этот баптист даже этого картежника, которого не сломил тюремный режим, убедил верить".

Но я был спокоен. Ведь молитву писал не я, и видел ее впервые, и вины моей нет никакой. Погуляли мы на жгучем солнышке до 5 - 6 часов вечера в отстойнике. Вызывают Анатолия и отпускают. Вызывают и меня. Вскоре отпустили и меня. Но радость моя была недолгой. Только я сел кушать, не успел еще съесть обед, как за мной опять приходит старший оперативник: "Пошли со мной. Там надо еще кое-что выяснить". Прихожу - сидят в кабинете один в гражданском и два оперативника.

Передо мной важно сидел ликующий, злорадно усмехающийся все тот же старший оперативник, его помощник, а в углу - человек в гражданском. Он не представился, не говорил; видимо, он уже все сказал, а теперь хотел меня послушать. Меня стали убеждать, что до меня в зоне не было таких молитв. Я сказал, что они были сначала времени и будут всегда, хотя бы силы атеизма собрали все усилия на их уничтожение. На меня стали кричать и говорить, что я буду сидеть шесть месяцев. Не было никакой моей вины, и я так и засвидетельствовал: "Вы поступаете несправедливо, и знайте, что за меня будет кому заступиться". Трудно им было в это поверить, и меня велели закрыть в отстойник. Я это понимал, за что меня закрывали, но официальной причины не было, и написать в постановлении, видимо, не хотели о том, что спасена душа, и о многом, многом другом.

Вскоре опять вызвали Анатолия и тоже закрыли со мной. Мне стало ясно, что оперативники проконсультировались с органами КГБ о моем вопросе и тот посоветовал меня изолировать, и даже сам не постеснялся присутствовать при этом злодейском акте. До вечера мы пробыли в отстойнике. Вскоре туда же закрыли целую бригаду осужденных с кирзавода, не выполнивших норму. Наступали сумерки. Люди стали располагаться спать под открытым небом прямо на земле. Кое у кого нашлись газетки подстелить, я тоже себе нашел одну и лег. Крепко кусали комары, и спать невозможно было. Тут открывается дверь, вызывают меня и Анатолия и ведут в ШИЗО с суточным постановлением. Одни сутки - вроде неплохо, нас даже не переодели, завели в камеру, и мы вскоре заснули. На следующий день, когда мы стали проситься, нас выпустили. Нам приносят другие постановления: мне на десять суток ШИЗО, будто меня застали при распространении религиозной литературы (молитвы), и Анатолию семь суток (даже не помню, как ему формулировку составили). Я как-то даже не опечалился. Первый раз мне на строгом режиме дали десять суток, а то обычно пятнадцать. Другим давали три-пять-семь суток, десять, и уже очень провинившимся пятнадцать. "Вот и прекрасно, - сказал я Анатолию, - вот теперь у нас есть прекрасная возможность поговорить, то мы всё не могли найти время, а теперь нам Бог его дал!".

И мы действительно много беседовали. У него было много вопросов. У него была набожная мать. Сам он, можно сказать, всю жизнь сидел, очень много перестрадал, и, естественно, я ему мог сказать выход из данного положения. А он один - мир с Богом. Правда, он никак не мог согласиться с тем, что у христианина единственное оружие - это любовь. Он все утверждал, что коммунистов надо уничтожать оружием. Приводил я ему много доводов против его убеждения, но понять до глубины души он это не хотел. Терпел он большие боли - нога очень беспокоила. В зоне он постоянно чифирил, а чифир расширяет сосуды, значит ноге легче. А тут ведь никакого чая и никакого лекарства не было в камере. Он становился на голову и стоял так подолгу, вроде немного полегче. Затем садился, растирал и массажировал ногу часами и стонал от боли. Затем стучал в дверь, зовя врача. Но его в камеру трудно дозваться, особенно в ШИЗО. Два дня мы были одни в камере, никто нам не мешал, и мы имели много благословенных часов. Но тут, видимо, кто-то усмотрел наше совместное бытие опасным, и Анатолия перевели в другую камеру. И я отдыхал. Отдыхал во всех смыслах. Господь Сам мне дал этот отдых. Как я устал от постоянного напряжения и чрезмерной нагрузки в МСЧ, знал один Господь. Конечно, камера есть камера: стены, днем и ночью полумрак, затхлый воздух, грязь, очень скудная пища - вода и кусочек хлеба, голая нара на ночь, - но все это было терпимо, ведь на улице - лето, тепло, не

мучил холод. Я клал под голову сапог, иногда накрывался курткой, чтоб не так кусали комары, и вскоре засыпал. А днем раздевался, ложил под себя на бетон одежду и лежал, спал, дремал сколько хотел. В общем, своеобразный отдых. Вспоминал прошедшую жизнь, анализировал события, пути и случаи, радовался иназидался, и даже пел! Когда услышали с других камер мое пение, просили еще спеть, а потом стали уже заказывать ту или иную песню. Эх, гитары не хватает, но акустика хорошая в четырех бетонных стенах, ничего мягкого, ничто не поглощает звук, и он ударяется о стену, отскакивает к другой, усиливается, так что без всякого напряжения поется легко и свободно, и получается неплохо. Да и в сердце горит огонь Христов, и пение тем более вдохновенное. Вспомнил, как я первый раз решился спеть в общественном месте. Учился я еще в Омске, стоял на квартире у одних верующих. Как-то мне хозяин предложил: "Давай, Ваня, посетим маленькую группку верующих в таком-то селе". Я согласился. Поехали. Я взял с собой гитару. Посетили мы их, порадовались вместе, и когда взяли билет на автобус назад, до отъезда автобуса оставалось немного времени, и мы сели в автовокзале на скамейку и стали ждать. Автовокзал почти опустел, мало кто сидел на скамейке. Поговорили, поговорили, вроде уже и не о чем говорить, помолчали, и мне как-то в сердце появилось желание спеть. Я взял аккорд, и из сердца, из уст вырвалось: "Дорога дальняя, порой тернистая, слеза невольная затмила даль... Но вот заря взошла, и вера чистая прогнала прочь тоску и всю печаль". Песня неслась так свободно, резонанс дня так прекрасен, что закончилась песня, а душа еще пела. Потолок был высок, здание пустое - это ведь мечта певца. Брат как-то даже засмущался, видимо не ожидал он такого открытого свидетельства, помолчал. Но я получил огромное удовлетворение и понял прекрасный метод свидетельства: те же слова, что в проповеди, но в музыке, в мелодии. И не возникает сразу реакция гнева у безбожников. Мелодией притягиваются слушатели, а Слово Жизни уже в сердцах дает осмысливание, размышление и т. д.

Ничего своего не хочу

Как-то мне одна сестра из Алма-Аты написала, что была на похоронах одной женщины, которая покаялась перед смертью. Она свидетельствовала, что в детстве она слышала песню "Ищет Добрый Пастырь бедную овцу". И через много-много лет она, эта песня, дала плод к возрождению и спасению души. Так что пой, душа, кто только может петь! Песня даже на небесах не смолкнет. Вывели меня как-то вечером в МСЧ посмотреть травмированную руку одного парня. Я ее посмотрел, обработал, сделал укол, затем покушал хорошо, и когда привели меня в камеру, там уже сидел один старый казах. Не хотел работать, вязать сетки, и за это получил пять суток. А возможно, что он просто был подослан посмотреть за мной. Оказался он на редкость неразговорчивым человеком. Думаю, что весь наш разговор за пять суток можно было записать на двух листах. Но он мне не мешал, я ему не мешал, и каждый терпеливо ждал конца суток. Но я ему тоже сказал, что его ждет за гробом. Он очень мучился из-за отсутствия курева. Даже мохорку спрятанную нашел, но не было спичек, а с лампочки он не мог, не умел зажечь, а помочь ему у меня не было желания. Кончились его пять суток, и повар ШИЗО мне опять тихонько стал давать по две пайки хлеба вместо одной. Так он делал и до этого, как посадили ко мне этого казаха. Я ему был очень благодарен и постарался его отблагодарить, когда вышел из камеры. Вообще, здесь наиболее ярко видно в этой системе, как исполняются пророчества о последнем времени. Апостол Павел к Тимофею пишет: "Знай, что в последние дни наступят времена тяжкие, ибо люди будут самолюбивы, сребролюбивы, наглы, напыщены, неблагодарны, нечестивы, невоздержаны, предатели". Так открыто и ярко как в системе заключения нигде не увидешь именно точного исполнения каждого слова: страшная неблагодарность, строится все на предательстве, по крови и телам других выходят на свободу, постоянное напряжение и удары, страшное невоздерживание -человек вспыливает по каждой мелочи и готов убить в порыве ярости любого. Было даже так многократно: один обозвал неосторожным словом другого, тот вытаскивает нож и насмерть убивает первого. Один убил ласточку рогаткой, другой насмерть убивает первого. Нас же Господь поставил светить, явить

благодарность, отзывчивость, воздержание, веру! И много нужно сил, и я молился. Молился и о том, чтобы Господь взял в руки дальнейший мой путь. Ибо я хочу только как Он. Ничего своего не хочу, ибо в этом блуждание и остывание, отсутствие мира и благословения. А если Тебе угодно, Господи, чтобы я сидел шесть месяцев, то лучше сейчас, летом, когда не так холодно, тогда и голод, и недостаток пищи переносить легче, в жару не так хочется есть. Легче переносятся тяготы камеры. Я еще почти всегда сидел именно зимой, именно в холодных камерах, но, должен сказать, что еще не в самых холодных. Осужденные рассказывают, что в некоторых зонах, даже в Сибири, есть одна камера для очень злостных нарушителей. Там нет стекла зимой в окне, и там нет батарей. Туда еще льют воду и снимают все теплое с человека. И сидят там 15 - 20 и более суток, пока уже или не начинает замерзать, или кричит о пощаде. Это страшная пытка. В такой я еще не был. Господь не возлагает на человека больше, чем он может нести.

Еще забыл написать, что день рождения мне пришлось встретить в камере. 2 июня, как раз мне объявили десять суток с Анатолием. Но Господь и там меня благословил. Да и успел я поздравительные получить еще в зоне, до водворения в ШИЗО. Исполнилось мне 36 лет. Сосед по камере должен был вскоре выйти на волю, то есть его срок кончался. Как ему не дать последних напутствий? У него были состоятельные родители на ответственных постах, но имел он верующую бабушку. Даже однажды ночью на кладбище, когда он заблудился там в детстве, вдруг с дерева спрыгнула девочка и предложила довести его до дому. Он, конечно, согласился. Когда они дошли до дому, девочка вдруг так же таинственно исчезла, как и появилась. И этот случай был для него знамением, что есть какая-то сверхъестественная сила. Значит Господь уже подготовил почву его сердца для восприятия Слова Его. И очень многих Господь готовит к нашему сеянию, а мы робеем. Так и не встретил он на своем жизненном пути ни одного человека, который бы мог ему сказать о Боге и душе, о рае и аде, о грехе и о его прощении. Вот и пришлось мне сквозь дырочки в стене, где только спичка пролезала, свидетельствовать ему много о Христе, отвечать на интересующие его вопросы, рассказать ему поэму "Молитва матери". Сердце парня было тронуто. Вскоре он освободился. Далее уже Духу Божию предстояло работать над душой бедного грешника. О, как велико терпение Господа над нами и как удивительны пути Его с нами! Он не делает ошибок, и доверяться Ему - значит быть счастливым.

После семи суток Анатолия выпустили. Мой срок кончался в воскресенье. Но меня в воскресенье не выпустили. В понедельник рано утром меня вызывает старший оперативник, заставляет переодеться и ведет в зону. Что ж, я радовался, осторожно идя за ним. "Пока придет начальство вот посиди в отстойнике", - сказал он мне. "А где бы ты хотел работать?" Я знал, что он очень не хочет, чтобы я работал в МСЧ, и я сказал: "Можно в котельную или в столярку". Он кивнул и пошел. Потом я понял, что он просто хотел в моих глазах сделать себя хорошим, будто он меня выпускает в зону, а кто-то другой сажает. Посидел я час, другой с одним бедным опущенным молодым человеком в этом же отстойнике. Рассказал он мне свою историю: отсидел лет 8-9 срока, вышел на волю, побыл 2 -3 месяца и как-то напились компанией на улице, попадается девушка. Ребята все пошли к ней, а наш Миша так и заснул там и ничего не помнит. Вроде и не был с ней. Наутро эта женщина пишет заявление, чтобы себя очистить, и ребят сажают, Мише дают 12 лет. Та женщина на суде просто кивнула головой, когда судья спросил, был ли Миша тоже там. Ничего больше: ни экспертизы, ни доказательств, ни показаний женщины на что-то большее или насилование. И Миша сидит. К кому кричать, кого звать на помощь? Я ему указал вверх: там помощь, там покой, там мир. Часов в девять старший оперативник открывает дверь, меня выпускает и показывает на другую дверь: "Заходи туда, там тебе скажут, где работать". Я зашел. Там сидел капитан: "Тут на тебя есть постановление на шесть месяцев. Где твои вещи?". Видимо я все-таки побледнел от неожиданности. Внутри-то я был готов, но обманный трюк усыпил мою бдительность, и я немного оторопел. "В МСЧ", - говорю. "Пошли", - говорит он и повел меня в МСЧ. Там в его присутствии я собрал постельную принадлежность, мой мешок (вообще-то я приготовил мешок еще тогда, когда меня выводили посмотреть одного парня). Тот казах, что был со мной в камере, теперь уже работал в МСЧ, мыл пол. Зашла медсестра Оля, сердечно посочувствовала мне, но что она могла поделать или

изменить? Меня радовало то, что есть еще человек, который имеет сочувствие в этой системе. Она мне сказала, что постановление на меня составлялось еще в четверг. Я попросил у капитана разрешения покушать. Неохотно, правда, но он согласился и на 15 минут оставил меня. Пришел он гораздо раньше, не успел я еще толком поесть. Меня еще угостили конфетами и салом. Только потом, когда я уже спохватился, в камере, оказалось, что дневальный МСЧ меня угощал моими же конфетами и салом, что я себе приготовил в мешке для камеры. Не подозревая об этом, я весь остаток оставил на столе, взял свои вещи и пошел. Потом было немного досадно, но что поделаешь? Может так получилось случайно. Сало это мне принесли бабушки. Тогда еще их не обыскивали. Приносили они еще многое другое в мое отсутствие и до этого, но мне мало что доставалось. Тут часто так: человек в ШИЗО страдает, а в зоне его мизерное достояние расхищают, особенно, если нет рядом кому посмотреть. А я как раз оказался в таком положении. Меня в МСЧ окружили доносчиками, и люди они были опущенные, а те, кто для меня сделали бы многое доброе, были в зоне, они не имели доступ к моим вещам. Ну что ж, это, конечно, мелочь. Иов сказал: "Бог дал, Бог взял, - когда дьявол у него отобрал все, - да будет имя Господне благословенно". Меня повели в камеру, сначала еще дали помыться там же, в ШИЗО. "Куда тебя?" "В любую", - говорю. Не хотел я ничего сам. Меня повели к третьей камере, там сидели "блатные", если не грубо. Открывают камеру. "Принимаете Паульса?", - спросили их. "Принимаем", - сказали в камере, и я вошел. Тут же вывели одного, у него кончился срок ПКТ. Это был Федя. Да, да, тот самый Федя, который ломал себе руку, резал живот и хотел еще худшее сделать над собой, чтобы выйти из камеры. А тут Господь помог, и он счастливо досидел и вышел. Мне было немного жаль этого, втайне я надеялся еще немного посидеть с ним, ведь он меня так хорошо понимал и даже как-то высказал, что грудью встал бы за меня. Но не суждено было, да и знаем ведь, что защитник нам - Господь, даже более того: "Проклят всяк, надеющийся на человека", - так гласит Библия, и это правда.

В камере приняли меня хорошо, там было четыре человека - казаха, я пятый. Они делили со мной все, что у них было. Даже говорили по-русски, что было очень приятно. Обычно люди этой нации, собравшись вместе, говорят на своем языке, а ты сидишь, как истукан, и как-то немного неприятно на душе, что не считаются с тем, что кто-то их не понимает. Камера была небольшая, сплошные деревянные нары, которые не закрывались, литературы и журналов было достаточно, также белья, простыней, полотенец тоже хватало, ибо уходящий из камеры оставлял почти все в камере для пользования остающимся, и так кое-что накопилось. А режимные работники пока не строго относились к нам. Аето. Тепло. И я вздохнул и расслабился. Теперь можно своеобразно отдохнуть от чрезмерной моральной и физической нагрузки работы в МСЧ.

Естественно, в камере свои правила и свои трудности, там уже нельзя себе позволить никакой вольности, отступления от правил жизни в камере. Один говорит с администратором - второй молчи. Взял что-то в руки - возврати целым вовремя. Подмети и помой бачок и убери за собой. И не дай Господь, чтобы из-за твоего лишнего слова или движения кто-то пострадал, хотя бы косвенно. В общем, наблюдай за каждым движением своим. Не роняй ничего. Постоянно будь весь слух и зрение, угадывай желания другого и замечай все движения в коридоре. Вскоре уже учишься расшифровывать каждый шум и шаги в коридоре. Жизнь в камере - это своеобразная война с теми, кто дежурит в коридоре. Война с администрацией. Те требуют своего, а эти в камере все на то, чтобы хоть что-то выиграть, что-то отвоевать, чем-то запастись. И эта война нужная, и стоит она больших психических напряжений. Также эта война продолжается в камере между собой, между теми, кто там сидит, и называется она "борьба за существование". Аегче тому, кто сразу может согнуть голову, ничего не требует, соглашается со всем. Значит, у него будет худшее место, худшая еда, и вся уборка будет на нем, и вся работа остальная. А тем, кто претендует на что-то, приходится воевать и иногда рисковать жизнью. Закон волчьей стаи. По малейшему поводу человек ввергается в предельный гнев, ибо нервная система истощена до предела, да и витаминов для нормального обмена нет. Жиров нет, мяса тоже крохи, и страшное однообразие в пище и питие. Отоварка на два рубля в месяц. И одно письмо в месяц можно отправлять. Далеко не у всех есть деньги на личном счету. А все хотят курить. Вот опять проблема. Все хотят чифирить. Трудно мне обрисовать жизнь камеры на этих коротких

страницах, но одно мы должны знать: что эта жизнь есть предельное напряжение всех сил и систем организма. А вместе с тем и изнашивание их. Жизнь после этого укорачивается, и здоровье ухудшается. Почти половина, кто побывал в камере, обеспечен туберкулезом, не говоря уже о болезни других органов.

А сколько конфликтных ситуаций, где человек не выдерживает и кидается на другого с отточенным штырем, скамейкой, и вот драка, I травмы и т. д.

Тяжело людям без Бога, ах как тяжело. А главное то, что они этого не хотят понять. Много, очень много молитв и свидетельств еще 1 нужно, чтобы народ наш раскрыл сердца свои для Бога. В камере были рабочие. Каждая камера выходила в свою смену в рабочую камеру, и там мы вязали сетки. Вот такие сетки, с которыми мы ходим в магазин за хлебом. На первую сетку я потратил почти весь свой рабочий день. С трудом вертелись пальцы, ибо движения были сложные. Мне показал один сразу сложный метод вязки, но со временем, усвоив его, этим методом можно быстрее вязать и сделать норму. А норма была 11 сеток в день. Во второй день я связал две, в третий - три, и так постепенно, постепенно усваивал специфику производства. Нитки нам приносили готовыми бобинами. Сразу же в первый день я написал письмо родителям, очень просил не беспокоиться, а наоборот, благодарить. И написал о тех благословениях на моем пути, которые изливал на меня Господь, и о радости в моем сердце. По сравнению с камерой ПКТ в 41-й зоне эта камера была курортом. Много места, нары открыты, ложись, отдыхай. Время летнее, народу мало, воздух более-менее чистый. Естественно, ребят интересовал и мой вопрос. И я им пояснял, за что сижу и т. д. Один из главарей оказался спорщиком. Я же сказал, что спорить не люблю, да и Священное Писание мне не дозволяет этого. Ребята имели спираль и два куска провода. Этого было достаточно, чтобы варить себе чай. Регулярно звали и меня. Один провод подсоединяли к лампочке, второй - к батарее, спираль ложилась на бетон, и на камешки ставилась кружка (большая эмалированная), и чай скоро был готов - большая роскошь в камере. Затем это сооружение при малейшем шорохе в коридоре молниеносно убиралось и тщательно пряталось. Ибо это явная причина для наказания всей камеры. Хотел я ребят угостить приготовленными в мешке салом и конфетами, но их там не оказалось. Но зато через день мне принесли отоварку на 7 рублей (5 рублей я не успел отоварить, когда был еще в зоне, а талоны уже отбил; и положенные 2 рубля). Опять Господь все чудно вывел. Он достоин благодарения. Тут в камеру как-то передали наркотик в куреве. Скурит человек папироску и витает в облаках, смеется, весел, на сердце блаженство, все беды забываются. Но увы, это очень дорого обходится и чревато последствиями и вредно для здоровья. Достаточно, если в кармане найдут одну такую папиросу при обыске, и срок этому человеку добавят, но он рискует. Пробыл я в камере три дня, и Господь посчитал этого достаточно, не совсем я еще понимаю почему. Но Он знает. Если проанализировать вышеописанное, мы кое-что поймем. Ребята поставили опять варить чай. И тут вдруг резко потух свет, и в коридоре загорелась проводка. С шипением падали на пол горячие капли. Кричали ласточки. "Господи, не дай им сгореть!" Вскоре огонь потух. Как-то вечером перед этим в камере зашел разговор о том, может ли Бог слышать молитвы. И мне сразу предложили: "Нас беспокоит сверчок за окном, не дает спать. Помолись, чтобы замолчал". На следующий день сверчок уже не мешал спать - вот опять услышанная молитва. Часа полтора мы лежали в темноте. Затем пришел электрик, сделал свет. И тут же открылась камера, и вошли начальник колонии, режимник, человек с роты. Нас обыскали и вывели на прогулочный дворик, а камеру стали обыскивать. Естественно, тревожила мысль: а если найдут спираль, курево с наркотиками? Вдруг меня отзывают назад, и прапорщик сказал мне, чтобы я собрал свои вещи и шел во вторую камеру, - так распорядился начальник колонии. Что ж, я быстренько собрался и перешел во вторую. Там сидели бывшие повара, общественники, провинившиеся люди перед другими осужденными, не ужившиеся с товарищами в других камерах.

Не мог и не хотел я перечить распоряжению начальника. Вначале мне там было очень хорошо. Меня очень уважали, слушали, интересовались вопросами веры. Один даже взялся переписать первые главы Евангелия от Матфея из писем моих, и даже казалось, что этот не далек от покаяния. Питание в этой камере было намного лучше, чем в других. Ибо один из камеры выходил в коридор делать уборку и за это получал хлеб на себя и на нас лишний. Вода была с

каустиком, из отопления. Как правило, болели все вновь прибывшие. Заболел и я, и мало что ел. Неделю ждал врачей, пока добился таблеток от живота. В общем, в этой местности очень тяжело летом с желудочно-кишечными заболеваниями. Вскоре один освободился из камеры. К тому же он сидел в ШИЗО из ПКТ. Когда он разделся и стал мыться, я, увидев его, содрогнулся. Ребра торчали, ни следов жира. Выглядел он как из лагеря для военнопленных. Но уходил на волю, и в этом было его спасение. Дал я ему еще последнее напутствие: эх, вышел бы на волю со свободным от греха сердцем, и он был бы самым счастливым человеком. Затем кончилась ПКТ у Валеры, и остались мы вдвоем с Романом Кирилловичем.

Был до меня еще один человек, забыл его имя. Он подрался, избил Р. К. и теперь сидел в ШИЗО вот уже вторые 15 суток. На него готовили новое дело. Это был страшный человек. Я слышал о нем еще тогда, когда был в зоне. Слышал, что он мужеложник. И, надо сказать, еще в зоне мое сердце тревожило какое-то предчувствие, и втайне я боялся: "Хоть бы мне никогда не пришлось с этим человеком сидеть в одной камере". Его еще привели в камеру нашу для фотографирования, как он бил Романа Кирилловича, и опять увели. Я успокоился. Значит не придется с ним сидеть. Но я ошибался. Не до конца я понял урока последующих 3 - 4-х дней, но урок был.

Вдруг вызавают Р. К., мирят его с обидчиком, выпускают досрочно в зону Романа Кирилловича, на Серегу закрывают дело, прощают ему его драку и заводят его ко мне в камеру. Видимо, за него кто-то много уплатил, и, к тому же, он работал на оперативников. Я чувствовал, что в союзе с ним замыслили что-то недоброе, и что все это искусно подстроено, что мы оказались один на один с этим убийцей. Он сидел за то, что кулаком убил человека. В зоне он опустился до того, что стал воровать у товарищей сахар, конфеты, и вынужден был потом просить у администрации, чтобы его закрыли в камеру во избежание мести товарищей. Ни с кем не мог ужиться в камерах, и даже после меня он опять довел ребят в камере до того, что те были вынуждены его избить и выгнать из камеры, и его потом одного содержали в одиночной камере. Вот только некоторые штрихи о личности со мной находящейся. Работать он не хотел и не умел. Те сетки, что я вязал, ему показалось мало, и он предложил мне написать в зону, чтобы ребята там вязали для нас и писали эти сетки на наше имя. Я не мог на это согласиться, хотя меня там уважали в зоне и, возможно, помогли бы мне. Но играть на этом доверии я не мог. Серега начал показывать свои зубы. Я старался изо всех сил сохранить мир, успокаивал себя, свою волнующуюся душу, ибо от этого человека можно было ожидать чего угодно, любую пакость. Первые два дня он сморкался, стирался и приглядывался. Я уже старался быть общительным и не подавать ни малейшего повода, зацепки или недовольствия. Смотрю: он начал вить веревку, длинную, крепкую.

Вил он ее тщательно, долго. Может он готовит ее для меня? Стучало мое сердце. Вывели нас на работу. Я взялся вязать сетки. Он же стал варить чай. Тут у него сгорела спираль, и он начал меня обвинять в том, что его не предупредил о возможности этого (хотя сам уже годы сидел и сам отлично все знал). Злость его на меня росла. Вижу, что ищет всякими методами зацепку. Требует от меня записку в зону, затем стал кричать на меня и требовать от меня, чтобы я с ним разговаривал. Я был совсем не против, но мыслей не было, и язык ворочался с трудом, предчувствовал беду. Затем он стал меня обзывать обманщиком. Я подумал, подумал, взвесил и решил: только дождаться конца рабочей смены, и как выведут из рабочей камеры, в жилую уже не зайти. Пусть наказывают меня, пусть делают, что угодно, но и с этим страшным человеком я не буду сидеть. О том, что служит к его спасению, я ему сказал еще в первые дни, когда он способен был слушать, теперь же я свободен. Дождавшись конца смены, я пошел в контролерскую к ДПНК и сказал, что с Сергеем я сидеть не буду. Майор удивился, ибо не видел меня в таком волнении и не ожидал от меня этого. ДПНК, на счастье, оказался тот самый, которому я делал укол, и он меня понял. Правда, уговорил меня еще раз попробовать посидеть с этим человеком и, если что, стучать в дверь. Сергею же пригрозил наказанием, если будет с моей стороны хоть малейшая жалоба. Тот прикинулся ягненком, даже встал передо мной на колени, прося прощения. За нами закрылась дверь. Я помолился и лег спать. Тут он опять постепенно стал наступать на меня, не в силах скрыть таившуюся внутри злобу. Я понял, что его акт

покаяния был наигранным, именно с той целью, чтобы уйти от наказания и удержать меня в камере. Я понял, что надо уходить, и уходить как можно быстрее. Я знал, что ДПНК уже ушел, а ключи к камерам он не имел права оставлять дежурному контролеру, но все же я стал громко стучать в дверь и звать контролера, сказав Сергею, что я с ним сидеть не буду. Вскоре пришел прапорщик и открыл дверь. (Все же ДПНК оставил ключи вопреки всем правилам.) Я взял свой матрац, сумочку с фотографиями и открытками, ложку, кружку, тетрадь и вышел. Переночевал в другой, большой, пустой этапной камере. Там я выплакал все свое горе, смотря на фотографии своих детишек и родных, склонился пред Господом и сложил к Его ногам все мое будущее, и немного успокоился. Слышал я еще через стенку храп и возню моего бывшего соседа, но радовало то, что нас разделяет стена. Не знаю, поступил я правильно или нет на этот раз, совесть и дух меня не осуждают. Да будет милостив ко мне Господь. После, когда мы как раз с другой камеры гуляли в прогулочном дворике, завели туда же Сергея. Я еще раз решил свою душу очистить, если в чем виноват перед ним, чтобы он меня простил. Он не имел против меня ничего и даже сам сознался, что мы с ним вместе сидеть не могли. Есть род людей, которые воздерживают свои эмоции, гнев, кулаки, ведут себя более или менее человечно, пока над ними занесен кнут или сильная власть, или рука, но как только они оказываются по соседству с несопротивляющимся человеком, неопасным для них, тут же открывается вся нагота их внутреннего мира, вся грязь рвется наружу. Таким оказался наш знакомый. И он многократно сам же из-за этого страдал. Да помилует и его Господь и спасет его душу.

"Опасны" говорящие о Боге

Утром меня, после некоторых уговоров остаться во второй камере, повели в пятую. Она была до этого пуста, но когда меня завели, там уже сидел человек. Его звали Женя. Завели его минут пятнадцать до меня. Камеру нужно было обживать сначала. Там была только параша да стол. И бочок для воды с тазом. Остальное нам надлежало как-то приобрести. Хорошо сказать: приобрести. Но как? Мы под замком, и кругом одни запреты. Женя сидел, повесив голову. Не мог еще прийти в себя после объявления ему шести месяцев. Дали ему их за игру в карты. Я его ободрил, говоря, что пусть не горюет, быстро пройдет время. Надо крепиться, и я стал подметать камеру. Камера была тоже большая, и тоже сплошная деревянная нара, на которой могло уместиться сразу человек десять, и еще второй ярус на столько же человек. Вскоре меня вызвал оперативник, стал спрашивать причину, почему я ушел со второй камеры, не угрожал ли мне мой сосед. Я сказал, что нет, не угрожал. Он еще попугал меня, что в 57-ю будут отбирать самых отъявленных, и мне будет трудно с ними. Я его уверил, что с Господней помощью уживусь, и он отпустил меня в камеру.

Скоро поменяли начальника оперативной части, это того самого, который меня так возненавидел во время одной из бесед. Я ему сказал: "Знаете, что Бог благословляет даже тех, кто хотя бы сочувствует и благоволит верующим, а кто их подвергает гонениям - не устоят". Ему это показалось смешным, и он злорадно улыбался. Это было тогда, когда он меня выводил из ШИЗО. И вот исполнилось уже... Он крепко стоял на своих молодых ногах, был уже капитаном, и все же его сняли. Поставили вместо него другого. Вызвал он меня на беседу. Я еще не встречал на своем пути оперативника, который проявил бы хоть малейшую человечность к нам, верующим, кроме того, которого прислали на общий режим после старца. Но это незадолго до моего освобождения, и узнать я его не успел. И, естественно, я так был настроен встретить врага веры, умного, хитрого, ученого, умевшего бороться с нами, ненавидевшего нас. Но на этот раз я ошибся. Он работал раньше в зоне этой. О нем говорили, как о хитром человеке. Сейчас я его знаю уже год и непосредственно нахожусь под его ведением, и, естественно, он не раз уже мог бы показать свои зубы, но, к моему удивлению, он это ни разу еще не сделал. Я не исключаю возможности, что он окружил меня "шпиками", но при любой встрече он со мною очень ласков, добр, улыбается, корректен, поинтересуется, как дома у меня, ни разу меня еще не вызывал для обвиняющей меня беседы, хотя причин он мог найти уже сотни. Уверен, что ему доносят и

жалуются, что я по-прежнему собираю около себя людей, агитирую и т. д. А он все прежний, внимательный, приветливый. Да воздаст ему Господь. И надо добавить: недавно из зоны убежал человек с большим сроком - 14 лет. Вывез его тракторист в бочке, с которой высасывают жижу из туалетов. Правда, его потом поймали. Так вот, все из администрации, имеющие хоть малейшее отношение к его делу, получили взыскание, а старший оперативник не наказан. Думаю, что это Господь его защитил за доброе отношение ко мне. Может он в душе имеет какую-то веру.

Итак, вернемся в камеру. Нам предстояло сидеть долго, и надо было устраивать свой быт. Потихоньку выпросили у других камер, у библиотекаря газет, постелили вместо скатерти, все уютней. Простыней завешали полку для посуды. Правда, посуда не богатая: ложки, кружки да солянка. Жене было очень скучно: ни радио, ни литературы, и поговорить не с кем. А я не мог все время его занимать. Расскажешь, расскажешь, а запас кончается. Его может хватить на час, на два, на день-два, на неделю-две, а уже больше -это надо быть очень разговорчивым и знающим. Есть люди, которых надо постоянно кормить, как младенцев. V них внутри духовная и душевная пустота. Они постоянно скучают, как только отнимаешь ложку от их души - они пусты. Как все же мы богаты нашим Господом: я ни разу нигде, ни в каких обстоятельствах еще не скучал. Даже, быв один в камере, скуки никакой - то песни, то повторение того, что знаешь наизусть, то размышления, то молитва, затем отдых, - там и день прошел. А если это все включить в строгую систему: сегодня повторяю то, что знаю из Евангелия от Матфея, завтра - Марка, послезавтра - Иоанна, затем песни, - вот и неделя прошла. Две недели - и 15 суток прошло. Да, действительно, ум, душа и сердце должны быть постоянно заняты чем-либо. Если внутри нет ничего и снаружи тишина - это страшная мука. Поэтому человека и помещают для наказания в одиночные камеры. И Женя становился раздражительным, каждая мелочь его раздражала. Требовал от меня его занимать, видел в моих действиях, будто я специально иногда делаю ему плохо, хотя я изо всех сил стараюсь ему угодить. Затем он очень заболел из-за отсутствия чая. Голова его разламывалась, он лежал, стонал от боли. Я ему перевязал голову и молился: "Господи, помоги ему, облегчи его страдания".

Через минут пять-семь Женя на моих руках уснул. Уснул при таких страшных болях. После я ему рассказал об услышанной молитве. В душе он не был безбожником, но ему мешало то, что он был мусульманином, и страх принять другую веру удерживал его возрастать в познании истины.

Вскоре к нему приехала старая, седая, больная мать на свидание. Так как она имела какие-то заслуги во время Великой Отечественной войны, она добилась свидания с сыном. Дали им два часа поговорить. Женя обещал ей с Господней помощью в карты больше не играть. Но, надо сказать, он не сдержал своего слова и после опять попадал за это же. Только год спустя я узнал, что Женя работает на оперативников. Никогда бы я не подумал. Вскоре в камеру привели еще одного человека: простой мужик, не имеющий на воле ни одного человека, ни дома, спился, попался за своровaнный чемодан. Проявил он - Валентин - большой интерес к вере, и, надо сказать, полностью осознавал, что пора начинать другую жизнь, ибо погибнет так. Мы с ним много беседовали. Но вскоре Женя стал его обзывать и преследовать. Тут в камеру к нам заводят Сергея. Здесь он мне не страшен был, но цель его прихода мне была ясна: узнать и доложить, чем мы, чем я занимаюсь. Объяснил он свой приход тем, что в его камеру завели этап. Женя стал нас втайне агитировать выгнать его, побить. Я отказался и получил еще нагоняю от него, что поливал Сергею, чтобы он смог умыться. Когда мы были в рабочей камере, Сергей перерыл наши письма, сумочки, прихватил кое-что и ушел к себе в камеру. Я облегченно вздохнул. Опять избавил Господь от искушения, ибо уже собирались бить этого человека, а что бы получилось?.. Вскоре Женя стал придираться к Валентину ни за что и даже избивать, а мне пригрозил, если я вмешаюсь - вот лезвие в его руках. Я все же старался их разнять, успокоить. Бедный Валентин, как мне было его жалко, он стремился к миру, к взаимопониманию, защищал меня, но все тщетно. Когда мы вышли с рабочей камеры в свою, Валентин взял свои пожитки и вышел, стал проситься во вторую. Он поступил как мужчина, не стал жаловаться на Женю, объяснил свой уход другой причиной: опухоль под глазами, падение и болезнь. Потом уже Женя, боясь ответственности, стал звать его обратно, обещал его не трогать, просил меня его звать обратно,

так как знал о наших хороших отношениях. Но Валентин не вернулся. Я очень молился Господу о силе, утешении, о том, чтобы Он в камеру прислал бы хоть кого-нибудь, ибо с Женей было трудно сидеть один на один. Но куда теперь? Только Господь - прибежище мое. Стал проверять себя и нашел, что я был иногда несдержанным в зоне, и дал обещание Господу: "Буду в смирении ходить пред Тобою, избавь меня". Еще один урок преподал мне Господь, и я Ему очень благодарен. Только через эти трудности и испытания Господь и мог добиться того, что я решился ходить пред Ним в кротости и смирении. А с избавлением Он не замедлил. В тот же день, сразу после молитвы на сердце так полегчало, такой мир наполнил меня, что все предстоящие и настоящие трудности и опасности казались ничем. Но Господь сделал еще больше, о чем я напишу ниже. Вскоре Жене из зоны передали динамик в камеру, музыка разогнала мертвящую и давящую тишину. Пришел библиотекарь, принес книги. Вскоре принесли мне отоварку на 2 рубля, конфеты и печенье. Мы были очень рады. И Женя терпел меня при всем моем услужении ему. Малейшее его желание я старался угадать и сразу же помочь, принести, сделать. Для нас, христиан, это не является постыдным, мы должны быть слугами для людей в добром. А в зоне на такое иногда смотрят с презрением. Мол, слаб и не умеешь за себя постоять, или ищешь какую-нибудь выгоду, или провинился и искупаешь вину - так иногда понимают это. Верно написано о последнем времени: люди будут не любящие добра. Тут как-то нас с Женей и еще некоторых повели в зону и закрыли в отстойник. Что такое? Была собрана комиссия и вызвали наиболее плохо поддающихся воспитанию, имеющих много нарушений, и ставили нас на особый учет. Я был среди них. Меня ввели, а доложил о себе. Начальник комиссии, еврей, перечислил все мои нарушения, начиная со времени прибытия в 41-ю колонию. Даже то, которое у меня было снято. Я как-то забыл упомянуть, что начальник производства на 41-й зоне, который так любил беседовать со мной, за хорошую сверхурочную работу написал поощрения нашей бригаде на покраске, и мне в этом числе сняли нарушение. Но оно все равно значилось теперь. Затем начальник объяснил комиссии, что в нашей вере есть такое обязательство -всем говорить о Боге, и что я опасный человек. Отрицать выше указанное я не мог. Один из комиссии, офицер, еще заинтересовался моей верой, стал задавать вопросы, но начальник его быстро оборвал и сказал: "Вон ШИЗО, двери открытые, идите и беседуйте". Меня взяли на профучет, и я вышел. В отстойнике я узнал, что через пять дней еще одному дадут ПКТ, и он, видимо, придет в нашу камеру. Он был чеченом, мы знали друг друга раньше через другого чечена, который раньше сидел в 41-й зоне и смог оттуда вырваться тем, что разрезал себе живот и чуть не умер. Были они оба боксеры, работали и жили на швейной фабрике, там и тренировались. Иногда я заходил к ним в гости. Мы пили чай, я им свидетельствовал о Боге. Один из них подарил мне часы в знак уважения. Часы в зоне запрещены, и я их не носил на руках, а лежали они у меня в ящичке в перевязочной. Недели две я ими пользовался, и кто-то у меня их украл. Жаль, конечно, но пусть они принесут пользу другому и в один день станут свидетельством о том, что есть верующие, есть Бог.

Грех радоваться тому, что человека садят в ПТК, но я очень радовался тому, что теперь нас будет трое в камере, и мой Женя - я был уверен в том - остепенится. Чечен Умар был высокого роста. Друг его навестил его еще в отстойнике, так же и мне один принес конфеты , и вскоре нас повели обратно. Женя мне дал сверточек с чаем, чтобы я пронес в камеру, сам взял курево. Все это запрещалось и пахло наказанием. Но как отказаться, это опять скандал. Я спрятал мешочек у себя на спине. По дороге иду с ДПНК и беседую о том, чтобы он уничтожил рапорт на меня. А рапорт он велел написать по тому поводу, что утром он зашел в камеру, а мы по пояс раздетые. Было очень жарко, душно, пот тек вниз по коже, был разгар лета, июль. Я бы, конечно, успел одеть пиджачок к его приходу, но Женя пригрозил мне: " Что, хочешь быть хорошим в глазах начальства, лучше меня?". Сам же не хотел одеваться. Одни это прощали, но этот ДПНК был строгим (не тот, кому я делал уколы), и попал, потому что я был дежурным, а дежурным я был всегда. Я обещал, что впредь всегда буду одеваться, но все было тщетно: рапорт был написан. Тут нас стали обыскивать перед входом в камеру. Сперва Женю. Его пропустили. Затем меня. Прапорщик нащупал у меня мешочек, но я так просительно отстранил его руку, и он промолчал. Впереди сидел ДПНК, спросил прапорщика, нет ли чего, и отпустил меня. Как я был рад. Явных

бы 15 суток за это, и при том: за что? Мне этот чай не нужен. Он нужен Жене. Но Господь помиловал, за что Ему слава и благодарение. Я до сих пор от сердца благодарен этому маленькому русскому человечному прапорщику. И опять мы вдвоем. Прочел радость на моем лице по поводу прихода Умара и сказал: "Что, радуешься приходу Умара, что он будет защищать тебя? Тебя сам начальник колонии не спасет". Но Бог сказал другое, и это время подходило. Он ведь слышит молитвы.

Как-то вечером меня вызывают и ведут в зону. Приводят в МСЧ. Там сидит человек с разбитой головой в трех местах. Меня попросили зашить. Я обстриг волосы около ран, обработал, наложил скобки. Мне разрешили еще хорошо покушать в столовой, а затем оперативники сказали, что я могу быть в зоне у больного до утра. Я был рад. Стояла теплая летняя ночь. Конечно, сразу много знакомых, беседа. Тут вдруг приходит режимник и велит срочно меня закрыть. По пути я стал спрашивать у ДПНК (а этот ДПНК -сочувствовал мне, у него в соседях когда-то жил Паульс, правда, безбожник), почему так срочно велели меня закрыть. "Боятся, что ты вдруг встанешь перед строем осужденных и скажешь проповедь", - сказал он. Я, довольный, вернулся в камеру.

На выход, с вещами

Дни пошли очень жаркие. Здесь лето очень жаркое. Температура воздуха доходит в тени до 40 градусов, иногда и выше, а на солнце невозможно долго быть - схватит солнечный удар. В камере чуть легче. Но беда в том, что нет обмена воздуха, все плотно закрыто, накурят, и дым висит часами. Ночью даже простыня сверху мешает. Просыпаешься от чрезмерной жары, весь мокрый, простыни мокрые от пота. Днем при малейшей нагрузке влага бежит с лица и по телу. И трудно в это время что-нибудь быстро сделать, вялость тела. Стена снаружи нагревается так, что при прикосновении, если подольше держать руку, можно обжечься. Здесь было хорошо, что нас только двое в камере: дыма почти нет, и воздух не так нагревается. Но Господь услышал меня и в этом. Как-то приходим с работы - а в камере уже трое ребят. Грязные, с ШИЗО, обросшие, разящим запахом от них. Одного звали Юра, второго - Витя, третьего - не помню. Мы полили, дали, что могли, переодеться. Вскоре им передали с зоны вещи. Мы зажили совсем другой жизнью.

Правда, Женя здесь еще пока держал верх, остальные боялись его, хотя он был маленького роста и щуплый, но очень смелый и вспыльчивый. Но мне стало легче. Теперь Женя был занят ребятами, с каждым помаленьку поговорит - и день проходит. Я остался вне поля зрения, хотя, конечно, он прислушивался к тому, что я говорил с ребятами, и, конечно, находил пути сообщать об этом тому, на кого он работал. Витя тоже интересовался вопросами веры, но вскоре по какой-то причине ушел в другую камеру. Юра - тот был убежден в своем, и этого считал достаточно. Не отрицал, что что-то есть. Был уверен, что за черной полосой следует белая в жизни, и за всем добром пожнешь столько же зла. Он четыре года не попадал в ШИЗО и ПТК, даже умудрялся пить почти каждый день в зоне, работал электриком, теперь же боялся, что получит тюремный режим за сопротивление администрации: сперва бросил кошку на капитана, затем заперся в своем кабинете и не пускал прапорщиков. Его даже не могли взять слезоточивым газом, ибо он включил сильный вентилятор, и он все вытягивал. В конце все же сдался.

Когда мы пробыли вместе несколько дней, приблизился день прихода к нам Умара - чечена. И когда мы были в рабочей камере, Умара ввели к нам в жилую камеру. Женя опять стал подбивать ребят на то, чтобы Умара побить и чтобы он вышел из камеры, ибо Женя боялся его. Долго он и умело всех уговаривал, каждому дал определенное задание и метод разыграть драку. Говорил, чтобы старались бить сапогами по голове, ибо Умар когда-то в драке получил удар молотком по голове так, что молоток застрял там, и спасло его от смерти лишь то, что он был тогда пьян, - так сказал врач. Теперь же в этом месте у него на голове не было кости, только кожа. Меня не брали в счет, так как знали, что я бить никого не буду. Втайне я боялся за Умара, жалел его и молился Господу, чтобы Он предотвратил драку. Мы зашли в жилую камеру. Сперва

все вместе чифировали, потом начались разборы. Вспоминали все старое, все "грехи" Умара, всю вину пред кем-то. Один выдыхался, начинал другой. Умар очень умело защищался, на язык он был остр. Я же молился, затем лег спать и под одеялом сердечно продолжал вопрошать Господа. Долго беседовали, долго спорили и не могли найти причин. "Кто из вас чист?", - говорил Умар. Нашел он и что сказать Жене, что тому и нечего было сказать: "В зоне полным ходом идет разговор, что ты - обманщик, задолжался, проиграл в карты и спрятался в камере". Это Женю сразило. В конце концов я заснул после полуночи. Наутро Умар все еще сражался с ребятами, так и не ложились спать. Вскоре принесли завтрак, и беседу прекратили. Драки так и не было. Господь услышал меня. Слава, слава Господу. Женя понял, что он должен уступить, сдать позиции. Первенство за Умаром. Он действительно никого не боялся, был бесстрашным. И как потом мне признался: "Я ждал драки, все приготовил к защите, обсмотрел все, пока вас не было, где можно оторвать доску, чем можно ударить". Он был очень доволен тем, что сразу увидел, что я ему не враг и меня не надо бояться, и на следующую ночь лег рядом со мной спать: ведь могут ударить и сонного. Господь помог и в дальнейшем. Все обошлось хорошо, а мне стало совсем хорошо. Господь покровительствовал через меня Умару, и я отдыхал телом и душой. Часто Умар спрашивал о моей вере и глубоко был тронут словами истины, сознавал нужду покаяния. Он очень много отсидел, уже около 20 лет. Весь седой, в моем возрасте, и говорил, что лучше застрелиться, чем еще раз сесть, так он уже устал от всех сроков. Нервы очень расшатались, были уже головные боли. Чем мог, я его поддерживал, и он платил взаимностью. Через четыре месяца он должен был освободиться. Дома его ждала жена и двое дочерей. Как ни странно, но он считал, что у него нет детей, ибо дочери - не дети, вот если бы сын. Не пересказать все события в камере, всю милость Божию надо мной, что каждый день - это чудо. Как-то пришел в ШИЗО начальник МСЧ и вызвал меня; поинтересовался моими делами и спросил: "Ну, шесть месяцев - не шесть лет. Когда выйдешь - снова придешь работать в МСЧ?". Я сказал: "Как Господь усмотрит". И попросил я его, чтобы он для меня сейчас сделал хотя бы посильное. Вырвать из камеры он меня не может, но помочь меня отправить на Мангышлак, в сангородок на лечение с ногами и на операцию по другой болезни он может. "Много я для вас жертвовал, работал добросовестно, отдавал все силы. Теперь вы мне помогите", - сказал я. Он не обещал, но сказал, что попробует.

Затем подключились к этой проблеме врачи, ведь все меня знали. Только медицина может вывести человека из камеры. Других причин нет, чтобы не досиживать срок. Ждал я около месяца. Вдруг вызывает меня оперативник и предлагает подписать какую-то бумагу, и меня выпустят. Видимо долетели сигналы о моем положении до вышестоящих органов, а те в свою очередь стали интересоваться у нашей администрации, почему меня посадили. Долго он меня уговаривал, но я не соглашался. "Лучше я досижу, чем пойду на компромисс с совестью", - сказал я ему. О он меня отпустил в камеру.

Когда сделали обход в ШИЗО прокурор по надзору области, он должен был защищать наши права, но выходило наоборот. После его обхода 7-10 человек получали добавочные сутки за ответ, который не удовлетворял прокурора. На этот раз он пришел опять крепко выпивший. "Жалобы какие?", - спросил он первого. Все молчат. "За что сидишь?", - спросил первого. "За выпивку. С Вас беру пример". "Десять суток ШИЗО!", - резко закричал прокурор на Юру. Юру увели, сидел он 12 суток. Дошел прокурор до меня. Когда он узнал, кто я, гнев его еще более разгорелся. Видимо ему тоже попадало за меня. "Тебя правильно посадили?", - кричал он. Стоило мне сказать нет - и пошел бы за Юрой, но подтвердить я не мог, что правильно. Он то накидывался на меня, то отступал, я же молчал. В конце он отступил. Затем в один из дней идет начальник колонии с обходом и лично мне сообщил, что меня увезут в сангород на лечение. В его голосе уже звучала нотка сочувствия ко мне. Это я ясно понял. Гнев его ко мне и недоверие смешались с мягкостью. Господь говорил и к его сердцу. Я стал готовиться к этапу. Женя тоже стал заглаживать свою вину и дал мне свой добротный рюкзак в дорогу и мыльницу и просил меня не помнить зла. Разве я мог не простить. Хочу еще добавить. Еще перед тем, как мне сообщили об этапе, после того, как мне стали предлагать пойти на некоторые уступки и меня выпустят, я ясно понял: Не зря лукавый так наступает; значит, скоро будет облегчение. И точно: вскоре мне сообщили радостную весть о сангороде. Постараюсь там быстро вызвать родителей,

может удастся увидеться. Ведь мы так долго не виделись. Уже 21 августа 1983 года пришли за мной: "Паульс, с вещами. Готов?". "Конечно, я давно готов". "Пошли".

Незадолго до того, как меня отправить в сангородок, мне сообщили, что умерла мама (теща). Это было 10 августа. Умерла она 3 августа, но сообщили 10-го числа. Телеграмма пришла где-то 6 августа, а вызвали из камеры меня 10-го, когда ее уже похоронили. Вызвал меня и сообщил эту скорбную весть тот самый офицер, который на комиссии заинтересовался моей верой. Не мог я удержать слез: не дождалась. Как она хотела увидеть меня, встретить по окончании срока. Когда я был на общем режиме, она обещала Господу, что каждый понедельник будет поститься до обеда, если Он ей даст увидеть меня. Господь видел нужду жены в помощи, то, что я часто в поездках, очень много работы в церкви, молодежи, и Он даровал жене моей мать 13 лет еще после нашей свадьбы. Здоровье матери было плохое, и думали, что она умрет еще лет 20 - 30 назад, но сменили климат, переехали они туда, где мы и познакомились с моей будущей женой, и матери там стало легче, но приступами сердца она страдала до конца своей жизни. Последние свои силы она отдавала моей семье, внукам; последнее здоровье, последние деньги, ибо заработок мой был небольшой. Уже умер ее муж, который думал многократно, что ему придется хоронить маму, а она, все еле двигаясь, держа подушку у сердца, варила, шила для детишек, нянчила, делала посильную работу. Что бы мы делали без любимой нашей мамы?! А какая у нее была память! Помнила до мелочей все прочитанные книги, а читать она любила очень, читала, конечно, она книги духовные. Помнила все пережитое в трудармии, голод, холод, ужасы и смерть; как приходилось просить милостыню и идти менять рыбу, которую получали от комендатуры на продукты. Умела это все рассказать, передать. В это страшное время она говорила: "Буду довольна, если у меня когда-нибудь будет в доме стоять бочонок с рыбой и бочонок с картошкой. Больше ничего не надо". Пошла разыскивать мужа, когда ее освободили от комендатуры, нашла его, и продолжали жизнь в скудости, но вместе. Тут и родилась моя будущая семимесячная жена. Выходили и вырастили. Еще была одна старшая дочь у нее, остальные умерли. Любила она и меня, и ухаживала по силам, за что я ей сердечно благодарен. Да воздаст ей Господь в небесах за ее доброе сердце и жертвенность ради нас.

Жена осталась одна с пятью детьми, но старшей уже было 12 лет, младшему - год, была жене уже маленькая помощь. Как раз в тот скорбный день у меня подошла половина срока, маленькая радость в противовес первой вести.

Итак, меня вывели, и я стал ждать с некоторыми другими машину-автозак, который нас повезет к поезду. Тут один с травмированной рукой, который тоже ехал со мной, достает и отдает мне нижнее белье, носки, конверты, стержни и немного конфет. Это Саша постарался, не забыл меня. Пишет мне записку, что постоянно пребывает у ног Его. Меня, конечно, очень это обрадовало. Значит не смог враг отнять у него веру. А попыток было много: и здешние, и из города приезжали, беседовали, угрожали, но Саша стоял твердо. Нас погрузили в машину. Пожелали: "С Богом!". А что может быть прекраснее. Ехали мы сутки до Мангышлака в вагонзаке. Хоть и решетка омрачает вид, но если есть возможность лечь на полку верхнюю, т. е. на третью, и закрыть глаза - вот опять передо мною многочисленные поездки, гитара, песни, сын, свидетельства. Вагон едет, покачивает, убаюкивает, на сердце очень приятно, и начинаю петь, хоть и нет гитары: "Любовь Христа безмерно велика". Стараюсь петь так, чтобы и конвой не возмущался, и все же песня слышна была людям. Ведь едет свыше 90 человек. Хоть мы и не видим друг друга, но отделяет нас от коридора лишь решетка, а коридор общий, слышно везде. Хоть что-то для Господа, что-то для бессмертных душ этих бедных грешников. Естественно, опять же нашлась причина начать беседу, свидетельство, и было оно довольно интересное. Некоторые были очень тронуты и не успокоились, пока я не разъяснил все до последней мелочи: как надо покаяться, как и что происходит и т. д. Уверен, что оно даст плод; возможно, у некоторых лишь тогда, когда встретят они большую беду или Господь допустит во имя спасения многих большое бедствие на многие народы. Нас привезли, выгрузили не сразу, не было за нами машины. Думали, что придется нам ехать до Узени. И нас заберут только на обратном пути. Пища кончилась, мы голодные. Но тут открыли солдаты окошки, и к вагону стали подходить знакомые некоторым осужденным. Некоторые сопровождали нас прямо в поезде. Принесли

немного покушать; солдаты пропустили, и, конечно, все общее. Достались и мне лепешка и яйцо. Смотрю в окошко - одни казахи. Надо отметить, что они - народ гостеприимный. Тут за нами приехали и привезли в ИТК города Шевченко, в сангородок, где лечатся больные. Зона большая. Лечатся там туберкулезники, человек 300 - 400. И потом есть хирургические и терапевтический корпусы. Примыкает эта зона к другой, где сидел брат Штефан Иван, но он уже освободился. Недалеко была зона, где сидел брат Храпов Николай Петрович, и я даже попал в палату хирургического отделения, где он умер, то есть перешел в вечность после своих долгих лет страданий в заключении, но плодотворной и жертвенной жизни для Христа. Рассказывали заключенные, что он умер в 5 часов утра 10 ноября 1981 года, а в восемь часов утра уже какая-то зарубежная станция говорила, сообщала о смерти Николая Петровича. Здесь в зоне со мной сидел человек, который сидел с Николаем Петровичем и много беседовал с ним и любил его слушать. Часто они прогуливались по стадиону-плацу и беседовали. Многие, в том числе много молодежи, тянулось к брату при его жизни со своими проблемами, вопросами, нуждами. На 41-й зоне его не смогли сломить и выслали, этапировали на Мангышлак, думая, что там он сдастся, но он и там славил Христа и служил Ему до конца своей жизни.

Только пришел я в палату - и вот он, Анатолий: бодрый, улыбающийся, приветливый. Естественно, он и там имел авторитет, помог мне с местом, помог устроиться, и наши беседы с ним продолжались. Он лечился с ногой, но отрезать ее хирург еще не советовал. Боли были большие, ночами полудремал, сидя в постели, даже если принимал много снотворных таблеток. Терпение и мужество этого человека для меня были примером. Вскоре его увезли обратно в зону. По вечерам больные в палате располагались на сон, тушили свет и ждали что-нибудь от меня: рассказа и т. д. Ну я, конечно, свидетельствовал с радостью. И весть о Христе развозилась в другие зоны, ведь там собраны больные со всех зон округа.

Была там одна медсестра, которая носила крестик. Я поинтересовался, что этот крестик для нее значил. Оказывается, она действительно имела веру в душе, молилась, как умела, про себя на ночь, но на большее ее никто не мог наставить, ведь церкви в городе Шевченко нет. Это новый город, построенный заключенными. Раньше сюда и железной дороги не было на Мангышлак. Заключенных доставляли на Мангышлакский полуостров самолетом, а еще раньше - пароходом. Когда мы с ней стали беседовать, у нее появился большой интерес к вере, к Богу. Когда я ей сказал о признаках возрожденного человека, то у ней все нашлось, кроме другого, чистого языка. Ругалась иногда на нашего брата, и сама это сознавала. Дай Господь, чтобы и она нашла мир с Богом и возродилась для новой жизни во Христе. Сразу по приезду я срочно написал родителям письмо, чтобы быстрей приехали и привезли передачу, может дадут свидание, и отправил через Анатолия нелегально. Удивительно быстро родители получили письмо, собрались и с большими трудностями, но прилетели, ибо дорога очень дальняя: Омская область, Каспийское море. Пока они добирались, мне сделали операцию, и через день я уже пошел на свидание. Дали нам три часа поговорить. Даже не посадили за стекло с телефонами. Мы сидели в одной комнате и сердечно беседовали после благодарственной молитвы. Господь снова сделал чудо. Мать все печалилась после моего закрытия в камеру: "Когда мы теперь увидимся". И вот оно чудо! Не кончился еще срок моего ПКТ, а мы уже сидели вместе и говорили. Мало, ах, как быстро прошли эти три часа. Столько много накопилось за это время разлуки. Насытилось и утешилось сердце матери и отца, и мы попрощались. Взял я хорошую передачу, которая мне была положена, так как полсрока я уже отсидел. Не прошло и часа - и меня опять вызывают на свидание. Удивительно, думаю, что это такое? Ведь такое не бывает. Оказывается, прилетела еще жена с дочерью Ирой и уговорила начальника повидаться на 15 минут! Дочь кинулась ко мне с плачем, угостила меня сливой и яблоком, но яблоко не разрешили с собой взять. Эти пятнадцать минут еще быстрее пролетели. Не успели мы даже опомниться. Что ж, значит и это к лучшему. Не смогли они до конца договориться о свидании с моими родителями и немного разминулись.

Многих я смог угостить с передачи медом, чесноком, салом, а немного отложил для того, чтобы увезти ребятам в камеру. Это тоже своего рода свидетельство, ибо ребята хотят видеть, чтобы наши дела совмещались со словами.

Дни стояли чудесные, теплые, и я не переставал радоваться, не мог насытиться воздухом, видом неба, цветов, зелени. После душной камеры Господь дал мне облегчение на пути и время перевести дыхание.

Доктор обещал меня оставить до 21 сентября, но приехал этот лектор-атеист, о котором я упоминал ранее, и меня срочно 17-го отправили на этап. Говорят, что после меня целый месяц не было этапа, но мне не суждено было там быть дольше. Привезли нас в Гурьев и, как всегда, повезли в тюрьму. Я посмотрел Гурьевскую тюрьму, ее особенности, и на следующий день нас повезли в свою зону. Ехал я с Володей. Пострадал он в числе троих у нас на кирзаводе от пожара в печи. Сильно все обгорели. Один умер через 23 часа, двое остались живы, в том числе Володя. Правда, остались большие следы ожегов, уши почти полностью сгорели, но он понял и повторял: "Главное - быть прощенным!", - и это радовало. Нас сразу повели в ШИЗО, и пока я попал на распределение в свою камеру, прошло пять суток. В камере ребята очень ждали меня, радовались тому, что я им привез. Меня даже не обыскали перед входом в камеру, верили мне. Умара за время моего отсутствия положили в МСЧ с головой. Женю увезли на этап туда, откуда я приехал, на лечение печени.

Бедный гордый Умар

Не пробыл я и неделю в камере, как меня вдруг вызывают с вещами и ведут в МСЧ. Говорят: "Ложись". Удивительно, ведь я не просился. Только на следующий день я узнал о причине. Оказывается, дети мои отослали телеграмму начальнику колонии с просьбой положить меня в МСЧ и спрашивали, почему меня больного держат в камере. Слышать это было, конечно, приятно. Слава Господу за то, что Он находит пути к сердцам людей! Сразу пришел Саша и принес целую сумку с банками икры, горошка и т. д. с магазина. Положили меня рядом с Умаром. Мы очень радовались встрече с ним и вообще нашему избавлению. Солнышко поздней осенью ласково заглядывало в окошко, еще не упала листва с деревьев, еще цвели высокие цветы, которые я так тщательно поливал до камеры. Я отдыхал и молился. Через четыре дня Умар где-то раздобыл спиртное, ночью выпили, и он повздорил с дневальным МСЧ - Игорем, ударил его по челюсти, и она сразу же сломалась. Конечно, дело дошло до администрации, Умара снова закрывают в камеру, дневального Игоря убирают, и начальник МСЧ снова просит меня взять ключи и заступить на место дневального. Не имел я желания, но и отказываться нет сил, я взялся. По делу надо было сходить на промзону, и там меня встречают младшие оперативники: "Ты что тут делаешь?". "По работе рамку заказать", -говорю. Они молча отошли. В этот же день вечером меня вызывают и говорят: "Тут на тебя есть документ в ПКТ, собирайся в камеру". Я поинтересовался: "Новое ПКТ или старое досиживать?". Мне сказали: "Старое отсиживать". Разрешили еще до утра переспать в МСЧ, собрать вещи. Утром я сам аккуратно явился к назначенному часу, и меня повели. Когда я пришел в камеру, ребята воскликнули: "А мы тебя еще вчера ждали, мы знали, что ты придешь обратно". "Почему?" - говорю. "А потому что ты перепутал сапоги, не свои одел, когда ушел, а во-вторых, одному (Вите) снился сон, и мы точно разгадали, что ты опять придешь". Вот, удивительно, -думаю, - вера их оправдалась. Ну и славно. Я расположился, успокоился и сказал устами и сердцем: "Я как домой пришел". Ни забот, ни горя, ни тревог - сиди и жди. Скоро из ШИЗО за драку должен был в камеру вернуться Умар. Притом Витя, которому снился сон, жаждал слышать о Боге; потом в камеру попал один немец - Петя, за наркотики в баллоне, о котором я упоминал. И ему надо поведать истину, так что не бесполезно мое нахождение здесь, и я настроился с Божьей помощью досидеть оставшиеся два месяца. Вскоре сняли старого начальника колонии и прислали к нам нового. Тот вскоре пожелал со мной побеседовать и вызвал меня. Долго мы с ним беседовали, у него бабушка была верующая, но в старости она бросила молиться, и это подняло в моем начальнике дух неверия. Странно, но в этом человеке я не ощущал даже в уголке сердца и искорки веры. Но Господу было угодно и ему сказать о спасении его души. И удивительно то, что он читал то, что я писал на домах в городе Целинограде. Одна надпись была сделана напротив его квартиры. Пришлось

читать и ему, и детям его, и жене. А через два года после этого он стал моим начальником колонии в городе Гурьеве - за столько верст от Целинограда. Пути Божьи - не наши пути. Много у него было вопросов. Пришлось ему пояснить разницу между православием и нами, между попами и нами. Он был очень зло настроен против попов, ибо знал их делающими зло. Пришлось пояснить истинное положение вещей в науке: где вера, где неверие, где верующие ученые, где нет. Беседовали мы часа полтора. Столько времени, я уверен, он просто не в силах был уделить кому-либо, ибо был очень занят. Затем он мне предложил свою помощь, спрашивал мою нужду. Я отказался от всякой помощи. Досижу с Божьей помощью. Затем приехал с управления начальник по поводу того, что я уже около трех месяцев не получал писем. Написали жалобу из дому. Меня попросили написать все, как есть. Я написал, и мне младший оперативник обещал, что с этого времени я буду получать все письма. К концу приехал еще начальник отдела управления, так как у меня оставалось мало сидеть, не стал вникать. В общем, чувствовалось, что за меня беспокоятся, о чем я сразу предупредил администрацию. Теперь они поверили.

Вышел Умар из ШИЗО, но так как он был болен, врачи ему разрешили постель не выносить и не выходить на работу. Несколько дней он отдыхал, и нам было хорошо. Тут как-то, когда мы были на работе, слышим шум, крик в нашей жилой камере. Когда мы пришли с работы, видим на полу огромное темное пятно. Умара нет. Оказывается, в наше отсутствие зашел начальник ШИЗО и отобрал постель у Умара. Долго они ругались, и Умар решил добиться правоты таким путем: перерезал себе вены на ногах. Вены у него были расширенные, кровь хлынула ручьем. Пока пришел врач, Умар уже еле дошел до контролерской, там он упал без сознания. Срочно принесли носилки и унесли его в МСЧ. Но недолго он там был. На следующий день его принесли на носилках обратно. Он чуть не умер, но ему даже вливания не сделали. Зашел он в камеру на костылях, слабый, мертвенно бледный. Режимчасть не разрешила его оставить в МСЧ. Итак нам суждено было еще побывать вместе. Ему тоже пришлось учиться вязать сетки. У меня уже хорошо получалось. Одну неделю умудрялся вязать по 20 сеток в день, но потом сбавил темп. Витя, которому снился сон, очень похудел, сидел два раза в ШИЗО, еще живот расстраивался, а это уже беда: итак есть почти нечего. У него остались кожа да кости. Я уже боялся, что он не дотянет до конца, а осталось ему месяца четыре еще, а там на свободу. Попал он в камеру за то, что делал кнопочные ножи, а это - запрещенный предмет. Получались они у него хорошие, платили хорошо за них, сами же офицеры и брали их, сами и посадили. Беседуя с ним о Боге, я пояснял ему и то, что эти его ножи часто применяются не для охоты, возможно ими режут и человека. Он понял и обещал больше этим ремеслом не заниматься. "Ну, а если я уверую, я смогу пользоваться помощью моей сестры, она работает в горисполкоме?", - спрашивает он. "Конечно", - говорю. Однажды мы шли в камеру-баню. Проходить надо было по коридору ШИЗО. Со всех дверей доносились жалобные просьбы: "Курить, подкинь курить"... Витя захватил им немного курить и, проходя мимо одной камеры, подпрыгнул и бросил немного махорки в отверстие для лампочки над дверью камеры. Это заметил прапорщик. Тут же отозвал назад Витю и стал с него брать объяснение. Дежурил как раз старший ДПИК. "Иди, помойся еще и пойдешь в ШИЗО на 15 суток". Мне до глубины души стало его жаль. Он и так был худой, что, когда я мыл ему спину, руки стучали о ребра, кожа шелушилась от недостатка витаминов. Я в душе молился о помощи Божией. Когда мы помылись, ДПИК как раз был в туалете. Прапорщик кричал его, звал, чтобы посадить Витю в ШИЗО, но так и не докричался. "Ну ладно, иди пока в камеру", -сказал он, и мы пошли. Витя очень волновался, готовился в ШИЗО. Я ему говорю: "Не волнуйся, все будет хорошо". Господь дал мне веру, что его не посадят. Ведь время уже осеннее, холодное, но еще не топят. И действительно: проходит час, два, три, вечер - Витю не вызывают. Буря прошла. Господь помог. Слава и благодарение ему. Я пояснил Вите, Кто ему помог, как велик и дивен Господь. Он все ближе и больше соглашался со мной, и я уверен: если бы ему побыть в собрании или побывать в другой среде, в других обстоятельствах - он бы покаялся. Он обещал у себя дома найти верующих.

Надо сказать, что только у меня в камере была телогрейка. Я в ней пришел из больницы. Меня даже не обыскивали, когда я пришел, только сделали вид, и я смог ребятам даже кое-что пронести покушать.

Понять тюрьму хоть краешком сердца!

Тут как-то раз нас всех выгнали из камеры и все лишнее выкинули, и мою телогрейку, даже газетки нам не оставили. В камере стало пусто и неуютно и холодно. Но Господь и здесь усмотрел мою нужду. Юру осудили на тюремный режим. Это значит, что до конца срока он будет в спецтюрьме, которая находится в некоторых городах нашей страны. Оставалось ему еще два с лишним срока. Легко сказать: тюремный режим. Здесь шесть месяцев не знаешь, как отсидеть, а там сидят годами в камере. Туда посылают тех, кто не хочет работать, кто много нарушает, в ком усматривают идейную личность, влияющую на других, идущих против администрации и других. Сразу, как туда привозят - два месяца на режим ШИЗО, а этот режим я описывал. Затем или в рабочую камеру, если согласишься работать, или в нерабочую. Сидят по 20 человек, по 4 - 5 человек и камеры-одиночки. В этих камерах люди до того надоедают друг другу за месяцы и годы, что кидаются друг на друга и убивают. Поэтому время от времени меняют людей в камерах. Посылок и свиданий не положено. Витаминов никаких, жиров и мяса - следы. Не ведаем мы и не представляем и не думаем о том, что вот сейчас, вот в этот день и вечер, а также вчера и завтра, и после-послезавтра, сколько стояла и будет стоять земля, сотни и тысячи и миллионы людей томились и томятся, страдали и будут страдать в тюрьмах, лагерях, камерах!!! Если бы мы хоть краешком сердца могли почувствовать их страдания, их стоны, их слезы сердца и отчаяния. Один Бог на небесах видит и сострадает.

Так вот, Юра ожидал этапа в тюрьму города Павлодара, построенную недавно специально как режим содержания осужденных. В обычной тюрьме - там хоть ждешь месяц, два, три, но дожидаешься этапа в КПЗ, а там - свидание, передача, суд, следствие, перемена и опять ненадолго в тюрьму. А в спецтюрьме ждать нечего, кроме конца срока, а у некоторых и его нет. Они ждут, а чего? Милости от Бога и большой перемены - может их кто-то вспомнит. Юра попросил свой вещмешок у дневального, чтобы тот его принес на этап. Когда Юра развязал свой вещмешок, смотрит - а там моя телогрейка! Вот так чудо! Никаким другим методом не разрешили бы ее передать в камеру. Временами я давал ее греться Вите, он очень мерз, потому что был худ. Впоследствии Юру увезли. Может когда-нибудь Господь еще даст встретиться на этой земле, так как он живет недалеко от города Шахтинска (в городе Сарани). Там жена его инженером на заводе работает. Приближался и мой день выхода из ПКТ. Куда теперь? Я так устал от работы в МСЧ. А может мое место именно там? Я уже не хотел ничего своего и молился от всего сердца: "Господи, управь". В конце я получил радость пойти к начальнику режимно-оперативной части и, куда он направит, туда пойти. Пусть Господь управит сердцем начальника по Его воле. Срок ШИЗО мне в ПКТ не засчитали, хотя у некоторых засчитывают, и мне пришлось сидеть до 13 декабря. Сердечно со всеми простился, телогрейку оставил Вите, и ДПИК меня провел в зону. Без моего на то вопроса он повел меня именно туда, куда я хотел пойти: к начальнику режимно-оперативной части. Я не ожидал, что тот будет так живо интересоваться верой, услышанными молитвами, наукой, исполнением пророчеств Священного Писания и, в частности, о моих чувствах, жертвенности и рамках морали. Долго мы беседовали. Люди стучались, просились, но он все никак не мог решиться закончить беседу. Затем спросил: "Ну а где ты хочешь работать?". Я сказал: "Я молился Господу, чтобы Он управил Вашим сердцем. Куда скажете - туда пойду". "Ну а все же, где бы ты хотел работать?". "Куда направите", - сказал я. "Иди в МСЧ работать", -сказал он, и я пошел. Значит, мое место там, там и придется снова нести все тяготы и трудности, быть довольным, ибо благословения будут только там, это я твердо знал. В МСЧ работало двое дневальных. Один должен был уйти. Я постарался с ним проститься в мире и все ему объяснить. Другой, Витя, не хотел, чтобы я там работал, так как не знал меня, но вынужден был принять, так как приказ есть приказ. Врачи же были за то, чтобы я работал. Витя сразу сказал, что он будет главным, я же нисколько не был против. Много, очень много знакомых лиц, приветствия, угощения и т. д. Многие радовались моему возвращению. Ну, теперь мы спокойны, теперь будем лечиться и т. д. Пошел к Феде, он работал на швейной фабрике. Очень тепло он меня встретил. Очень обрадовался, сразу достал совсем новую

телогрейку и одел ее на меня. Там еще дырок не было для пуговиц. Мало сказать: телогрейка - целый бушлат: толстый, добротный, из черного материала. Это было большой ценностью и редкостью на зоне. В таких ходили только избранные. Затем он тут же взял мерку с меня на костюм, угостил чаем. Я был очень рад и благодарен.

Вдруг до меня начали доходить слухи, что меня готовят на тюремный режим. Я немало встревожился. Вот этого я не ожидал. Один общественник мне признался, что его просили собрать и написать на меня 50 докладных, обвиняющих меня, чтобы отправить этот акт. Я быстро сообщил жене, чтобы приехала как можно быстрее на свидание, чтобы еще увидеть ее и детей. Пришел я в магазин отовариться, а там дневальный мне махнул рукой: "Иди, тебя на этап увозят...". Ну что ж, надо готовиться. Сходил к одному, который возвратился с тюремного режима, спросил, что нужно взять с собой. Он говорит: нужны деньги, тетради, книги, мыло и сменное белье, несколько пар, чтобы помочь другим, стержни, конверты, какая-нибудь игра и курево. Последнее я, конечно, не смог взять с собой, но об остальном надо позаботиться. Пояснил мне, как, куда и что прятать, и обещал, если осудят меня - ребята соберут немного денег помощь страдающим там.

Начал я собирать мешок. У одного одно попрошу, у другого -другое, и так потихоньку собрал кое-что. Тетради вот пригодились сейчас, в которых я и пишу. Вскоре приехали жена и брат мой Андрей на свидание и привезли старшую дочь Лиду с собой и Лилю. Велика была наша радость: дали нам трое суток свидания. Это было 9 января 1984 года. Как раз была большая грязь в этой местности, и жене с детьми пришлось трудно, да и вещей и продуктов много взяли. Хорошо, брат был помощником. Тут-то я совсем наговорился вдоволь. Побеседовал с дочерью, что я не успел сделать полтора года назад, когда нас лишили свидания. Она до того выросла и изменилась, что я ее еле узнал. Заводят меня в коридор, показывают комнату: "Вот здесь". Хочу зайти, а кто-то бежит по коридору в мою сторону. Я посмотрел вокруг себя: к кому это бежит девочка, и хотел уже войти в камеру, а тут и девочка подбежала. Смотрю, и тут только узнал: так это же моя Лида, ростом с жену, краснощекая и хохотушка. Серьезности еще мало, но уже многое понимает; опасный переломный возраст. Сколько мудрости нужно здесь, чтобы направить этот возрастающий ум, этот избыток энергии в нужное русло: "Господи, Ты один можешь управить и сохранить". Снова мы вспомнили церковь, молодежь, родных, знакомых - сколько приветов и пожеланий! Душа и ум даже всего не вмещали. Вечером брат сказал Слово: "Ты знаешь путь мой". Я не мог удержаться от слез. Как все-таки дивно ведет Господь. Я беспокоюсь, забочусь о моем будущем, о тюремном режиме, а все, оказывается, так просто: Он знает путь, Он уже все предусмотрел и приготовил, я могу быть совершенно спокоен... Слава Господу, слава моему любящему Отцу Небесному, Он знает мой путь. Мы склонились и со слезами благодарили Господа в молитвах наших. Я был очень подкреплен. На следующий вечер было предложено спеть. Начали потихоньку, затем громче, громче, ах, как славно. Дочь с женой - первым голосом, Андрей - тенором, я - басом. Одна песня за другой летела по комнатам свидания и к солдатам, но нам никто не мешал, никто не вмешивался. Моему наслаждению не было конца. Я был в раю. Так давно уже не мог порадоваться в хоровом пении, и не скоро, видимо, придется. Пение мне казалось ангельским. Не зря песня не смолкнет на небесах, это - частица неба.

До свидания я приготовил жене в подарок шкатулку резную, а детям - гравированные на жести картинки на память, но пронести мне это не разрешили. Тут дневальный комнаты свидания, имея сочувствие ко мне и какую-то веру в сердце, согласился принести с МСЧ шкатулку и картинки. Конечно, он рисковал, но все же принес их. Жена и дети были очень рады. Я хорошо подкрепился и физически витаминами (фруктами), и духовно, порадовались от сердца, но приближалось опять время расставания. Дневальный согласился потихоньку кое-что вынести и принести мне в зону из оставшихся продуктов, мы ему уплатили 15 рублей. Он остался доволен, тем более мы. И действительно, он потом принес мне почти все: конфеты, колбасу, сало, консервы, сгущенку, даже плитку шоколада. Да воздаст ему Господь за его добро. Потом уже председатель общественности мне признался: ему донесли то, что мне несут, и сказали, чтоб шел с обыском, но он не пошел. "Такого человека нельзя наказывать", - сказал он. Я не достоин

был этого. Зимой еще я сидел в ШИЗО с дневальным, который нес нелегальную передачу, сидел и тот, кому несли. Но нас Господь сохранил.

Вскоре за мной пришли. Мы еще помолились, сердечно попрощались. Меня обыскали, разрешили пронести лишь носки, майку, стержни. Бритву и ту пришлось вернуть жене. Меня увели. А жена с дочерьми и братом удачно долетели до Караганды, а потом каждый в свою сторону по домам. Я же пошел, путь предав Господу. Работа в МСЧ теперь усложнялась тем, что количество народа в зоне возросло с 600 человек до 1600 человек. Очень возросло количество обращений, заболеваний больных в стационаре, а медикаментов стали давать в два раза меньше, чем на 600 человек раньше. Кому-то показались расходы на лечение осужденных слишком большими. А все идут: дай, дай, дай... Действительно, болит голова, понос, кашель, а часто давать нечего, и далеко не все это понимают. Увеличился и штат врачей, а ведь всех надо обслужить. Раньше в стационаре лежало 5-6 человек, а теперь - 25 - 27 человек, и за каждым надо присмотреть, убрать, накормить, и все это на двоих. Витя, мой напарник, был работящим, способным, умным человеком, но в то же время хитрым, несдержанным и контролировал каждое мое движение. Я должен был ему все говорить: где был, что делал и т. д., дать отчет за те короткие минуты, в которые я умудрялся куда-то сбегать. Понимал я, зачем ему это и кому он об этом говорит, и старался очень мудро делать и жить, но очень трудно от него было что-то скрыть. Жил я с ним в одной комнате, там же молился. Когда он впервые увидел меня молящимся на коленях, у него навернулись слезы (по его словам). Так когда-то молилась его мама. Безбожником он не был. В юности при аварии очень обгорел и еле выжил. Сказал я ему, что это Божья милость над тобой. Был он одним из самых лихих и модных парней города Алма-Аты. Но вот сел, и сидел уже не мало, и сколько сидел - везде работал дневальным в МСЧ, поэтому уже кое-что понимал в медицине.

Когда я первый раз сидел и кушал в МСЧ после ПКТ, Витин напарник допустил какую-то оплошность небольшую. Витя напустился на него с такой яростью, не жалея всяких бранных слов, а затем еще долго читал нотации. "Да, - подумал я, - если он и на меня так будет кричать, мне придется туго". К моему благу, сначала Витя воздерживался, говорил обходительно, но этого хватило ненадолго. Вскоре и я не мог при всем усилии предугадать все его желания и намерения, и он так же кричал на меня и обзывал, как и предыдущего. Надо добавить: так было и после меня. Кто бы ни работал с ним - никто не выдерживал; уходил, сбегал. Было бы полбеды, если бы он марал репутацию и изливал свою ярость где-то в закрытой комнате - это ко благу моему: учись прощать и терпеть; но делал он это часто при народе, а это уже было больно, так как не все знали действительное положение вещей и могли понять в прямом смысле его: коли он так ругается - значит верующие действительно плохие. Это уже наводило на мысль: "Как быть?".

Начальник МСЧ стал понимать положение вещей и уже находил причину его убрать. Даже говорил, чтобы Витя уходил в отряд, но он опять умудрялся уговаривать начальника, чтобы тот его оставил. Однажды начальник его стал выгонять за то, что Витя еще спал, когда он пришел на работу. Но я стал упрашивать начальника его оставить и уговорил, так как я забыл Витю разбудить. V нас с начальником по-прежнему были хорошие отношения. Мы часто беседовали, и когда я рассказал ему, как мы пели в комнате свидания, он попросил меня спеть. Не сразу я согласился, но потом, по его настоятельной просьбе, все же спел. Затем он очень хотел посмотреть, как я молюсь. Я ему пояснил, как мы молимся, но это ведь не делается для показа. За хорошо проведенный ремонт и хорошее поведение он объявил мне благодарность и отдал мне приказ, чтобы я его отнес к начальнику отряда. Как раз не было времени сходить в отряд, и я приказ положил на окно. Вдруг заходит начальник ОУИТУ, это большой начальник, майор. Видимо, он знал мою историю, и ему уже попадало за меня. Увидел в углу мой мешок. А мешок был внушительный, ведь я готовился на тюремный режим. "Это чей мешок?" - спросил он гневно. "Мой", -ответил я. "А кто ты такой, что мой?". Он дал мне понять, что я -козявка, и даже не достоин отвечать ему. "Показывай, что в мешке". Я стал потихоньку все доставать. "Откуда столько мыла?". "Попросил в коптерке", - говорю. "Почему столько писем?" -придирался он. "Да ведь не воспрещено собирать свои письма?!" -ответил я. В общем, много было вопросов, но не мог же я ему ответить, что собираюсь в тюрьму. Затем он увидел приказ на благодарность на

окне. "Это что такое?". "Благодарность", - говорю. "За что?". "За хорошую работу", - говорю. Он схватил приказ и пошел к моему начальнику. Больше я этот приказ не видел. Затем майор собрал офицеров с зоны и перед всеми громогласно указал их недостатки в работе, а также о том, что дозволяют мне держать при себе столько писем, вещей и т. д. И мне было приказано немедленно убрать мешок куда-нибудь и даже все письма и фотографии с тумбочки. После пришел офицер и проверил, все ли я сделал, как велено. Но все же даже из офицеров приходили то по одиночке, то вдвоем, то как-будто к начальнику, и заводили разговор о Боге и, надо сказать, уходили очень довольные, с желанием в другой раз продолжить разговор. В МСЧ лежал человек узбекской нации с приступами эпилепсии. Почти каждый день били его припадки, а иногда даже два раза в день. Вдруг он падал, иногда даже на улице или в коридоре, и его били судороги, изо рта бежала пена. Если был кто поблизости -кидались к нему, придерживали руки, ноги, чтобы он их не сломал и не разбил. Затем его относили на койку, и он еще долго лежал, пока приходил в себя. Затем продолжались головные боли и заторможенности. В общем, такой человек на всю жизнь обеспечен этой болезнью, несчастлив и жалок. Какой с него рабочий или семьянин? Его дома ждали жена и двое детей. Сидел он уже десятый год, осталось ему сидеть меньше года. Начались у него эти приступы после аварии, и в то же время вследствии травмы горла он потерял голос и говорил с хрипом. В начале его слушать даже жутко, но со временем привыкаешь. Все результаты лечения сводились к нулю. Его возили то в Алма-Ату в психлечебницу, то обратно. Но, главное, шел срок. Когда мы познакомились, я заметил, что он проявляет интерес к вере. Из его рассказов я понял, что еще отец его учил его богобоязни, а впоследствии он всегда на своем пути, как умел, чтил Бога - Аллаха, ведь он был мусульманин, и всегда защищал верующих, где оказывался с ними в тюрьмах и лагерях. Когда он посмотрел на меня, на мои молитвы, на мою жизнь, он как-то спросил, могу ли я его тоже научить верить в Бога. Он понял, что его вера ничтожна и не даст ему спасения. Конечно, я согласился! Очень радовало то, что он согласен принять именно ту веру, которую дал мне Господь: веру в Бога-Отца, в Сына Иисуса Христа и в Святого Духа. Для бесед, естественно, нам нужно было время и место. Старались мы беседовать тогда, когда Витя уходил смотреть телевизор, ибо он был у нас постоянно по пятам. Но ведь дьявол видел, что душа идет ко спасению, и старался помешать. Вскоре и на МСЧ выделили телевизор, и Витя почти никуда больше не отлучался. Еще несколько бесед, и я спросил Марата (так звали узбека), не желает ли он тоже отдать свое сердце Господу. Он тут же ответил согласием. Я ему пояснил о простейших правилах молитвы, и мы склонили колени. Сперва помолился я, затем я предложил помолиться Марату. Я удивился, откуда брались слова у него, откуда молитва и вопрошение к Господу о прощении. Мы встали, я приветствовал его, как брата. Затем мы еще раз склонились для благодарственной молитвы. Марат просиял. Господь Иисус снял с него его ношу греха с сердца, и Марат стал новой тварью в Иисусе Христе. Достоин Он благодарения и славы. О, да пробудит Он еще много-много сердец ко спасению в Иисусе Христе из мусульманского народа! Мертв этот народ и глух к словам жизни и спасения до сего дня. Сколько еще нужно будет слез и молитв, свидетельств и жертв для его пробуждения - знает один Господь! Дело за нами, дорогой читатель! Да откроет нам Господь нужду времени и великое поле труда на этом поприще. Время последнее, время серьезное.

Не будем медлить, ибо промедление смерти подобно. Не хотел я здесь повторять опыт с Сашей в том, чтобы извещать о спасенной душе своим и сделать Марата явным для администрации. Он может не устоять, его волки растерзают, его мизерную веру растопчут. Стали мы теперь искать время для совместных молитв и бесед с вопросами возрастания и укрепления в вере Марата, ибо о вере христианской он не имел ни малейшего представления. Иногда, когда я пару дней не находил момента или времени помолиться с ним, он сам мне напоминал и изъявлял желание к молитве, что меня очень радовало. Заметили в нем перемену и окружающие, и уже стали надсмехаться. Это иглами входило в сердце Марата, ибо он привык всегда первенствовать, доказывать свое, ибо имел на то силу и право, так как сидел очень долго уже. А здесь надо было себя переделывать. Начал борьбу с чифирением, но иногда срывался. Очень просил меня указывать ему на его недостатки, что я и делал. Теперь у меня было уже два брата в зоне. Временами приходил и Саша навещать меня, и мы с ним вкратце беседовали и молились, но мы

оба были очень заняты. Но тут Господь предусмотрел для нас общение длительное и прямое в МСЧ вне подозрения других. Сашина одежда, которая была вся в масле, загорелась около огня, и Сашина нога сильно обгорела, а рука и другая нога - поменьше. Сашу положили в МСЧ. Оперативник еще пришел и выразил подозрение, не нарочно ли Саша поджегся, чтобы нам побыть вместе. Мы его уверили, что это не так, хотя встрече были рады. Мы часто беседовали, но все на бегу, ибо я был постоянно занят, но все же мы были больше вместе. Саша лечился восемь дней и выписался. Все удивлялись, насколько быстро зажил у него ожег. Потом даже атеисты с города приезжали и интересовались. "Это тебе Бог помог, или Паульс своими молитвами, что ты так быстро выздоровел". Саша сказал, что, конечно, Бог, а потом и молитвы. Очень боялась администрация наших встреч, и нам приходилось быть осторожными, чтобы нас не разлучили. Теперь Сашу стали часто сажать в ШИЗО за малейшие причины: то будто он разбил стекло в автобусе, хотя он его не разбивал, то за то, что он нелегально отправил Ане бандероль с памятным подарком. Сашу продали и здесь, но он не унывал. Брал у меня письма Ани, а они были духовными, переписывал их в общую тетрадь в двойном экземпляре, списывал туда и стихи, и песни, и выдержки из Священного Писания. И у него эти тетради с интересом читали осужденные. Вот уже и он свидетельствовал. Однажды одна эта тетрадь попала в управление, но через время по просьбе и по требованию Саши ему ее опять вернули. Работал Саша очень старательно, в основном на тракторе, в две и даже в три смены, при том он владел всяким мастерством по железу и сваркой, и делал отопление. И везде он был нужен.

Песня для начальника

Время шло, и про мой тюремный режим молчали. Я понял, что вмешался Господь, и помыслы администрации не осуществились. Но на сердце мое легла другая печаль. Апостол Иоанн в своем третьем послании пишет: "Нет больше радости, как слышать, что дети мои ходят в истине". Эту радость мне довелось иметь недолго. Я говорю о церкви нашей маленькой в городе Шахтинске. Вначале я упоминал о ней. В первый год она даже возросла, и Господь приложил спасенных к церкви. Но не было пастыря рукоположенного, можно сказать, и не было места собрания, так как все жили в благоустроенных квартирах, городок новый. Вскоре это почуяли волки и стали посещать стадо. Та сестра, которая ушла в лжеучение раньше, увлекла и Риту с детьми, а та -брата Яшу с сестрами, молодого брата и еще одну сестру. Остались одни старики да три молодых сестры. Как им быть? Нет Слова, ибо один молодой брат часто на работе, а другой, старый и больной, устает. Стали собираться один раз в неделю, а потом и это стало трудностью. Стали посещать Долинское собрание. Оркестр не стал играть. Сердце мое обливалось кровью. С каким трудом все было собрано, и каких страданий стоило все это Господу нашему Иисусу Христу - спасти души в городе Шахтинске, а враг в некоторое короткое время рассеял паству, разрознил, увлек в лжеучение. Хотелось плакать и кричать. Но ничего нельзя более, чем молиться и молиться. Господь силен восстановить и оживить. Дай устоять, Господи, и еще прославить Тебя, ибо Ты достоин. Стал я просить поощрительного свидания у своего начальника, и уже приготовил он бумагу, да не успел пустить ее в дело. Начальника моего послали работать в тюрьму, а начальника МСЧ тюрьмы направили к нам. Причина здесь была в родственных связях и нарушение некоторых правил в работе, что меня, конечно, мало касалось, но факт есть факт: поощрительного свидания он мне не успел оформить, а переемник его меня не знал. Дело с моим свиданием затихло и не скоро снова заговорило о себе. Марат обратился к Господу, а приступы его били почти каждый день. И тут меня осенило: ведь написано: "Сей род изгоняется постом и молитвой". Предложил я Марату в пятницу провести день в посте и молитве. Он с радостью согласился. Почему в пятницу? Потому что в этот день основная часть церкви и молитвенников склоняются пред Господом в посте, и если мы еще принесем свою нужду, Господь услышит нас. Настала пятница. И я, и Марат не прикасались к пище, совместно помолились, продолжали каждый в своем сердце вопиять к Господу о нашей нужде в течение дня. И что же? Недуг оставил его. Приступы прекратились разом. Велика была наша радость.

Марат изъявил желание два-три раза в неделю поститься. Правда, спустя большое время, когда его выписали из МСЧ и Марат пошел на проверку в зону, он сильно переволновался, и приступ повторился. Думаю, что болезнь ему была оставлена как барометр его духовного состояния: если внутри хорошо - и приступов нет, если есть непослушание Духу Святому - повторяется приступ. Впоследствии они были очень редки, в пять-шесть месяцев три-четыре раза. Время для совместной молитвы мы выбирали утром по подъему, пока Витя еще спал. Когда еще работал мой прежний начальник МСЧ, начальник колонии делал обход в зоне и зашел также в МСЧ. Он был в добром настроении, и мой непосредственный начальник решил использовать момент и сказал ему обо мне, о моем отношении к работе и о том, что я прошу поощрительного свидания. Тут начальник мой возьми и скажи ему, что, когда приезжали ко мне, мы так хорошо пели и т. д. "Так он поет еще?"- сказал начальник колонии. Хорошо, дадим ему поощрительное свидание, если он споет на майском празднике во время концерта в клубе. Этот вариант мне не подходил, и я стал резко отказываться: "Лучше останусь без свидания, но петь на сцене ваших песен не буду, да и не знаю я их". Но начальник мне твердо сказал, что сам будет в субботу вечером присутствовать на концерте и будет ждать меня там. Он ушел. На сердце была досада. И зачем мой начальник сказал об этом пении? Я твердо решил не идти, но Господь решил иначе и все же мог прославиться чрез мою немощь. Настала суббота. Репетиция уже шла к концу, как за мною в МСЧ приходит руководитель оркестра и слезно стал умолять меня прийти на репетицию. Его послал начальник колонии и сам же ждал меня. Я все еще колебался. "Ну ради меня прийди, покажись", -просил руководитель. "Ну ладно, - сказал я, - буду петь только свои песни". "Ладно", - согласился руководитель, и мы пошли. Действительно, весь оркестр был в сборе, а слушателями и экзаменаторами были начальник колонии и замполит. Увидев меня, они меня сразу пригласили к микрофону. "Ну-ка, спой нам". Я сразу же сказал, что буду петь только духовные песни. После недолгих возражений начальники согласились. Я перестроил шестиструнную гитару на семиструнный лад и спел песню "Любовь Христа". Петь было трудно, вернее, более непривычно, чем трудно. Микрофон ловил звук лишь при прикосновении почти вплотную к нему губами, гитара была очень чувствительная и усилитель сильный - пение заглушалось при малом нажатии струн. Аккордеон, баян и ударник с басом сначала было взялись мне аккомпонировать, но когда поняли смысл слов, баянист дал знак всем замолчать и заискивающе улыбался начальству, думая этим им угодить. Но я все же допел. "Что-то грустная песня у тебя, - сказал начальник, - ну что-нибудь повеселее, про весну, например". Я было уже собрался уходить, думая, что сделал свое дело и ладно. Но начальник колонии так стал просить меня, и мне пришла на сердце песня "Весна вновь наш край посетила". Я опять сел за гитару. Баянист один поддержал меня, за что я ему остался очень благодарен. И когда я после сказал ему об этом, у нас завязалась сердечная беседа о Боге, а основное - его интересовал Христос, и я, что мог, пояснил ему. Очень длинный срок у него и почти ни за что, всю жизнь сидит, худой и больной. Песню я пел оживительно, желая выразить радость о приходящей весне. Один-два куплета забыл, правда. Песня начальникам понравилась. "Вот это другое дело", - похвалили меня, и я ушел. Начальник дал понять, что я буду исполнять эту песню на сцене. На следующий день руководитель пришел за мной, спеть что-нибудь. Ему понравилась моя песня. Все-таки имеет силу песня неба! В клубе были такие натренированные таланты, шум и гром оркестра, ритм, так что ноги подпрыгивали у слушателей, а моя простая песня дошла до сердца, слава Господу! Тут приблизилось время генеральной репетиции. Я про себя думал на сцене: "Во первых скажу, что эту песню они услышат впервые, ибо ее поют только у нас, верующих. Отсюда будет яснее смысл песни, она пойдет прямее к сердцу. За песней я еще сам предложу послушать стихотворение "Если нет воскресения - тогда не должно быть весны". А в зале более тысячи народа, у многих откроются глаза на самый важный вопрос в мире - вопрос жизни и смерти, тления и вечности". Марата предупредил, что, если меня оттуда прямо поведут в камеру, пусть передаст мне постель, именно мою подушку, вещи и т. д. Я опять был зван на генеральную репетицию. Тут уже было собрано все начальство зоны. Кроме начальника колонии и замполита здесь сидели помощник оперативника, мой бывший начальник отряда, который захлопнул за мной дверь отстойника и сказал: "Во имя Отца и Сына и Святого Духа". Далее присутствовал начальник режимно-

оперативной работы и некоторые другие. Программа была подготовлена прекрасно и отработана до мелочи. Зал аж гудел и сотрясался от силы музыки, микрофона, усилителей, инструментов. Много было на казахском языке, что очень нравилось начальникам-казахам. После всего предложили спеть мне. Я опять перестроил гитару и начал петь. Никто меня не поддержал, кроме басиста и Господа нашего. Естественно, внешний эффект моей песни по сравнению с предыдущим исполнением был как шум ручья и грохот водопада. Когда я окончил, начальник режимно-оперативной части посоветовался с другими. Естественно, до этого ему язвительно нашептывали те, кто хотел ему понравиться, и говорили против меня. "Ну хорошо, Паульс, ты споешь на сцене на ноябрьский праздник. До этого, ребята, вы над ним поработайте". Хорошо, что у него хватило такта и уважения ко мне и он не стал отказывать мне прямо в исполнении на сцене. Я понимал его, что он понял смысл моей песни о Весне, он и другие тоже, и дать мне спеть - это значит, сказать проповеднику: "Проповедуй". Но это пока лишь наша мечта в нашей стране, о чем я ежедневно молюсь по два-три раза: "Господи, открой врата для Слова Твоего в нашей стране, чтоб мы везде, открыто, безбоязненно всем могли с силой проповедывать Слово Жизни". Как страждет душа этого часа! О, сколько сотен, тысяч, миллион душ уйдет в вечную погибель, пока мы вымолим этот час свободы слова. Сегодня я могу сказать, что ноябрьский праздник прошел, но спеть мне никто не предложил и работать со мной никто не стал. Немало я радовался потом, что все-таки многим в тот день было сказано о Боге и вечности песней. Некоторые из них, я уверен, со звездочками на погонах никогда до этого не слышали таких песен, не видели подобного. Речи о поощрительном свидании никто даже не заводил: ни начальник МСЧ, ни начальник колонии, ни я сам, никто другой, но оно было предусмотрено Господом, и я его все же получил. Господь нашел путь, чтоб мне его дали. И оно было очень удивительно, о чем я расскажу ниже.

Девятого сентября подходила годовщина моей передачи, и я написал родителям, чтобы приехали на общее свидание, которое мне положено, и заодним привезли мне передачу. Мать с отцом очень хотели меня увидеть, и я их. Уже проходил год с нашей разлуки, мы готовились к двухчасовому свиданию. Тут один мой хороший знакомый, Артур, надумал жениться. Был он раньше женат, но развелся, теща его посадила, и теперь некому было к нему приехать, ни посылку послать, и он очень мучился. Мастером был - золотые руки. В моем возрасте, но уже почти весь седой; серьезный и рассудительный человек.

Списался он с одной женщиной, предложил ей руку, та согласилась приехать и зарегистрироваться с ним у нас в колонии. Долго они ждали этого часа и дождались. Приехала невеста, зарегистрировались, и дали им трое суток свидания. Артур пришел счастливый и довольный. Но вскоре заметил, что заболел. Правда, не было гарантии, что эта болезнь от нее: ведь нет ни лаборатории в зоне, ни анализов. Но он очень попросил меня, никому не говорить и полечить его. Я согласился и стал ему делать через каждые четыре дня укол. Это было трудно скрыть от Вити, но мы все-таки умудрялись. Артур был очень благодарным человеком и предложил мне: "Давай попробуем тебя перевести на улучшенное содержание. Попросим отрядного, он и меня уже перевел. Вот тебе и дополнительное свидание, и передача, о отоварка 7 рублей. Давай попробуем". Он сделал отрядному две хорошие вещи искусного мастера (моему начальнику отряда, и сказал мою, или вернее, свою просьбу обо мне). Мой начальник не мог ему отказать и в то же время понимал, что меня, такого нарушителя с двумя ПКТ - а эти нарушения вообще не снимаются - перевести на улучшенное содержание... Он вызвал меня и объяснил мне: "Давай попробуем тебе оформить просто поощрительное свидание к полугодию". Я согласился. Когда он пришел к начальнику колонии с моими документами, то тот сказал: "Кого ты мне принес? Ведь он стоит на учете в КГБ". По-моему, начальнику все-таки было неудобно мне отказать, да и уважал, видимо, меня, и как-то, увидев меня, вызвал к себе и говорит: "Что они тебя так боятся? Может та телеграмма самому Федорчуку так напугала администрацию, и теперь они боятся тебя поощрять, чтобы потом легче наказывать было?". Это мои единоверцы во время моего пребывания в ПКТ отбили телеграмму в министерство Федорчуку о том, как незаконно меня преследуют и издеваются, и требовали справедливости. "Вот еще что попробуем, - сказал мой начальник отряда, - попроси у своих врачей рапорт-просьбу о том, чтобы тебе дали

поощрительное свидание за хорошую работу, а остальное я беру на себя". Я, конечно, согласился, и только я собрался пойти к врачу, как тот, да и сам начальник отряда ушли в отпуск. Я как-то не очень опечалился, стал терпеливо ждать их возвращения. Врач Хамит через месяц вышел из отпуска, сразу же согласился написать мне рапорт о свидании. Он же уговорил зам. начальника МСЧ (начальник тоже был в отпуске) написать этот рапорт. Они вдвоем его подписали, и я, помчался к начальнику отряда. Тот сразу взял бумагу, воскликнул, что это ему и надо было, и обещал завтра же положить приказ на подпись. Мы решили, что лучше сперва будет пойти на подпись к начальнику режимно-оперативной части, а если тот подпишет - то подпишет и начальник колонии. И тут случается, что начальник режимно-оперативной части потер одну ногу о другую, и получилась язвочка на коже правой голени, и он пришел в МСЧ и пожелал, чтобы только я его лечил. Меня вызвали. Я его старательно перевязал, но о просьбе моей стеснялся говорить: пусть уж будет так, как Господь выведет. Где-то на третьей перевязке он мне сам говорит: "Я подписал приказ тебе о поощрительном свидании". Я был очень рад и благодарен. Через три дня вызывает меня мой начальник отряда и радостно говорит мне, что приказ о свидании подписан начальником колонии и будет объявлен по радио и вывешен на доске объявлений. "О мой Господь, Ты велик и всесилен". В этот же день я отправил через Артура нелегальным путем две телеграммы родителям о поощрительном личном свидании. Одну они получили. У них уже билеты были на руках и собирались уже в дорогу. Как все вовремя успел Господь сделать! Слава Ему и благодарение.

Рядом с моим отцом

Меня предупредили, что ко мне приехали родители, и я уже стоял со справкой у надзоркомнаты и ждал, когда меня вызовут на свидание. Выходит из дверей начальник оперчасти, заметив меня, остановился: "Как это тебе дали свидание?" - спросил он. "За работу, - говорю, - неужели я не заслужил?..". "Конечно, конечно", - сказал он и отошел. Я заметил, что ему это было в удивление, как это мне, обходя его, дали свидание. Не имел он злобы против меня, а то бы мог поднять шум. Вскоре меня вызвали, обыскали и повели в комнату свидания. В коридоре меня уже ждала мама: все та же любящая, плачущая, с прилегающими морщинами у глаз от забот и слез за нас, семерых детей, да теперь еще и 21 внука. Голова уже светлая от седины. Мы обнялись... Ах, эти мягкие ласковые руки матери... Что может быть на свете мягче их и нежнее. Сколько они уже потрудились для нас, так что и ногти стираются от стирки и от других многих дел. Мать пополнела за время нашей разлуки, да и отец. Видимо, сказывался уже возраст. Да и питание в деревне хорошее, за что благодарение Господу.

В комнате номер 2 (всегда нам и везде еще давали только эту комнату - рядом со всей аппаратурой) нас ждал отец: степенный, еще в силе, тоже уже со значительной сединой. Мы поприветствовались. "Господь может делать чудо, не правда ли?" -спросил я.

Мы склонились прежде всего для благодарственной молитвы и просили о благословении. Даже я знал, что они приехали еще вчера, но из-за отсутствия свободных комнат свиданий заявление родителям подписали только на следующий день. Начальник колонии пожелал побеседовать с матерью, и беседовали они в его кабинете около часа, хотя у начальника было много-много дел. Видимо, он все-таки не был равнодушен к нашему вопросу. Мать ему могла много свидетельствовать о нашей вере и о многом другом. Начальник сказал, что хотел бы меня отпустить пораньше, но я должен пойти на маленький компромисс. При всей любви матери ко мне даже она не согласилась на такой шаг: пусть лучше сидит до конца.

Надо же теперь где-то ночевать, и родители стали ждать транспорта в город. И тут наш начальник колонии подъехал к ним на своей машине, взял их в машину со многими вещами, никого более не взял, о повез их в город по адресу. Разъяснил, как утром опять уехать к зоне и уехал. Родители были очень довольны. Переночевали они у одной из бабулек наших дезинфекторов (у тети Дуси) и утром приехали опять к зоне. Опять было много народу, но подписали только родителям и еще одной семье. Где-то в 11 часов дня мы были уже вместе. Дали

нам трое суток личного свидания. Душа просто не могла нарадоваться. Домой я приезжал к родителям и был только считанные часы и дни, разговаривали урывками - ведь столько гостей, дел, собрания и т. д.... С пятого класса я уже учился на чужбине, и так дома я был, как в гостях, но ведь сердце-то у меня такое же, как и у тех, кто постоянно наслаждается отцом и матерью. И я всегда скучал по дому. Когда я учился, ездил в неделю раз, в месяц раз домой, а когда уже женился - раз в пол года, более не выдерживал: надо съездить. Всегда, конечно, гитара со мной.

А тут трое суток с глазу на глаз, лицом к лицу; рядом отец и мать -говори, беседуй, сколько душа желает! О мой Господь, как Ты благ! Конечно, мы соблюдали осторожность на случай, если есть подслушивающий аппарат. Родители возрадовались, что теперь у меня легче с работой и гонений пока нет почти никаких. Всему свое время. Рассказал им, что мог, о себе. Расспрашивал о братьях и сестрах по плоти, затем о дедушке с бабушкой, которые живут в Джезказгане, о церкви, знакомых и т. д. Затем мать стала хлопотать о столе - ведь навезли столько всего, что у них руки болели от груза. На три дня нам всем хватило кушать. Я взял хорошую передачу с собой, и еще осталось продуктов. Почти всем братьям и сестрам моим, родителям Господь дал возможность приготовить и передать памятные подарки. Утешилось сердце матери о сыне, о котором она пролила столько слез в молитве Господу. Но плакать теперь не переставала о сестрах, особенно об Алле, которая уехала от мужа своего в мире и блуждала во грехах, даже писем не писала скорбящему сердцу матери.

Там ведь еще сын необращенный в армии, другой дома в деревне с женой не спасены. Если бы собрать пролитые слезы матери о всех нас, нужен был бы большой сосуд... Я часто удивлялся дару матери искренно, со слезами, от глубины сердца молиться. Благодарность Богу за этот дар Его моей маме. Где бы мы были без этих молитв?! Времени было много, и я просил отца и мать рассказать о своем детстве, о тяжелых, страшных, голодных годах войны, о своем обращении к Господу. Не буду утомлять читателя длинными рассказами о их судьбе, скажу только, что папа рано потерял мать -в 13 лет, она умерла в 37 лет от туберкулеза, отец был взят в трудовую армию и там умер от голода и болезни. Остались с младшим братом Иваном сиротами; много скитались, много пережили, были взяты в трудармию, но Господь дал выжить. Женился и нашел Господа во время большого пробуждения в Аполоновке в 1956 году.

Мама выросла в многодетной семье (11 детей), рано была взята в трудармию пилить лес под Свердловском, отпустили ее домой за продуктами еле живую, а вернуться не хватило сил. Немного поправилась, приехали за ней, судили, дали пять лет. И, пройдя этапами опять до Свердловска и просидев немного, по случаю окончания войны была объявлена амнистия, и маму отпустили домой. Вскоре вышла замуж, начинали с нуля, правда, был пустой дом. Я родился первым и был спеленут мешковиной - более ничего не было.

Трудности семейной жизни заставили маму пойти в лес и излить свою нужду Господу, и там она смогла найти мир с Богом. А затем и папа покаялся. Помню его еще необращенным. Слава Господу, что Он даровал моим родителям уверовать, а потом и мне. Когда на прошлом свидании был мой брат Андрей, то он вез с собой Библию, но пронести ее в комнату свидания не дали. Затем к нам в комнату зашел начальник оперчасти и стал восхищаться этой книгой (видимо, просмотрел), и стал просить его отдать ему ее. "Всю жизнь бы читал", - сказал он. Андрей и я колебались. Ведь такого рода люди могут знания этой книги использовать против Бога, а этого я очень боялся. При том этот человек был секретарем парторганизации колонии. Я стал задавать ему вопросы, не хочет ли он читать Библию для борьбы с нами. Он даже покраснел и стал уверять, что будет читать только для познания. Я ему еще сказал: "Не дай Господь, если Вы эту книгу используете для зла". Андрей эту Библию не хотел отдавать, так как в ней сделал отметки, и предложил ему по выходу дать свой адрес и прислать ему на адрес другую Библию. Начальник и Андрей условились еще после выхода отсюда встретиться и окончательно договориться. Но встречи не произошло. Когда я потом спросил начальника, почему он не хочет дать адреса, он сказал: "Ты что, узнают еще и скажут, что даже оперативника втянули в веру". Так наша беседа и закончилась. Родители учли его желание и привезли маленькое Евангелие и книгу "Библия и наука". Эти книги тоже не дали им пронести в комнату свидания. Опять к нам пришел в комнату тот же начальник и уже хотел сказать, что с книгами получилась какая-то заминка и отдать их

сейчас не смогут; но я его опередил: "Возьмите их себе и читайте, их для вас привезли". Он остался доволен, и мы тоже. Пусть эти книги принесут плод для многих к вечной жизни. Я смог родителям дать много полезных советов насчет некоторых их болезней, ибо практика здесь насчет этого большая. Сколько благословений и радости мы получили во время нашего свидания - это трудно описать.

От родителей я узнал о том, что, когда Андрей был у меня на свидании, то после отъезда они еще заехали к Фединой маме (с которым я сидел в одной камере в ШИЗО, с резанным животом). Та очень обрадовалась им, когда узнала о том, кто такие Андрей и жена моя с детьми. Очень гостеприимно их встретила, со слезами говорила: "Только Иван может спасти моего Федю". Спасает Господь, но радовало то, что она видела и сознавала, что освободить ее сына от рабства греха может только вера, только Господь.

Так как билеты на обратную дорогу у родителей были на руках, и были они на утро в понедельник, то пришлось проститься в воскресенье вечером и расстаться. Мы не успели подписать заявление на передачу, но Господь и здесь проявил милость. Нас выводил тот же начальник оперчасти, который приходил за книгами. Не стал он особенно прикапываться к моей передаче, да и прапорщика одного я хорошо знал, он иконку носил с молитвой всегда с собой. Он меня обыскивал только для вида. Я пошел, еще предварительно крепко прижав к груди папу и маму. Мы передали пути наши Господу и верили, что Он по любви и обещанию Своему будет водить нас и дальше Своей всесильной рукой. Родители еще хотели из Караганды поехать в Джезказган к дедушке с бабушкой, но отец по дороге заболел, и им пришлось быстро ехать домой. Дома отец сразу выздоровел: дом есть дом; а к родителям матери поехали после. Я все еще с радостью в сердце и с благодарностью вспоминаю эти чудесные дни. "Все возможно Богу", - так написано, и Он это доказал всем людям, а в частности мне многократно. Могли ли мы мечтать о подобном?!

Угрожали тюремным режимом, к тому же вышло новое положение: за многократное нарушение (2-3 ПКТ достаточно) имеют право дело опять передавать в суд, и опять добавочный срок, 2-3 года. Так можно просидеть всю жизнь и не освободиться. Уже есть некоторые, которых судили, а меня опять укрыл под крылом Своим и к тому же дал такую дивную возможность побыть у источника воды живой и порадоваться с родителями. Слава Ему!

Самоубийцы поневоле

Теперь вернемся на несколько месяцев назад в МСЧ. Я недавно вышел с ПКТ, Умар должен был сидеть там до конца своего срока, т. е. до 21 декабря 1983 года. Но в зоне был друг его - Ерлик (который и подарил мне часы), имел он какие-то связи с администрацией, и через большие трудности, но ему удалось добиться, чтобы Умара на неделю вывели из ПКТ перед его освобождением. Вскоре действительно приходит Умар, измученный, худой и бледный, но духом не упал, да и свобода вернее, воля близка. Отношения наши с ним по-прежнему были хорошие, что мог - я ему сказал и напутствовал, а теперь уже дело его сердца: пойти по доброму пути и с добрым советом или продолжать старый путь. Как-то он признался, что все бы он готов бросить, но вот наркотики - не в силах. Вскоре он освободился. Мы все радовались вместе с ним: столько лет, можно сказать, всю сознательную жизнь сидел. В детстве отец отвез его к мулле (попу), чтобы он его обучал религии, с детства и наказывал сильно кнутом при малейшем непослушании Умара. Но не пошел он по пути служения Аллаху, хотя и не был безбожником. Через месяца четыре-пять после его освобождения Ерлик получает телеграмму от жены Умара, что Умар опять сидит в тюрьме. Бедная жена, сколько она его ждала, а также детки, и как коротка была их радость Бабушка Умара, которой было уже около ста лет, все молилась Богу-Аллаху за Умара и все говорила: "Вот увижу Умара, и умирать можно". Дал Бог ей увидеть его, но прожила она дольше внука. Еще месяцев через 4 - 5 до нас дошел слух, что Умара вновь осудили, и в тюрьме его зарезали. Не могу утверждать верность этого, но оно могло и быть. Как печален конец человека, не пожелавшего сердце свое и путь свой вручить Господу. Он бы взял и его, и жену

его, и детей в Свои любящие Божественные руки и вел бы дивно. Я уже рассказывал о дяде Яше, которому дали 14 лет за денежные дела в Москве. Был он евреем по нации и не скрывал этого. Образован и, надо сказать, при мне не работал с железом и лопатой. Устроился экономистом в зоне и сидел за бумагами и счетами. Здоровье было неважное, страдал кожным заболеванием, а болезнь в зоне - плохо. Трудна была его доля. Во время моего отсутствия к нему приезжала жена. Мы с ним иногда беседовали. Как-то летом приходит ко мне дядя Яша и говорит, что у него есть вопрос ко мне наедине. Мы отошли в сторону, и он сказал мне, что у него очень нехорошо на душе и требуется какое-то избавление. Нет ли у меня какого-нибудь совета. Я сказал, что Иисус Христос есть путь и истина и жизнь. Только Он может снять бремя с души, дать Свой дивный мир и спасти человека от рабства греха. "Желаете ли Вы молиться?" - спросил я. "Да", - ответил он. Мы находились в зоне, и уединиться нам в этот час нигде нельзя было. Я ему сказал, чтобы он бодрствовал над своим желанием и пришел завтра рано утром. Но так как он спал в крайзоне, то ни завтра, ни послезавтра он не смог прийти, его не пропускал в это время ДПНК. Враг мешал и препятствовал душе, это было видно. Я молился усиленно о нем. На третий день он пришел в условленный час, но, как назло, всю ночь не спал Витя, и не ложился даже (он мог сутками не спать в противовес мне), и здесь у нас возможности не было помолиться. Лишь на четвертое утро он пришел опять, и мы закрылись в кабинете врачей. Я еще побеседовал с ним о значении веры покаяния, исповедания, молитвы, о любви Божией и о спасении грешников, и мы склонили колени. Сперва помолился я, потом помолился дядя Яша. Душа еврея призывала имя Иисуса Христа о прощении. Это было очень радостно слышать. Он смог поверить, что Иисус простил ему его грехи, и мы еще раз склонились для благодарственной молитвы. Я не имел причины не принимать его как брата, если его принял Христос. Дядя Яша просветлел. Груз с души был снят. Дал ему еще напутствие, как жить далее, и мы расстались. Впоследствии я ему дал кое-что почитать из писем. Когда я спросил, читает ли он, он сказал: "Изучаю". Желал он списать кое-что, но я ему советовал слагать в сердце своем - это люди уже не отберут. Очень радовался он, когда я ему давал что-нибудь читать. Когда видел меня, он говорил радостно: "Здравствуй, брат мой". Как-то спросил меня: "Теперь мне нужно развестись с женой? Ведь она неверующая". "Нет, - говорю, -Священное Писание говорит, что, если женя неверующая желает жить с верующим, то пусть живут, если же не пожелает - пусть жена неверующая уходит, но муж не может больше жениться". Он понял.

Молиться с ним вместе мы почти не имели возможности, через большое время его кабинет перевели в другое место, очень удобное для молитвы. Недавно я сходил к нему рано утром, мы помолились, побеседовали и расстались. Приглашает меня почаще приходить. Скоро уже должна опять к нему приехать жена. Дядя Яша хочет через нее обжаловать свое дело. Попросил адрес московского молитвенного дома, который мне прислали родители, ведь в Москве обещали ему помочь, но не успели. А 14 лет - не 14 месяцев. 14 дней - и это срок, а тут 14 лет. Да помилует его Господь и проявит силу Свою для его избавления. Будем молиться об этом.

Через некоторое время после освобождения Умара в ПКТ попадает Ерлик, друг его. Там вскоре у них получается драка, и Ерлика сильщ избивают, но в МСЧ не выводят. Тут как-то нас с Витей срочно вызывают в ШИЗО с носилками. Бежим туда. Открывают камеру. На полу лежит Ерлик, в сознании, а в груди торчит толстая проволока, загнутая в конце, и в такт дыхания и движения легких колеблется то вверх, то вниз. Из этого я понял, что грудь и легкие пробиты далеко, и проволоку вытаскивать нельзя, так как воздух при вдохе может засосаться под легкое и поджать его, и человек может умереть. Мы не стали вытаскивать проволоку, но положили Ерлика на носилки и понесли в зону. За правильную тактику начальник колонии меня впоследствии похвалил. Вызвали скорую и; города. Те посмотрели и сказали: "Надо везти Ерлика в город операцию". Мы понесли его на вахту, поставили носилки на пол стали ждать конвоя и машину. Тут вдруг потух свет в зоне. Тут же' объявили тревогу, и солдаты побежали с автоматами окружать зону. Но, к счастью, вскоре свет загорелся, а Ерлик все лежал н; полу. Прошло часа 2-3, пока дождались машины. На следующи день Ерлика привезли обратно. Операцию не стали делать/ рискнули просто вытащить штырь и заклеить рану. Ерлик дышал, из-под наклейки свистел воздух. Но молодые силы и помощь Божия взяли верх, и Ерлик потихоньку

стал выздоравливать. Он сознавался, что тоже про себя молится. Мы с ним много беседовали на духовную тему, и он очень склонен был слушать меня. Проволоку он сам себе вбил в грудь, чтобы выйти из камеры; и что ж: ему удалось. Но просил он еще, чтобы его вывезли в другую зону (объяснял тем, что он раньше работал в * милиции, об этом здесь узнали осужденные и преследуют его). Начальник колонии вошел в его положение и обещал его вывести. Но Ерлик тут же в МСЧ умудрился встречаться с женщиной. Я en предупреждал, что это хорошим не кончится, но он не слушалс был бессилен противостать. Прошло где-то с месяц, и Ерлика опять уводят в ПКТ. На следующий день нас опять вызывают с носилками в ШИЗО. Бежим. В камере лежит Ерлик, все в крови, полутемно, сразу не разглядишь, что и где; потом разглядел: Ерлик разрезал себе живот. Мы его вынесли на улицу, обмыли рану. Витя наложил скобки. Затем Ерлик очень стал ругаться на администрацию, их беззаконные действия, никого не подпускал к себе, кроме меня. Сказали, унести его опять в камеру. Никто не мог подойти и решиться. Мне Ерлик позволил положить себя на носилки, и мы его унесли опять в камеру. Ерлику теперь уже твердо обещали этапировать вскоре в другую колонию.

А за его спиной делали попытку завести на него новое дело за членовредительство. Ведь он и ранее резал себе живот, а тут еще пробил себя и порезал. Требовалась его медкарта, где все записано. Но медкарты его не было. Ерлик еще год назад попросил меня ее уничтожить. Я согласился и написал чистую. Теперь чистая с моим почерком нашлась, а старой нет. Доктор помнил старую карту. Приехал большой начальник из УВД по делу Ерлика и потребовал его медкарту, а ее нет. Я оказался в затруднительном положении. Сделал человеку хорошее, а сам попал в огонь. Меня вызвали. "Где старая медкарта?" - спросил новый начальник МСЧ. Обмануть я не мог, а правду сказать - сейчас посадят. "Господи, избавь!". Долго он меня допрашивал, понимал, что я знаю, где она, и нажимал. Дал подумать, еще вызвал, и так длилось два - три дня. "Никогда, -думаю, - я этого больше делать не буду". Затем начальник вызвал помощника оперчасти для моего допроса. И опять ничего не могли допытаться. Заставили написать объяснительную. Я написал. И Господь меня избавил. От меня отстали. Вскоре Ерлика увезли. Дело на него не смогли завести, так как документ старый о членовредительстве был мною уничтожен. Через месяца два получаю от Ерлика письмо: он в зоне недалеко от города Фрунзе. Воздух чист, и он чувствует себя прекрасно. Ну и слава Господу, дали бы плод семена жизни.

Я удивился предательству Вити. Чуть только я оказывался в беде -и он тут же становился мне на голову, чтобы я быстрее утонул, а после очень красиво объяснял все это. Способность ораторствовать ц мыслить у него была уникальная. Работать в МСЧ мне становилось все труднее. Нагрузка была очень большая, фронт работ был слишком широк для двух человек. От карточек бежал в столовую накормить больных, мыл посуду, оттуда в перевязочную к врачам, оттуда к начальству, от начальства на улицу, затем опять на перевязку, оттуда за обедом, кормил больных, посуда, затем послеобеденные процедуры, ужин, опять посуда, затем уборка: я мыл полы, убирал душ и туалет, уносил мусор; а тут еще тяжело больной - к нему, сменить простынь, покормить, помыть, борьба со вшами; за все отвечай, на вопросы тоже, десятки консультаций; врачи ушли - мы за врачей, - и я усталый падал в постель. Заступал Витя, давал мне поспать. Но уж если какой случай после его отбоя (в 2 - 3 часа ночи) - опять мне вставать. Утром рано я вставал, Вите давал спать до прихода начальника. Все на мне: весь стационар, врачи, больные; я разрывался, спешил, гнал больных, но руки только две. По возможности свидетельствовал. Но чрезмерная нагрузка истощала мои физические и вместе с тем и моральные силы, и я стал у Господа просить избавления или, вернее, облегчения.

Витя, по-прежнему, через день или каждый день разряжался бурей гнева или на меня, или на посетителей, или на кого другого. Это была хорошая школа для тренировки терпения, выдержки, победы над собой. Не всегда, правда, я побеждал. И опять к Господу, опять молитвы о силе и смирении. Вот в один из дней Ерлик, когда был еще в МСЧ, предложил свою помощь: поговорить с мастером известной фабрики, чтобы меня туда взять уборщиком. Я с радостью согласился. Хоть куда, - думал я, - только подальше от Вити. Никому не говоря, пошел подписывать заявление на перевод, и уже почти все подписали, осталась одна подпись - и мое

заявление перехватывает оперчасть и оставляет у себя. Да, видимо это был мой путь и мои усилия, посему и не было успеха с моих попытках. Ведь Господь Сам меня поставил сюда, и урок и моя миссия еще не окончились в МСЧ.

Туберкулезный отряд

Тут вдруг срочно и неожиданно организовывают в зоне отдельный специальный отряд для туберкулезников, и в этом же отряде кабинет для их обследования - процедурный кабинет. Очень мне бы там было хорошо: спокойно, нагрузка посильная. А Витя меня отговаривает: "Если тебе предложат туда идти - смотри, не соглашайся". Видимо, все же ценил меня и знал, что я его нигде не предам и не подведу.

Я потихоньку просился у начальника в туб. отряд. Он то соглашался, то нет, а потом сказал: "Здесь (в МСЧ) будешь работать". Моя надежда угасла. Не знал я, как дальше, где взять физических сил. Уже к обеду болели ноги. "Господи, ведь Ты все видишь и знаешь, помоги мне!"

И тут приехала комиссия с Алма-Аты и, когда посмотрели все внимательно, то, конечно, нашли недостаток в моей работе в стационаре, и у меня прямо вырвалось: "Я не успеваю. Я не могу разорваться".

Потом меня вызвал начальник МСЧ и сказал: "Будешь работать в туб. бараке в процедурном кабинете!". "Боже мой, Ты увидел мою скорбь и облегчил мое бремя! Слава Тебе!". Но пустить в работу кабинет все еще не решались. Прошло еще немного времени. Я жил надеждою. Тут приехала еще одна комиссия по туберкулезу и заставила начальника МСЧ пустить кабинет в работу. И меня послали: "Иди, собери все, что нужно для работы в процедурном кабинете, и чтоб с июля месяца 1984 года процедуры делались. Оформили туда и медсестру Аслиму Куанпщевну (Олю) по приказу, должен выйти и врач с вами - фтизиатр". До этого я ничего не говорил Вите об уходе (не люблю раньше времени хвалиться - вдруг не получится), здесь он уже не мог помешать мне, и я, отозвав его в комнату, сказал, что меня переводят, чтоб нашел себе замену и чтоб отпустил с миром. Он, конечно, жалел о моем уходе, но ничего не поделаешь. Сказал, чтоб я всегда приходил при нужде, что я и делал всегда.

Начал я оформлять кабинет: заказал столик, умывальник, вешалку и другие мелочи. В полу были большие щели: постелил на краску толстую мануфту и разов 5-6 покрасил ее сверху, и пол стал гладким и приятным. Помогали мне в покраске стен, потолка, пола больные осужденные. Они радовались тому, что я иду к ним работать. Медсестра активно помогала мне собирать все нужное для работы: что из аптеки принесет, что из дому - женщина эта научилась бороться за существование, ибо повидала в жизни много горя и несправедливости. Вскоре начали обслуживать всех больных. Больных было 50 - 60 человек. Здесь уже меня хватало сделать все необходимое в кабинете. Больные приходили за всем: за таблетками, за ножницами, за водой, за чаем, за ниткой с иголкой, за газетой, умыться и за многим, многим другим. И чаще всего я мог им помочь. Это доставляло радость и удовлетворение. Приходили из зоны часто, подходили к забору и вызывали меня. И хоть мне за это попадало, но я носил и им то таблетку от головы, то от поноса, ибо в МСЧ они часто не могли попасть - Витя там установил строгую дисциплину и забор с электрозамком. Спал я тут же в кабинете, первое время шел кушать в МСЧ, затем уже в столовую. Как я был благодарен Господу: Он всегда и везде ведет чудно, помогает и благословляет. Я мог закрыться, молиться, рано лечь спать, что я чаще всего и делал. Молился подолгу утром, часто и в обед.

В кабинет постоянно приходили люди. Другой бы их давно прогнал, но не я. У одного вопрос о жизни, о вере; другому я его задавал; третьего обличал, четвертому давал что-нибудь почитать, с пятым выходил на улицу, и там мы ходили и беседовали, а беседа, какая бы ни была, приводила к Богу, душе и вечности. Люди тянулись ко мне, величали на "Вы" и по имени-отчеству, чего я не был достоин. Делима Канышевна тоже была довольна судьбой, что Бог ее избавил от Вити и других трудностей работы в МСЧ, и она теперь душой и телом отдыхала при работе в нашем кабинете. Месяца три-четыре мы работали без врача, затем и он приехал. Один-

два раза в неделю принимал по три часа больных. Он тоже был доволен работой. Ведь я каждый вечер молился Господу о сохранении людей от внезапных смертей о болезней, несчастий и зла. И могу сказать, что в моих руках, при моем присутствии до сего часа не умер ни один человек здесь. Уже множество умерло у Вити там, а вот меня Господь охраняет. Это тоже знамение Его милости. Однажды даже было так при работе в МСЧ: вызывают меня к больному в отряд. Прихожу, меряю давление, а давления нет, больной еле дышит. Сделал ему укол в вену, в руку - не становится лучше. Побежал за носилками, унесли его в МСЧ, вызвали скурую с города. Приехали, смерили давление - давления нет, пульса нет, в вену уже не могут попасть, а больной то вскакивает, то ложится и умирает, бьется в судорогах, то опять оживает. Уехала скорая, через час говорят: "Несите больного на вахту". Понесли. Он дышит. Затем его увезли в город в больницу, и там на столе он через 15 минут умирает. В жизни был алкоголиком, лечился от алкоголизма. Испортил сердце свое, и вот результат - инфаркт.

Много благословений я уже принял от Господа в этом кабинете, но и лукавый не спит. Искушает то в одном, то в другом, и очень приходится бодрствовать. Часто помогают лишь пост и молитва. Когда плоти легче, она ко греху способнее.

Трудно прощать и любить предателей, тех, которые постоянно стоят, ходят у дверей, подслушивают, заглядывают в кабинет. Но ведь и они, бедные заблудшие грешники, нуждаются во спасении. Вскоре настал день освобождения Марата. Пожелал он еще побыть у меня в кабинете. Его пропустили. Мы еще покушали, побеседовали, помолились на прощанье, и на следующий день я его проводил в путь из этой зоны. Он обещал найти нашу церковь и служить с семьей Богу в радости.

Уже не однажды были попытки убрать меня с этого места, даже уже дважды приходил человек с приказом начальства работать на моем месте. Я не сопротивлялся, просто шел с этим человеком в МСЧ к своему начальнику, и тот опять все ставил на свое место, и я работаю до сих пор.

Осталось мне до конца срока восемь месяцев с днями, жду очень свидания с женой и детьми, которое будет, если будет на то Божья воля, 9 января 1985 года, то есть через 1,5 месяца. Уже есть сведения, что сын стал плохо слушать мать, поздно приходить домой; старшая дочь тянется к моде. Сердечно молюсь о милости Божьей, о мудрости жены и силе воспитать их богобоязненными и послушными. Кроме бремени о детях и церкви, на душе моей радость и благодарность за чудные и удивительные пути Божий со мною. Постоянно вижу Его присутствие рядом и руку Его надо мною. Молитвы церкви Христовой о нас слышатся Богом и обретают силу каждый день.

Да даст Господь устоять до конца, еще многим указать на Христа, как на единственный источник избавления и мира, и да обретут еще многие и многие мир с Богом!

Очень молюсь уже давно о духовном пробуждении в стране, в мусульманском народе и так же о том, чтобы посеянное, сказанное, спетое и написанное на домах и в газетах принесло плод к покаянию еще многих грешников! Молюсь о духовном пробуждении грешников в этой системе - в системе лагерей и тюрем и камер, где страдания народа от греха особенно велики.

Да откроет Господь Духом Своим Святым всем детям Своим нужду во свидетельстве в нашей стране и да пошлет каждого верующего в мир к неверующим, погибающим грешникам, будь у него великий или малый талант к слову, пению, чтению или вообще без талантов. Он в крайнем случае может предложить почитать Слово Божие и сделать доброе дело в физической помощи, да еще молиться за них. Время серьезное, время последнее, и промедление во свидетельстве - смерти подобно! Мир ждет нас, будем послушны Духу Святому. "Кто исповедает Меня пред людьми, того исповедаю и Я пред Отцом Моим Небесным; а кто отречется от Меня пред людьми, отрекусь от того и Я пред Отцом Моим Небесным" (Матф. 10:32-33).

Прочитав вышеописанное, мы убедились, насколько милостив и близок Господь к страдающим за Слово Его и как обильно изливает Свои благословения! Посему, кто бы это ни был, не будем бояться уз, гонений за веру, наказания за свидетельство - Господь за нас! Еще не открыты врата для Слова Божия в стране нашей, дело за нашей искренней молитвой об этом. Готовы ли мы пойти, оставив все, как ученики Христа, если вдруг завтра они откроются?

Зададим себе этот вопрос. А сегодня будем делать посильное. Если же эти тетради будет читать необращенный человек -посмотри вокруг себя: все говорит о последнем времени. Слово Христа доходит до последних грешников - и Господь придет в славе Своей великой как судия всех людей: живых и мертвых! Сегодня Он еще спасает всякого грешника, в этом ты убедился, читая тетради. Открой и ты свое сердце, и Господь даст тебе мир Свой.

Да благословит нас всех Господь.

"Любишь ли ты тебя предавших?"

Призрел Господь с высоты небес на землю, чтобы услышать стон узника, разрешить сынов смерти..."

Здравствуйте, дорогие родители. Хочу вам вкратце описать, что было в моей жизни в последнее время, потому что увидеться, может, не придется.

Приближалось Рождество Христово 1984 года. Господь позволял мне еще работать санитаром в процедурном кабинете туберкулезного отряда. Прав и возможностей мне дано было много делать людям добро медицинской помощью, и это время было апогеем (вершиной) моего благоденствия в этой зоне. Заключенные приходили один за другим за таблетками от температуры, кашля, головы, поноса и т. д., приходили с зоны, так как в МСЧ им было очень трудно попасть. Там властвовал Витя М., оградив железным забором и автоматическим замком санчасть. И люди шли ко мне. Некоторые вызывали меня на улицу к забору, так как на территорию отряда их не пускали, другие уговаривали или подкупали локальщика и проходили прямо в кабинет. Господь расположил и сердце медсестры Оли, и она мне доверяла, как сыну, доверив все ключи от сейфов. Чтобы я мог сказать людям, что у меня нет ключа от сейфа с наркотиками и сильнодействующими веществами, я сам отдал ей один ключ, ибо не считал полезным людям раздавать эти таблетки, да и наказывали за них очень и тех, кто принимает, и тех, "то распространяет. Что хотелось сказать: Господь славился в людях. Ведь люди знали, что я верующий, знали многие и видели добрые дела. Был доволен и начальник санчасти моей работой, так как он видел, что я брал на себя и часть работы медсестры, и часть работы врачей. И, кроме того, ведь в ночное время, когда нет врачей, неоднократно бывали кровотечения из легких у больных, и с помощью Божьей я их останавливал. Надо даже больше сказать: как-то начальник санчасти стал уговаривать меня остаться работать в зоне после освобождения, обещая квартиру. Я же объяснил ему, что меня ждет семья и люди в нашем городе Шахтинске. "Ну тогда, - говорит он, - как ты освободишься - и я уволюсь". Были довольны и врачи, и все остальные. Были также желающие слушать Слово. Иные заходили почти каждый вечер, когда я освобождался от работы, и с интересом слушали Благую Весть, Библейскую историю. Среди них были люди разной национальности, в том числе и мусульмане. И им я говорил, что, как бы они ни верили и ни служили Аллаху, пути в Царство Божие в обход Христа нет! Трудно, ах как трудно это вмещается в мусульманское сердце. Но изредка из них встречались люди, которые с этим соглашались и вполне понимали верность этого. И был даже такой, который, освободившись, пожелал посвятить себя христианству. Другие из слушающих были готовы уже отдаться Христу, но помешал враг. О чем я напишу после.

Очень любила слушать Библейскую историю и медсестра Оля (тоже мусульманка). Понимала необходимость отдачи себя Христу, но страх... страх перед человеками и неизвестным будущим... Ведь она в таком случае оказалась бы одна среди своих, восставшая на всех и на все их "святое". Нам трудно представить, что бы было в этом случае. Ее могли бы отправить в психбольницу (что уже пытались сделать), а ведь она одна с тремя детьми. Естественно, это мысли человеческие, ибо без воли Божьей не упадет и волос с нашей головы, но в это надо поверить... Правда, сдвиги в лучшую сторону и у нее произошли. Поняла, что пить алкоголь нельзя, и даже в компании, если приглашают. Поняла это тогда, когда однажды была избита компаньонками по застолью.

Начала молиться дома на коленях пред сном. Увидели дети: "Мама, а что Вы делаете?" - спросили они. "Молюсь", - ответила мама. "А мы тоже хотим, научите нас". И маме пришлось учить и детей молиться. Вообще я радовался этим детям. Они были казахи, еще маленькие - девочкам десять лет, а мальчику восемь - и так живо интересовались о Боге. Все, что слышала мама от меня, они просили рассказывать им, и все-все запоминали. А потом еще они в своей библиотеке, оставленной погибшим отцом, нашли книгу "Библейские сказания", которую некогда их отец привез матери, достав ее по большому блату в каком-то магазине или на складе. И эта ценная книга кое-когда читалась родней и знакомыми, затем ее кто-то уронил в воду, и так, мокрую, положили среди других книг, и так она лежала годы. И тут дети натолкнулись (Господь указал, и как вовремя). И давай дети читать, разлепляя слипшиеся страницы. Даже ссорились, кому читать в первую очередь. У них даже возник такой вопрос, который мне не задали никто из детей ранее: "А почему младенца Иисуса Христа везде рисуют голеньким?" Они полюбили Бога и Христа своей детской любовью и верили по-детски и молились, несмотря на всех окружающих, которые им говорили и внушали обратное. Вот, думаю, им бы в воскресную школу, да рассказы детские, духовные! А про дядю Ваню не забывали: то конфеток передадут, то шоколадку - сами не ели. Рождество Господь благословил. Поздравляя многих с Рождеством Христовым, свидетельствуя затем после возникающих тут же вопросов о Рожденном. Новый год Господь дал встретить на коленях, что и было моим искренним желанием. Ведь только Господь, Который и силен защитить и сохранить, знает, что несет нам грядущий год. И как не вручить Ему с верой свое сердце, дух и тело?! Нес свои испытания и свои трудности и 1985 год, а также свои плоды и радости, о которых я теперь, оглядываясь назад, могу сказать: "Слава Тебе, Господи, ибо пути Твои - дивные пути!" Сразу в начале года к нам с Сашей приехали на общее свидание. Ко мне приехал брат Саша с женой брата Яши, а к Саше - сестра Лида. Господь обильно благословил и это наше общение, укрепив нас взаимно и принесши нам огромную радость и ободрение. Так как Саша пользовался хорошим авторитетом по самоотверженной работе, да и много он сделал добра людям, работая на тракторе, ему чисто по расположению сердца дали вынести хорошую передачу, хотя еще и не положено было. А главное: сестра Аида пожертвовала своей Библией, подарив ее Саше. И Саша смог ее удачно пронести в зону, опять же благодаря добрым людям. Так чудно нас вел Господь! Теперь у нас была своя Библия. Естественно, это не всем нравилось. Вызвал Сашу один из режимников: "Отдай Библию". Саша смело и наотрез отказался ее отдать. Тот отпустил Сашу. Затем его вызвал сотрудник КГБ и тоже требовал отдать Библию. Но Саша ее не отдал. Библия приносила нам, и не только нам, большую радость и благословение. Эх, всем бы Библию! С какой жаждой ее бы многие стали читать! Я хочу подчеркнуть: многие! И сколько раз мне приходилось слышать: "Да я бы с удовольствием почитал Библию, но где ее возьмешь?!" Естественно, мы всем не могли дать, а очень ограниченному количеству, так как это - зона, и у нас бы ее все равно отобрали. А остальным приходилось объяснять: "Вот выйдете на волю, найдете баптистов и у них спросите...". А когда он выйдет на волю? Годы, годы, годы... А время идет к концу - мы это знаем! О, сколько раз я благодарен Господу, и как я безмерно счастлив тем, что Господь меня послал в это царство тьмы и страдания, быть хоть маленьким лучиком света!!! Лучшего я ничего не желаю! И нужда в том огромна! Я понимаю, что я здесь один, посланный Господом, и он поставил меня священником полутора тысяч человек. Я ответствен за них: "Сын человеческий, Я поставил тебя стражем..." А в книге "Секрет и сила молитвы" говорится, что всякий, начинающий молиться Духом Святым, становится священником Бога. Господь полагает ему на сердце судьбы и заботы, души и бремя окружающих, и не только окружающих...

Плод меня ожидал в другом месте, то есть не в этом отряде, и прежде Господь усмотрел меня провести еще чрез страдания, а затем вывести в место другое.

Как-то я написал домой нелегальным путем о своих благословениях и о том, что я всегда сыт и даже конфеты не переводятся. Прошло немного времени, и вдруг началось резко и неожиданно: вызывают меня с утра оперативники: "Иван Яковлевич, Вы носите хлеб со столовой?". "Да, - говорю, - иногда, да ведь все носят!". Сразу последовал вопрос: "Кто?" Я, конечно, не сказал. Пока в этой зоне никого не наказывали за то, что они несли свою пайку со

столовой, чтобы ее съесть в бараке спокойно с кружкой чая, или, может, кто выпросит и дополнительную пайку.

Затем: "А Вы ходите в отряды с тем, чтобы лечить больных?" "Бывает", - говорю. "Нельзя ведь", - говорит он. "А Вы лечите у вас в отряде нетуберкулезных больных и делаете им операции?" "Да", -говорю. "А Вы ходите без строя?" "Так у меня работа такая, -говорю, - как я могу везде идти строем? То в МСЧ надо сходить, то больного позвать и т. д.". "Садитесь, напишите объяснительную". Я не стал писать. Меня временно отпустили. Я ничего не мог понять, откуда ветер. Или кому-то нужно мое место. А желающих много походить в белом халате и не быть голодному. Или это причина посадить меня. После обеда меня вызвал начальник колонии и показал мне целую стопу бумаг, написанных на меня. Даже врач и начальник МСЧ написали, что я самовольно положил больного в МСЧ, хотя это не было так, и лечу по отрядам больных. Я не хотел верить своим глазам, но факт есть факт. Те, кто кушали со мной, вежливо разговаривали и почитали, крепко жали руку и желали здравия, эти люди написали то, о чем я писал выше, и даже кое-кто в двойном экземпляре! Я так смог воскликнуть: "Мне никто ранее не делал замечания, ничего не говорил, все были довольны, а это..., -хотелось сказать, - заставили написать".

Да, в глазах начальника колонии, если он не знал сути происходящего, я действительно выглядел нарушителем режима содержания, хотя он смог бы меня понять даже и в этих случаях, но разве дух зла позволит ему трезво мыслить, когда он задумал злое?! Начальник дал мне понять, что отправит меня работать с металлом, чтобы я знал почем фунт хлеба. Я был не против, но это было не все. "Сколько суток тебе дать?" - спросил начальник. "Сколько Вы посчитаете справедливым", - ответил я. Он действительно хотел показаться хотя бы справедливым: "Десять суток". Пораженный происходящим, я вышел из кабинета. Сразу почему-то меня не закрыли, и я пошел в отряд. Все мне сочувствовали, выражали соболезнование и ругали тех, кто меня посадил, и высказывали различные доводы. Я сам терялся в догадках: почему и кто? Но Господь знал, что делал, а делал Он все правильно. Не могли смотреть мне в глаза лишь те, кто написал на меня бумаги. А написали даже то, чего не было: будто бы я по ночам песни пою и т. д. Правда, вечером изредка (принесли гитару) пел кое-кому, но не по ночам же.

И удивительно: в этот же день мне приходит поощрительная посылка от жены. И вот в этот короткий момент, когда разбирали мое дело, я смог ее получить. Мы еще покушали с Олей, угостил я того, кто написал на меня две бумаги, и думаю: еще быстро постираюсь, может утром закроют, ведь там такая грязь, и десять суток ни умыться, ни постираться. Только постирал трусы, майку, носки, и слышу: вызывают меня. Дело уже к отбою, на улице темно. Кончилось 29 февраля (високосный год), и в то же время это был последний день работы нашего начальника колонии перед длительным отпуском. Я одел, вместо постиранного, теплое белье снизу, шерстяные носки и пошел. Надо отметить еще, что то время (где-то с трех часов дня, как мне написали десять суток штрафного изолятора) до того, как закрыли (где-то в полдвенадцатого ночи) -время ожидания весьма тяжелое, тяжелее, чем сама кара. Неизвестность впереди (а ведь что только не может предпринять враг в камере). Весь в напряжении, так что заходится сердце. Мысли спутаны, ребята заходят, утешают, выходят, а у меня и разговор с ними не вяжется. И вот только одно средство, спасающее средство: молитва. Закрываюсь в кабинете и молюсь -легчает. Господь укрепляет, но более, чем оно должно быть, Господь не снимает бремени, ибо всему свое время, и время всякой вещи под небом: время плакать и время смеяться. Как тяжело должно было быть Христу, когда Он уже шел в Иерусалим, ясно сознавая и представляя Свои муки, предательство Иуды, коварство священников и первосвященников, малодушие учеников, легковерие народа, терновый венец, плевки и удары воинов, тяжесть креста и жгучая боль в руках и ногах от гвоздей... И эта мука перед страданиями длилась не один час и не один день... О, сколько мужества, силы и любви в Тебе, Иисус, действительно достойных подражания!!!

Вызвали не только меня. Подняли с постели Сашу и дядю Яшу Когана - они ведь тоже ко мне частенько приходили - и грозили их посадить со мной в одну камеру (это Сашу). Но через время их отпустили. И остался я, ожидая своей участи, в коридоре -пустынном, холодном и гулком. "Быстрее, быстрее бы уж", - думал я.

Вызвал меня оперативник, я расписался в постановлении, и он меня послал: "Иди к прапорщику, пусть отведет тебя в ШИЗО". Я пошел, а его нет. Ждал, ждал - нет его. Пошел я наверх к дежурному. "Некому меня отвести в ШИЗО", - говорю. Он улыбнулся, позвонил оперу, убедился в наличии документа на меня, зачитал мне подробно все докладные на меня и затем меня уже повели. Привели в камеру уже ночью. Из-за того, что я постирался и на мне не было нижнего белья, кроме теплых штанов, с меня их не сняли, и теплые носки тоже нет, дали в шкафу найти куртку, имеющую более-менее человеческий вид, и брюки, я переоделся, и повели меня в камеру. Сразу, как входишь в нее, хоть и горит в глубине стены лампочка, сразу почти ничего не видишь, темно кажется, да и не только кажется. Со временем глаза привыкли, и я стал различать тех, которые спали на раскрытой наре (одна), остальные спали прямо на бетонном полу (а на улице февраль месяц). Другая нара была сломана, да и не уместились бы все равно на ней. Стали вырисовываться из темноты грязные и обросшие лица, помятые и измученные от нечеловеческих условий, в которых они содержались. Я поздоровался и огляделся, всей кожей старался понять температуру воздуха - вроде сносная. Этот начальник в отличии от того, который был раньше, хоть разрешал включать отопление в ШИЗО. Труба шла на самом полу и одна наверху. Окно ребята завесили и законопатили тряпкой, и поэтому в камере было сравнительно тепло. Как раз Господь предусмотрел такой период, что не каждое утро обыскивали камеры, и поэтому удавалось уходящему из камеры оторвать кусок от своей куртки или оставить ее целиком, или оставить брюки, и этим мы занавешивали решетку - это было нашим спасением от холода. Как я радовался!!! Сразу, сослепу да со сна, ребята, узнав, что я работал санитаром в МСЧ, сказали, чтобы поутру я сразу стучал и выходил из камеры, так как считали зазорным сидеть с человеком общественной работы, но потом, когда узнали, что я верующий, и нашлись кто знал меня прежде, знал добрые дела мои и жизнь мою, сказали: "Ладно, сиди, расскажешь нам истории из Библии". А что мне еще надо?! Я ликовал.

Немного поясню, что работники пищеблока, культработники, санитары МСЧ, завхозы и т. д. считаются в зоне нехорошими людьми, так как они часто притесняют, обманывают, объедают заключенных. Не все, конечно, такие. И при первой возможности в камерах или на этапах, в тюрьмах им жестоко мстят. Но мою миссию они понимали, что я санитар не потому, что хочу жить получше, а потому, что я врач, а врачем мне в зоне не дают работать.

Рассказов моих хватило почти на пять дней. Больше и не вмещалось уже в слушающих. Один из слушавших казахов даже возмутился: "Все Бог да Бог, надоело". Потом другие еще стали просить, но ради того, кто не принимал уже, приходилось молчать. "Не давайте святыни псам". Затем разговор коснулся песен. "Могу я и спеть", -говорю. Меня стали усиленно просить. Не сразу я согласился. Только на следующий день вечером я им спел, потому что стал просить и тот, который стал противником.

Впечатление было поразительное. "Вот это да! Вот это другое дело!" и т. д. Просили еще и еще спеть. Я им спел три песни: "Еще недолго", "Любовь Христа", "Журавли". Гимны пришлись им больше по сердцу, чем рассказы.

Спать приходилось мне тоже на бетоне. Снимал сапоги, один под голову, другой под грудную клетку (бок), чтобы не так быстро заболеть туберкулезом, хорошо, если кто-нибудь уделял еще один сапог под бок. Тогда было совсем хорошо. Снимал куртку и надевал ее на себя поверх рук, так теплее. Лицо прятал иногда в куртку, дыша туда, и вечером вскоре засыпал. Переворачиваясь энное количество раз с боку на бок, кряхтя и вздыхая, мы доживали до утра и ждали завтрака, который состоял из ломтика хлеба и кружки воды. В обед то же самое, и в ужин. На другой - вместо кружки воды черпачек мутной воды с несколькими крупинками каши. В одежде, как правило, масса вшей, ибо она почти не стирается, пока не изнашивается или не рвется. Ночью еще мучают клопы, которых тоже много. Все это кусает и сосет и без того обедневшую кровь. И только начнешь чесаться, тянет еще чесаться, и вскоре на теле расчесы, гнойнички от грязи, сплошь покрывающие тело: руки, грудь, спину, ноги и лицо, и даже голову (особенно летом).

И вот мы дождались обеда, когда солнышко поворачивалось в нашу сторону и несколько круглых лучиков пробивалось сквозь толщу решеток. Мы снимали по-очереди свои пиджачки и

брюки и, подставив их под лучик (так только видно вшей, до того темно в камере) находили вшей по швам и давили их. Аж ногти на больших пальцах в крови от лопнувших вшей. И вот после этого до следующего обеда немного полегче, кусают только еще не найденные вши, а ночью клопы. Вскоре я стал такой же грязный и обросший, как все. Даже приятно смотреть на вновь заходящего, какой он чистенький, беленький, и думаешь про себя: "Скоро и ты будешь такой, как мы". Когда руки становятся слишком грязными, трешь их одна о другую, предварительно плюнув на них, и смотришь - грязь скатывается, и руки чуть-чуть становятся белее. Ну а остальные части тела уже вынуждены с мытьем ждать конца ШИЗО. Молитву не прекращал в любых условиях, что и было подкреплением и утешением.

Соль добрая вещь

Один раз нас обстригать выводили, пару раз обыскивать, но все было удачно, и срок никому не добавляли, кроме тех троих, что лопатой и ломом били завхоза своего отряда. Им по окончании пятнадцати суток дали еще пятнадцать, а другому добавили трое суток за то, что сильно громко просил, чтобы хотя бы посолили мутную водицу (суп), ибо он совсем не солился или разводился водой, чтобы был пожиже. А так его очень неприятно есть. Мы просили, чтобы нам лучше дали чистой воды. Вскоре стали солить суп, но, видите, через жертву. Человеку пришлось пострадать, и таким образом, через многие жертвы еще кое-что удерживается и кое-чего добиваются в этой системе. "Соль - добрая вещь. И если соль потеряет силу, она уже ни к чему не годна, как разве выбросить ее вон на попрание людям". И действительно, как бедна пища без соли, с трудом проталкиваешь ее в желудок, и пища теряет всякий вкус. Да и нужна соль организму для правильного обмена веществ и регуляции процессов в организме, ибо входит в состав наших клеток. Так мы призваны быть солью для окружающего мира, чтобы украсить его, дать ему нужное качество и цену, быть регулирующим моментом в отношениях между ними, а также между ними и Богом, т.е. быть указателем к Богу. И последнее: входить в состав мира, т.е. быть среди них, среди них, непременно среди них и лишь тогда возможно свидетельствовать. "Пойдем в ближние села и города, чтобы Мне и там проповедовать, ибо Я для того пришел" (Марк. 8). Как-то нас вывели для очередного обыска, и стоит доктор, который написал на меня бумагу. Я боролся. Что ему сказать? Проходя мимо, я сказал с улыбкой: "Здравствуйте, доктор". Он с трудом выдавил что-то вроде: "Почему ты здесь?.." Впоследствии я пошел к нему, уже после ШИЗО, и спросил: "Поясните мне, я не могу вместить, все было хорошо, и вдруг от Вас бумаги?! Я хорошо думаю о Вас и хочу расстаться в мире". Он сказал: "Разве ты не понимаешь? Ведь ты сидишь не первый год. Прислали нам записку сверху, чтобы мы написали...". Постепенно все вставало на свои места. Работники из органов КГБ посчитали, что для меня слишком хорошо в белом халате, видимо и прочитали мое письмо, написанное вне цензуры, а что почта проверяется ими на почтамтах - в этом я уже убедился. Приехали сюда в зону и дали распоряжение оперативникам найти причину посадить и затем поставить на тяжелую работу. В один день было все оформлено, вызвали общественников, те написали -куда они денутся?! И в конечном итоге я в ШИЗО. Да даст Господь не таить обиды и прощать и любить их всех.

Недавно меня снова вызвал оперативник с представителем из КГБ и, помимо всего, коснулся вопроса любви. И когда он меня спросил, люблю ли я тех, кто меня сажал, и оперативников, и вот рядом стоящего, я мог твердо сказать: "Да, люблю".

Когда прошло дней шесть моего ШИЗО, завели Васю - 15 суток. Это был человек очень худой, но крепкой воли. И на поводу у администрации не шел, за что и получил 15 суток. Память и язык у него были на месте. Когда я после шести дней сказал, что я в основном уже все рассказал, что знаю, он удивился. "У меня бы на год хватило запасу", - сказал он. Он душой понимал меня и защищал. После его прихода уже никто не дозволял себе шуток и высказываний против веры, ибо авторитет Васи был высок среди ребят. Я же благодарил Господа. Так и прошли эти десять суток. Я сделал, что смог, для спасения душ тех ребят, что были со мной, и это меня радовало. В день выхода я еще ужин (кусочек хлеба с водой) оставил ребятам, а также

теплое белье и свой пиджак, а взял худой и изорванный, перекинул через плечо, и передо мной открылись двери камеры. Это, конечно, опять был риск быть наказанным (за изорванную куртку), но этого требовало правило камеры и товарищеские отношения. Со мной из другой камеры выводили еще одного человека - Сережу. Очень распущенный и предательский парень, но ведь тоже с живой душой. Как-то имел и с ним беседу о смысле жизни. Ему здесь оставалось очень мало до конца срока, он радовался и считал дни. Но радовался он зря. В день освобождения он был сбит машиной насмерть (может и специально это сделали те, кому он навредил). И сколько раз я уже замечал, что Господь меня по Своей милости посылал к человеку как последнего вестника, ставил последним указательным знаком в небо перед пропастью в вечную погибель. Как велика же наша ответственность, ответственность нашего хождения пред людьми и Богом!!!

Вышел я из ШИЗО в воскресенье. На дверях процедурного кабинета висел замок, где я раньше спал и жил. Ключ Оля не оставила, и я без всяких подозрений и опасений попросил ребят, они сделали быстро проволочный ключ и открыли мне замок. Я переоделся, привел себя в человеческий вид, ребята принесли мне и подарили чистое новое нижнее белье (а это очень ценно здесь) -принесли те, кто был близок к покаянию. Но мы не знали, что нас ждало расставание, и верно говорит народная мудрость: "С глаз долой - из сердца вон". И только я расположился отдыхать, мне сказал Юра (он и написал на меня две бумаги; он был руководителем общественности и одновременно завхозом отряда), чтобы я немедленно, как открывал, так и закрыл кабинет, чтобы взял вещи и перенес к ним. Тут только ребята мне стали рассказывать, как тут на мое место уже рвался один, но Оля его не захотела, зная, что он будет предавать ее. Юра поднялся против Оли и поставил ей полный бойкот. Воды никто не носил, пол не мыл, не топили печь, и она, бедная, мерзла и вынуждена была делать все одна: и процедуры, и выше все описанное - пока не пошла к начальнику. И тот только поставил Юру на место. Оля очень просила за меня, взять меня опять санитаром, но начальник был неумолим.

На следующий же день меня перевели в отряд номер 5, который работает здесь в самых тяжелых условиях. Очень не хотелось мне, но ведь Господь знает путь мой.

Перешел я в отряд, сам начальник отряда дал мне место в углу на втором ярусе, где стены особенно цвели плесенью, и потолок тоже. Подо мной спал человек, который как раз был на работе, и мне сказали, что он выгонит меня с этого места. Он сидел за убийство двух человек, 10 лет сроку после многих жалоб и ходатайств. Защищал жену. Парень этот много читал и был с виду ярый атеист. Вечером он пришел с работы. Мы разговорились. Мне пришлось его просить, чтобы он не выгнал того человека, который говорил мне, что меня выгонит Олег. Он, действительно, во многих областях знал больше моего, ибо много читал и был грамотен. Но Господня мудрость и грамота превыше всего, в этом я уже убедился. Мы иногда беседовали. Он горячо доказывал свою правоту. Прошло четыре месяца, и мой Олег понял весь блеф и пустоту этой литературы, газет, что он читал запоем, и вообще перестал их читать. Всегда радовался встрече и беседе со мной, хотя был авторитетным человеком на работе, делающим новшества в технике, что даже офицеры спорили друг с другом за соавторство с ним. Затем он бросил чифирить и курить и говорит мне: "Ты меня заинтриговал. Освобожусь - обязательно найду верующих и поинтересуюсь, так ли все, как ты это рассказываешь". И эту решимость не смогли поколебать даже атеистические статьи в газете, которые он раньше читал. Вообще, узы я бы хотел назвать периодом сплошных благословений! Будь то в скорби или в радости - все равно благословения. В отряде опять же Господь нашел влиятельного человека, чечена, который распределял некоторые места. И спустя 18 дней освободился человек, и мой чечен, Аслан, дал мне место на низу.

Впереди работа, и работа тяжелая. Немножко страшно. Ведь давно не работал физически, да и ослаб после ШИЗО. Прихожу к наряднику узнать, в какую смену мне выходить. Он говорит мне: "Пока отдыхай. Когда скажешь - я положу карточку, в какую смену хочешь. Для доброго человека и добро не грех сделать". Я не знал, как благодарить его.

В отряде все же было трудно находиться: как переделывались заборы, туалеты, и поэтому в понедельник я пошел и попросился на работу (чтобы не попасть на работу в отряде с забором,

ибо это тоже осуждается заключенными, это делают общественники). Прихожу на работу в цех: вокруг гудят и громыхают станки. Цех огромный, и ворота тоже. Так что ветер свистит в три ворота, и в цеху так же холодно, как на улице, если не холоднее, ибо на улице уже 11 марта, чуть-чуть пригревает солнышко. В цехе можно ногу сломать: валяются детали, железо, угольник, отходы, бочки, жесть и т. д. Я с трудом нашел бригадира. Он мне сказал: "Сегодня присматривайся, а завтра найду тебе работу". Я присматривался. На следующий день прихожу, меня встречает диспетчер по рабочей зоне, Христиан - так зовут, он тоже врач в прошлом, попал за авантюру с карантином и деньгами, выделенными горисполкомом на карантин. Присвоил их себе. Посочувствовал мне и говорит: "Сегодня отдыхай, завтра я тебе помогу с работой". Назавтра он меня пригласил к себе в кабинет, дождался коменданта промзоны Володю и говорит ему: "Вот этого человека возьми к себе в бригаду, я ему буду оплачивать. А он пусть сидит у тебя в будке. К работе не принуждай". Я стал возражать и говорить, что не могу без работы, да и смотрят за мной очень. Все же Володе пришлось меня взять к себе в будку. Ну что мне желать лучшего? Господь Сам меня вел путем благословения и свидетельства. Беседовали мы и с Володей. Тоже незавидная судьба: с родителями поссорился, не переписывается, и уже сидит лет восемнадцать, когда самому только 32 - 33 года. Правда, о Боге слушал больше из-за интереса, чем по решению идти за Ним. Работать мне вообще не надо было (так сказал Христиан), но он ведь не знал, по чьей указке меня списали работать с железом, и потому я все же работал в бригаде Володи сколько было по силам: разгружали вагоны с железом трактором и тросами и затаскивали волоком в цех (а сколько гнулось и портилось?!). Когда уже железо стало тонуть в грязи, тогда стали грузить его на тележку. В общем мы к вечеру были грязные и усталые. Но я был на свежем воздухе, и солнце, и ветер ласкали нас - не достояние ли это?!

Потом я отдыхал с недельку и решил все же идти туда, куда меня послал начальник, ибо он обязательно проверит, где я работаю. Попрощался как можно вежливее с Володей, а он не хотел меня отпускать, ведь раньше не знал человека, которого оставляешь дома, а он рвется на работу. И пошел я опять к бригадиру в цех. К счастью, там был уже другой, а с ним уже переговорил на счет меня один из тех, с кем я сидел в камере. И тот меня дал в напарники одному Гене - посадили за квартирную кражу на восемь лет. И мы с ним на улице на станке стали рубить уголки. Парень этот - Гена -был на удивление обходителен и внимателен, очень послушен и слушал со вниманием Слово. Был уверен, что есть Бог, и говорил, что так же, как я его учу, учила его и покойная бабушка. Рассказывал, как Господь расправляется с безбожниками. Знал он одного гармониста, очень веселого человека, любимчика на всех свадьбах и гулянках. И любил тот очень петь богохульные песни. И как-то он опять спел что-то дерзкое против Бога, а наутро встает, а у него голова опущена на грудь, так что подбородком уперлась и не поднимается. Так и осталась голова его висеть на груди, и на том закончилась его веселая жизнь. Не мог он больше петь богохульные песни.

На улице становилось все теплее и теплее. Шел уже апрель 1985 года. Мне оставалось до конца срока уже менее четырех месяцев. Но Господь ведет нас Своими путями, и Он к концу срока, именно к концу, иначе невозможно было, приготовил мне два снопа...

Два снопа для Бога

В раздевалке, где раздевалась наша бригада, шкафчиков пустых не было, а просто на крючки вешать не хотелось, ибо не уверен был, что приду утром - и одежда будет на месте. Пошел я в цех, где раньше работал Артур, сейчас он лежал в больнице, спросил: "Кто раздевается в шкафу Артура?". Мне ответили, что Володя. Надо же мне его спросить, можно ли мне с ним переодеваться там, хотя шкаф и принадлежал моему хорошему знакомому, Артуру. Нашел я этого Володю. Мне как-то сразу даже неловко стало: сидит такой здоровенным мужик атлетического сложения в майке и читает газету. Ну, думаю, этот меня может прогнать. Какой-то он нелюдимый и строгий и уж очень широк в плечах (а такие люди обычно себялюбивые). Ну спросил я, разрешит ли он мне переодеваться с ним в шкафу. Не очень охотно, но Володя

согласился. Сначала мы встречались изредка и были на расстоянии. Но вот приближалась Пасха... Сидим в Пасху, 14 апреля, и греемся у термопечи. И Володя там. Ну и разговорились о Пасхе. Мой Володя, вижу, ожил, глаза заблестели. "Я, - говорит, - сижу за то, что в Пасху рыбу ловил, Господь меня наказал". Расспросил о сути Пасхи. Когда узнал, что я верующий, он в конечном итоге сознался, что в душе уже больше года хотел встречи со мной, но все что-то мешало и в то же время не доставало, а не доставало, видимо, решимости. В тюрьме еще он сам себе сказал: "Курить не буду". И бросил навсегда. Многие пытаются, но редко кому удается. Жил много на севере, в суровых климатических условиях, сам коряк по национальности, знал и голод, и нужду, вырос с матерью вдовой. Жил со староверами. Одно время и ему понравилась их стойкость и непримиримость в отношении мирского. Те даже поджигают себя, когда их принуждают поклоняться и соприкасаться с мирским. Кое-чего ихнего он придерживался и считал себя старовером. И вот нужно было с Господней помощью отобрать у него его "святыню" и указать ему на Христа, на возрождение, показать, где действительно жертва, а где ненужное самосожжение; где можно удерживаться от мирского, а где и не надо, как, например, работа среди мирских, магазины, деньги, инструменты, машины - всем этим можно пользоваться. А вот староверы не ходят на работу, в магазин, не пользуются ничем от заводов и фабрик, только тем, что сделают сами. Трудно было посеять что-то новое в это горячее сердце. Иногда на меня обрушивался град речей и доводов против, я только успокаивал себя тем, что говорил себе: "Я сделал все, что мог". Но нет, Господь предусмотрел для нас большее. Ведь я молился: "Господи, утешь и обрадуй меня плодом, ибо я для Тебя (вернее, за Слово Твое) страдаю, и это так многим непонятно, которые осуждают меня, а там чуть ли ни полцеркви нашего города ушло в лжеучение, там дети, жена в печальном состоянии. И не нашлось ни одного сильного, даровитого брата, который бы продал дом, переехал к нам и взял бы в крепкие руки церковь, и она была бы спасена. Думаю, что, к тому же, иные обвиняют в душе меня: "Вот, мол, не подумал о церкви, наделал делов и сел...". Да, лишь Господь и спасенные души будут моим оправданием!!! Но Володя постепенно оттаивал от своего и иногда уже говорил не "мы, староверы", а "у нас, христиан". Дар речи и энергию Володе не занимать. Как только он что-либо усваивал, тут же, как тема в цеху касалась, он уже смело свидетельствовал. Я радовался. Часто мы беседовали. По нескольку раз в день он приходил ко мне на скамейку, где мы работали за станком, ждал, когда мы выключим станок для отдыха, и нам уже ничего более не надо... Как два голубя... Множество вопросов, тем, острых проблем, но все помогал разрешать Господь. Появились и недруги у Володи, презирающие в нем веру. Он смело, без стеснения воевал с ними Словом Божиим и мудростью от Бога.

Иногда у него даже проскальзывало желание быть нашим братом по окончании срока. Стал я ему объяснять, что Слово Божье говорит нам только "сегодня"... В конце концов, после долгих моих молитв и наших бесед, слышу: "Хочу покаяться...". А каяться было в чем. Трижды женат, блуд, дети, резал ножом человека (правда, Господь сберег его от внезапной смерти, умер через год-два), пьянство, разгульный образ жизни, драки (а силы ему не занимать) и т. д. Но где, где помолиться нам, чтобы не помешали, не воспрепятствовали, сразу не напугали еще не окрепшую душу? Место искали долго, и все нет подходящего. Володя уже прошел офицерскую комиссию и ждал суда, чтобы уйти на стройки народного хозяйства. Ведь узнают, что уверовал, и могут не выпустить на химию. Но Володя этого не боялся, и меня это радовало. Иногда он говорил: "Давай здесь покаемся". Здесь - это означало на людном открытом месте, которое обозревалось далеко со многих сторон, перед бараками. Проходит Володя суд. Сам признался, что и он просил Господа о помощи, и Господь услышал.

Проходит много времени, а мы никак не можем найти место, все просматривается зорким глазом. А ведь как легко потом растерзать этого ягненка в вере. И вот должна уже быть отправка, но не отправили. Володя утешал меня тем, что "отбуду химию - приеду к тебе и обязательно покаюсь". Будет ли это? Господь знает. Он уже получил обходной лист, и тут я ему говорю: "Приходи ко мне на промзону, мы что-нибудь придумаем". Думал пойти по будкам и попросить где-нибудь пристанища. Но кто согласится сам уйти из дома, оставив гостей? Это ведь вызывает подозрение и кажется странным. Удивительно, но Володю пропустили на промзону, хотя он уже

не работал. Так устроил Господь. Места нигде не нашли. Вдруг Володя предложил: "Давай залезем на "модуль", там ведь ближе к Богу". "Модуль" - это высокий, вновь строящийся цех с плоской крышей, и на ней если находишься, тебя не видно хотя бы с близких объектов, а из далека Господь закроет им глаза. И мы полезли. Впереди Володя, потом я. Мне из цеха ребята кричат: "Ваня, ты куда? Пожалей детей, ведь осталось немного". Но какая могла быть остановка?! Душа жаждала спасения. На крыше мы еще немного побеседовали и преклонили колени. Володя помолился. Трудно, но из глубины души вырывались стоны о прощении, просьбы о помиловании и помощи, возгласы о желании служить Господу и быть Ему верным до конца жизни! 37 лет душа блуждала, сатана купал ее в своем море греха и зла, похотей и плача, горя и страданий. Но Господь за один раз Своей кровью омыл и смыл всю нечистоту греха с глубины сердца и сверху и даровал сердцу мир!!! Володя мог и благодарить за прощение, и просить об исполнении Духом Святым. И Господь сделал это. Радость ручьем, потоком хлынула из сердца Володи. Он распростер объятья и готов был обнять мир с любовью, которую ему дал Господь. Душа спасена! Ангелы ликуют! Как не радоваться мне?! Стоит поболеть и потрудиться,

Стоит пострадать и порыдать Для того, чтоб с Ним навеки слиться, В той стране хвалу Ему воздать.

Мы никак не могли оторваться от нашего места счастья. Дал ему еще возможные наставления и советы, и мы еще раз поблагодарили Господа со слезами. Земля приняла нас, радостных и восторженных. Мы еще немного посидели на нашей скамеечке. Объявили съем с работы, и мы пошли на съем. На следующий день опять объявили отправку, и уже мы попрощались, но подождали, подождали наши химики и вернулись в барак. Прихожу с работы - а там мой Володя. "Значит еще не время тебе уезжать, значит еще не всего достиг в тебе Господь", - говорю ему. Он согласился. Еще около двух недель нам Господь даровал быть вместе, обоюдно укрепиться, Володе значительно подрасти в вере и познании, выстоять против первых искушений. Трудно Володе пришлось. Один человек, разозлившись, сказал ему такое, что, быв неверующим, Володя тут же избил бы его или ударил ножом - это было бы его оправданием. Но тут Володя только покачал головой, сделал ему замечание, что нехорошо ругаться, и отошел. Я благодарил Господа. В этот же вечер оскорбляющий и оскорбленный быстро помирились. Слава Господу! Как-то прихожу с работы часа в два ночи - Володя на улице, как есть, из постели, и такой радостный, такой возбужденный. "Ты видел взрослого ребенка? Вот он - я!" - говорит он. "Я как будто лечу. Дух наполнил меня радостью и ликованием. Это, - говорит, -случилось после молитвы минут через 10 - 15. Аежу, размышляю и уже стал засыпать, как на меня нашла волна, меня как-будто подняло, я сразу же встал, пошел на улицу, а мне так хорошо!..". Я пояснил ему, что это Дух Святой его исполнил, и мы, еще возрадовавшись, пошли отдыхать. Дивны пути Господни и глубоки помышления Его!

Последнее возвращение брата домой

Радостный день обращения Володи был 3 июня, а второго июня вдалеке от Гурьева, в зоне, отбывая уже не первый срок за веру, отошел в вечность брат Яков Францевич Дерксен. Он еще ночью встал, сказал соседу по наре (или внизу спящему), что у него болит сердце. Тот ему дал таблетку валидола. Брат ее принял, а утром на наре уже лежало недвижимое тело брата. В тот же день сообщили его многодетной семье в деревню Аполоновка Омской области, и за телом брата поехали на машинах. Тело отдали родственникам и жене на захоронение, что было радостью для многих. Третьего июня выехали, а шестого привезли брата в его родную деревню. Уже не первый раз эти леса и дома, люди и церковь провожали в узы и встречали его, на этот раз встреча была особенной. Брату оставалось из пяти лет десять месяцев. Он и родные уже считали дни до встречи и мысленно радовались ей. Сколько лет прожили в разлуке. На этот раз брат уже ничего не смог рассказать о пережитом и о чудесах славы Божией. Поэтому и мне хочется это сделать ради его или вместо него и за себя. Брат был особенно даровит в познании и истолковании Писания. Как он глубокомысленно и обширно излагал его! Я поражался. Притчу о десяти девах,

или вот 11-ю главу Откровения Иоанна. Она короткая, но он мог говорить о ней целый библейский час, и мы все слушали его, затаив дыхание. Да и в проповеди он излагал мысль обширно и понятно. Не случайно он и был избран в руководство церкви. А ведь церковь стараются обезглавить, и брат раз за разом заключался в узы, и все по пять лет, а первый срок его был 25 лет! И в конце концов сердце, бедное, многострадальное сердце не выдержало и, усталое, остановилось. Один Господь знает, сколько ему пришлось вынести ран, травм, побоев, оскорблений и обид, унижений и страха.

Я вспоминаю день 5 июля 1977 года. Брат только освободился, и мы были приглашены на молодежное общение в Марьяновских лесах Омской области. Мы еще попали на общение, но кто вздумал приехать после девяти утра - уже не попали, дороги все были перекрыты органами власти. Общение шло полным ходом: была и палатка для молитвы, и электромузыка, и говорящий Слово брат Яков Францевич еще отметил: "Я заметил, что очень много машин и мотоциклов здесь. Пусть руль каждой автомашины будет направлен в небо...".

Через некоторое время началось. Пригнали два трактора: ДТ и К-700, и тракторист ДТ с страшным и пьяным лицом стал прямо наезжать на сестер и братьев, К-700 стоял и газовал, чтоб не слышно было слов. Нафотографировали органы власти - милиция и дружинники, а их наехало много - и требовали руководителя. И тут только во всей этой суматохе начались покаяния. Как это было славно! Оставалось возможным только петь.

Затем нас, вставших в круг, стали сзади отрывать друг от друга за головы и волоком тащили в свои машины, чтобы увезти в милицию. Я помню брата Петра Зименс из Щучинска. Человека 4-5 толкали его в машину, а я с кем-то тащили его назад. Кругом стояла пыль, и шум, и крики. Лес, в котором мы были собраны, стали опахивать плугом, а мотоциклы грузить на машины. Номера с машин поснимали. Мы перешли на другое место, но там повторялось то же самое, и в 4 - 5 часов вечера мы вынуждены были прекратить служение. И все это действовало как на сердца братьев и сестер, так и на измученное сердце брата.

Когда он в этот раз освобождался, он рассказывал, что оставил на последний день отоварку, накрыл вечером стол, пригласил ребят, а когда покушали, взял гитару и спел им. Пел о матери. Это самая понятная песня для заключенного и самая близкая. Все, все уже давно отвернулись и забыли за долгие годы разлуки, а мать все плачет, молится, шлет письма и посылки, и одна единственная, старенькая, еле влача тяжелые сумки, приезжает к многострадальному сыну на свидание. Я был свидетелем тому многократно. И горе тому, у которого умирает мать, он остается один навсегда!

В тот раз мне еще посчастливилось быть у ворот зоны с некоторыми братьями и его женой. Когда брат выходил после пяти лет, радостный и сияющий, и говорил: "Прямо не верится, ноги уже шли по вольной земле, а сердце отказывалось, так долго оно уже билось в неволе, что потеряло представление о воле". У меня с собой была гитара. Я ехал с Рязани от брата Редина и проспал в Исиль-Куле остановку (ехал на встречу), и попал прямо к зоне в Омск. Мы сели на травке у зоны и стали петь. Из столовой повыходили люди и кругом стали слушать. В зоне оставался еще один брат (Тевс, видимо), который нам махал из окна фабрики рукой. Вскоре брат получил расчет, и мы поехали домой. На этот раз нам не смогли помешать, и мы удачно (отец тоже приехал на машине) въехали в деревню, и вечером состоялась торжественная встреча. Это было 2 июня 1977 года. 2 июня 1985 года брата встречали ангелы на небесах! Один брат, вернее, родной брат усопшего брата - Андрей писал, что никогда еще старая Аполоновка не видела столько народа. На похоронах присутствовало более полутора тысяч человек! Человек отдал себя всего на служение Богу и людям. И люди и Господь не забыли и воздали и еще воздадут!

По области было дано указание бригадирам и начальникам, чтобы никого не отпускать с работы на похороны. Но братья поступили мудро: были похороны попозже, после работы (как никогда, можно сказать, не делалось), и все, кто хотел, смогли приехать, проводить брата в последний путь на этой земле. Приехали гости где-то на ста машинах. Пел хор - около ста человек, объединенный хор. Говорили Слово восемь братьев, и все возносили славу Богу. Пример жизни брата Якова Францевича достоин подражания, и также его кончина.

В узах отдать жизнь за Христа -
Что может быть желаннее?
Двойной ценности смерть -
Двойная и будет награда!

Верю, что брат теперь в сонме святых с златым венцом на челе радуется с Иисусом Христом славе Божией, о которой он столько рассказывал людям, проповедывал и пел!

Нам, молодые, теперь нести знамя истины дальше, взявши его из рук уставших и обессилевших старцев, отдавших жизнь за имя Господне!

Не будем ленивы и боязливы; пусть суета, жизнь и заботы не скуют призыв Духа к труду, к свидетельству! Да славится имя Господне в народе!

Пс. 137: "Прославят Тебя, Господи, цари земные, когда услышат слова уст Твоих...".

Один брат ушел в вечность второго числа. Третьего Господь возродил нового и даровал ему немало талантов: Володя возрастал и укреплялся духовно с каждым днем. Ему Господь иногда открывал больше, чем мне. Я дивился его откровениям и его мыслям. Он вместе со мной радовался свиданию, которое меня ожидало. И действительно, 11 июня приезжают жена и дочь Лиля на трое суток личного свидания. Их сопроводили до зоны из Караганды братья с меннонитской общины. Они помогли жене с грузом (продуктами), и я им был очень благодарен. Да воздаст им Господь. На свидание братьев не пустили, и им пришлось вернуться обратно, а мы с женой и Айлей провели три благословенных дня. Узнал, что наиболее печется о моей семье именно вышеуказанная община, но помогают и другие церкви. Написал я еще своей церкви и молодым сестрам письма и предостережение от лжеучения, что и многократно делал раньше. Что я еще мог делать, как только плакать в душе, молиться и слать письма. Осталось человек 10 или 12 в церкви. Молю Бога о духовном пробуждении, о том, чтобы выслал делателей к нам, о месте собрания, о приложении душ к церкви, об укреплении оставшихся. И Господь услышит! Володя же был доволен самым малым и мог быть благодарным за малое доброе дело и, как обычно, говорил: "Да не оскудеет рука дающего".

Привел он как-то ко мне одного молодого человека лет двадцати девяти и говорит, что этот человек интересуется вопросами о Боге. Звали его Вадим. Вадим не решился сразу ко мне подойти, а вот к Володе подошел, видя, как тот по-детски уверовал, и подошел к нему с вопросом: "Правда ли, что верующие такие святые и чистые, как они рассказывают?". Влекла, значит, Вадима чистота и святость. Не помню уже, что за вопрос он мне задал, но у нас завязалась беседа, и по ее окончании он не удовлетворился тем, что мы разобрали (как обычно бывает), а имел желание еще побеседовать, на что я с радостью согласился.

Итак, мы стали также изредка беседовать с Вадимом, больше с Володей, ведь мы понимали, что он скоро уезжает (что его увозят), и как ему придется, и что его встретит - знает один Господь. И действительно, жизнь потом показала, что хоть маленький, но запас масла (всего за 17 дней уверования) очень пригодился и очень нужен был, и он устоял с ним, о чем я напишу позже. 19 июня Володю увезли. Мы даже не успели попрощаться. Я как раз был в сапожной мастерской, учился там понемногу сапожному делу, думаю, дома пригодится.

Как-то в конце августа 1984 года в процедурный кабинет ко мне зашел начальник колонии и спросил, сколько мне осталось сроку. Я ответил: "Одиннадцать месяцев". "Не раскрутишься?" - спросил он, т. е.: "Не добавят тебе?". Я сказал, что не знаю. Это меня навело на размышления. И действительно, настраиваться на освобождение сильно не стоит. Редко кто из наших братьев и сестер освобождается. Обычно ищут причину, или подложат деньги, или усмотрят в письмах (причину можно всегда найти) и увозят в тюрьму, добавляют срок. Я понимал силу моего дела. В обвинительном заключении сказано: "Преступление совершено с особой дерзостью, долго длящееся, не прекращающееся". С одной стороны это радовало: "Коль силы неверия признали слова, написанные на стене, долгодействующим и даже непрекращающимся действием, а с другой стороны я понимал, что меня могут не выпустить из страха, что я снова сделаю что-то подобное. Да и о моем свидетельстве по домам, по вокзалам, поездам и автобусам с гитарой и с сыном органы власти тоже знали, и о работе в церкви. И я написал о своих сомнениях домой. Там

сразу отбили министру внутренних дел Казахской ССР телеграмму о том, что мне грозятся добавить срок, что я терплю несправедливые гонения за веру в зоне. Приехал представитель из управления МВД ко мне по поводу телеграммы. Мне пришлось все написать, как что было, а чего не было. И, надо сказать, действие этой телеграммы возымело длительное действие. Меня не трогали, и я ходил свободно, работал и свидетельствовал шесть месяцев, пока не посадили на десять суток. Да и после я чувствую, как руки у администрации укорочены по отношению ко мне. И хотели бы показать, и заставляют писать объяснительные за разные мелочи, но пока вот уже пять месяцев опять после ШИЗО не трогают, хотя и причин уйма. Только за обращения и беседы могли бы уже закрыть, да и не только закрыть. Но Господь держит руку Свою надо мной, благодаря молитвам церквей. Также я твердо верю: во имя нужды труда в нашей Шахтинской церкви и в семье. Господь приведет меня домой, хоть и кажется это невозможным. От Марата почему-то я не получал писем. Или органы их задерживали, чтобы препятствовать нашей связи, или он сам не писал, увлекшись чем-то другим. Да будет милость Господня и Его благодать над ним. Может, нашел там в Минске верующих и служит Господу, а может и осуетился.

Саша меня тоже не радует. Жаль, конечно, что мы не смогли с ним быть столько вместе, пока он не смог возрасти в вере. Никогда не был у верующих, не укрепился, и снова мир, и снова такое окружение. Не может побороть сквернословие, да и не всегда говорит правду.

Зато меня радует Володя. Привезли их в город Хромтау Актюбинской области. Дали общежитие, работает каменщиком. Уехал ведь ни с чем, без копейки денег. Но верил твердо, что Господь не оставит, и от меня резко отказался взять деньги. И вот первое письмо: радуется в Господе, молится, активное свидетельство, беседы. Было такое с ним: на крыше, которую они заливали битумом, зашел разговор о Боге, и Володя говорит, что у верующих так: даже если нас будут бить и убивать, мы будем просить за них у Бога о прощении. Кто-то плеснул прямо горячим битумом и попал Володе на лицо, бок, ногу. Сначала от неожиданности Володя ругнул его, потом отошел в сторону, просил у Бога прощения, а затем и у того человека попросил прощения. "Вы бы только видели, какое впечатление это произвело на окружающих. Сразу расспросы, беседы и т. д.", - писал Володя. Я все более дивился его искренности, познанию, ревности и любви. Он писал: "Нам, корякам, Господь дал вместо жара солнца (на севере живут) жар любви". Посоветовал я ему найти верующих в Хромтау. Ведь насколько было бы легче возрастать и укрепляться. И вот он ищет и попадает на собрание к православным. Володя говорит: "Мир вам". А старушки исподлобья на него смотрят, как на грабителя. Священник сразу спросил: "Почему не крестишься?" - и стал объяснять, что православная вера первая и правая, и ему предложили придти в воскресенье. Володя пишет, что хотел бы очень иметь общение с верующими, с Иисусом Христом, но туда не пошел. Стал он искать дальше. А ведь их там проверяют два раза в день, отпускают только на два часа. Всюду контроль. Садят в отстойник, а ведь за нарушение могут и вернуть в лагерь (зону) и заставить снова отсиживать оставшиеся три года. Мы с Вадимом с нетерпением ждем письма, как у него будет встреча с братьями. Получаю я письмо. Я его списываю дословно:

"Пошлю Творцу усердную молитву, Он усмирит враждующую битву моих страстей". Брат мой, Иван Яковлевич!

Мир и благодать вам! Да будет правда Божия нам маяком. Как и обещал, пишу. Нашел Вильгельма Т., и он просит, а я передаю: напишите фамилию того человека, кто вам сказал, т. е. Владимира. Что, брат, писать? Божия благодать меня не покидает, да только дело-то вот какое. Я до этого знал научный коммунизм, но что научная вера была - узнал только сейчас. В беседах мы с тобой этого не проходили, так Господь меня знакомит. Сегодня воскресенье, я второй раз сходил, следующий раз - в среду. Так вот что: признаки последнего времени. Кто имеет уши, да слышит, кто имеет глаза, тот видит, что спорный вопрос между Богом и сатаной заканчивается. Если ты изучаешь Библию, Слово Бога, то ты идешь к спасению, стоишь на стороне Бога, а если нет - то ты на стороне сатаны и идешь к погибели. Обрати внимание на предупреждение Бога и на зов Его. Проверь Библию, и ты найдешь, что она ответит на все вопросы, волнующие тебя, и предоставит тебе практическую помощь стать действительно счастливым в твоей жизни, поможет устроить тебе твою жизнь осмысленно и разумно. Вот кое-что из заголовков. Всемирная

перемена близка. Основания для веры. Новый порядок. Пророчества и их исполнение. И идет сверка с газетами, журналами, что где случилось, т. е. исполнение этого пророчества мы видим по газетам, по сообщениям телевидения, печати; т. е. так сказали: если договорятся на конференции, то будет по Библии, а если нет, то пророчество не сбудется. Одним словом, вот мои соображения. Что это такое истинная вера только Богу Иегове (Ягве) так выходит древнееврейское.

Брат мой Иван! За меня не беспокойся, по-ихнему не будет. Я понимаю, что вера в Отца Саваофа наипервейшая, но и Иисуса Христа Спасителя не забываю, но они Его не считают. Возьму только нужное. Помню: рыба и в соленой воде пресная. Может встречу своих, т. е. евангелистов. Дольше живешь - больше узнаешь. Молодежь есть возле меня, слушают, а это уже есть кое-что, главное - интерес. Читают рукописи. Я их переписываю на 12-листовые тетради и раздаю. Вот какой я тебе вопрос большой задал. Вера у них: все разрешено, кроме курения и спиртного, за что пишу, извини. Подробности обязательно буду описывать, а пока терпимо. Ты, брат, знаешь, как увлекаешься, когда говоришь о Боге и Сыне Его Иисусе Христе, а они носы крутят, то долго я не выдержу. Пока терпимо - ходить буду, так Богу угодно испытания мне устроить, в верах понятие найти. Но я останусь с Иисусом Христом, останусь, мой брат, с вами, так как знаю чистую и прямую веру без всякого компромисса, без выгод, только угода Богу и слава Спасителю всего человечества. Они не могут быть отделены друг от друга, и сила Святого Духа с нами, и будет так, как пожелает Господь. Жена брата Раиса, и вот написала стихотворение написала. Далее следует псалом, что у нас поют уже семь лет: "Прости меня, Боже, прости, я молю... И я обещаю Тебя прославлять, И словом, и делом Тебя восхвалять".

А обещать зачем ? Что восхвалять? Любить надо, да и Сына Его Иисуса Христа. Понимаю, брат, что это письмо тебя встревожит, но и скрывать подло будет, ведь я покаялся и целовался с тобой, так что идти нам вместе, и верь, брат, я, Володька, с пути не сойду, Иисуса Христа на попрание не отдам. Чуть что - и ходить больше не стану. Как я радуюсь, что мало тебе осталось - 18 дней с понедельника. Крепись брат, и Господь нас не оставит. Привет и всего самого наилучшего Вадиму и Сашке Ф. Молюсь за вас и за всех братьев и сестер, славящих имя Отца и Спасителя нашего, и утром, и вечером, и знаю, что за наши правые дела благодать Господа нас не оставит. Здоровья семье, Иван, и тебе лично желаю от чистого сердца.

"Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих" (Иоан. 15:13).

Остаюсь с Богом и Сыном Его Иисусом Христом.

А я говорю, брат мой Иван, истину давно уже известную, что только через испытания мы можем быть уверенными в себе, это и есть наш пропуск. Так что со смирением я его должен пронести.

Обнимаю и склоняю голову тебе на грудь, твой брат Владимир, г. Хромтау.

Вот и все письмо. Немного поясню. Тут я разговорился с ребятами и узнал, что есть в городе Хромтау верующие по фамилии Вильгельм, но кто они - мне не смогли сказать. Но Господь Сам ведет моего брата, как вы и убедились, читая письмо. Письма пишет часто, и одно радует меня больше другого. Пока еще не известна мне дальнейшая судьба Володи. С нетерпением ждем письма. Написал я ему ответ на это письмо и соответствующие предостережения. Написал родителям, чтобы выслали ему посылку, а после уже постараемся помочь ему духовной литературой и другим нужным. Просил братьев писать ему. Молится Володя открыто утром и вечером на коленях. Он уже здесь радовал меня открытым безбоязненным свидетельством в зоне, тем более там. Не нужно ли нам, верующим со стажем, ставшим слишком мудрыми и осторожными, учиться у молодых ревностных верующих с первой любовью?! Ведь сказано в Откровении о первой любви, любви к Богу, но и любви к погибающим грешникам! А совершенная любовь изгоняет страх! Учиться свидетельствовать о Христе и идти в мир -вот наш девиз! Девиз христиан последнего времени. Идти с первою любовью, а остальное все Господь приложит. Я уже писал, что Господь миловал меня, что с 41-ой меня не отправили на Мангышлак, миловал Он меня и сейчас, что не взяли на этап. А скольким пришлось поехать под напором солдат и собак. Увезли и моего помощника Гену. Дали мне другого, потом еще другие, и вот Господь продолжал мое обучение в высшей школе жизни: один мой напарник

нетерпеливый, вспыльчивый, другой -упрямый, третий - ветреный и ленивый и т. д. И вот приходится учиться терпению, кротости, прощению, любви, сочувствию, мудрости и трудолюбию. Не скажу, что везде я был совершенным. Был и несдержан, и грубость проявлялась, и с неправдой боролся, но просил прощения у Бога и у человека, и снова простирался вперед, забывая прошлое. Я бесконечно благодарен Господу за уроки и за Его обильные благословения и за дивные пути Его! Работа с железом, естественно, более тяжелая, чем работа в белом халате. Но есть и свои преимущества. Оно, железо, ничего не просит, не ругается, не судит за глаза, не предает, не проявляет недовольства. Сделал дело - гуляй смело. Морально немного легче, чем работа врачом или работа в МСЧ. Просили меня опять к концу срока перейти в МСЧ, ибо была в этом нужда, но я взвесил и решил, что уже не стоит.

Последние дни тюрьмы

Научился работать на разных гидравлических и компрессорных станках (прессах). Понял, как делают машины и т. п., как гнут железо, режут тонкие и толстые листы, пробивают дырки и вырезают фигурные отверстия. Знаю, как сваривают и красят. Только выплавку стали еще не видел. Иные мне говорят: вот ты еще одну профессию усвоил, видя меня, работающим за разными большими станками. А работа, фактически, совсем не сложная. Требует только внимания и усердия, и крепких ног. Они же у меня не очень крепкие, я то умудрялся приспосабливать стульчик к станку, то отдыхал чаще. Бригадир был доволен мной, как надежным и усердным рабочим. Да, посмотреть со стороны -рабочий и только: одежда в масле, руки тоже, даже фуражка. Очень меня радовало отношение людей, у всех сочувствие, а бригадир, проходя, сочувствующе спрашивал: "Может тебе, Ваня, тяжело, может тебе дать другую работу?". Я отказывался, ибо был доволен работой. И всюду свидетельство. Если я не ходил к людям и искал возможности свидетельства о Христе, они приходили ко мне, и часто приходили, и мы садились на заветную скамеечку или в другое место и беседовали. Конечный итог - Господь и спасение души. Эти беседы всегда приносили большую радость. Ведь это наше назначение, наше призвание! Призвание всех христиан всего мира!!!

Как-то мне показал нарядчик, что я в списке на офицерскую комиссию с теми, кто хотел уйти на химию и условно досрочно освободиться. Я усмехнулся: мне осталось полтора месяца сроку. Но меня все-таки вызвали на комиссию. Многие радовались: уйдешь домой. Другие же высказывали трезвые опасения, что мне могут дать надзор. Надзор - это ставят на особый учет в милиции по приезду домой, и она каждый вечер проверяет тебя, дома ты или нет. Если нет - составляется бумага (нарушение). А дома я должен быть уже с семи или девяти часов, как они решат, и до шести утра. Два нарушения, третье - и уже закрывает суд, и статья до трех лет лишения свободы. Из города уезжать без разрешения милиции нельзя, три или четыре раза в месяц отмечаться в милиции, в общественных местах появляться нельзя. В общем - домашний арест. Только желание, а посадить человека при надзоре легче легкого, даже свидетелей не надо, что нас не было дома, только бумага, а бумага - мертвая, пиши, что хочешь. Прихожу на комиссию, а мне объявляют: по статейным признакам и в связи с указанием номер ... Вы подлежите надзору после освобождения. После мне сказали, что дают мне год надзору. Шесть дней на дорогу домой. При опоздании усматривается как отклонение по статье 180 и объявляется розыск и подлежит суду до двух лет где-то. Мое сердце тревожно забилось. Столько работы дома и в церкви, как можно что-то сделать при таком режиме? Но Господь знает путь мой, и это утешает. Радует, что хоть не помышляют добавить срок. И я крепко верил и верю, что Господь приведет меня домой. Хотелось еще побыть у родителей, засвидетельствовать другим церквам о любви Божией и о Его дивных путях, но как успеть за шесть дней? Господь усмотрит. Приезжал сотрудник КГБ и вызывал меня. Опять интересует вопрос: "Куда поедете, кто приедет встречать?". Я уже давно написал, что поеду домой в Шахтинск, и опять их волнует тот же вопрос. У нас состоялась приятная беседа о смысле жизни и об употреблении алкоголя. Господь дал мудрость, и ему пришлось согласиться в моей правоте, в правоте нашего учения. Он задал

вопрос: "А что такое - покаяться?". Я понял, что они знают о Володе, и письма проверяют и желают, чтобы я быстрее помахал рукой Гурьеву, даже он готов был мне предложить билет на самолет, но не на поезд. Жду брата моего Андрея с одеждой для меня и средствами на дорогу, и есть очень большое желание еще с Андреем, братом моим, посетить Володю в г. Хромтау. Господь и это усмотрит.

Вадим терпеливо ждал, пока я беседовал с Володей, и он уехал. Втроем нельзя было находиться, ибо очень бросается в глаза, а глаз здесь достаточно, которые смотрят за тем, чтобы донести и получить мзду. Когда Володя был еще здесь, он очень терпеливо и без устали, можно сказать, списывал из Библии главы, песни, стихи, письма, и все это Господь допустил пронести. Теперь он жалеет, что не списал всю Библию. Опять пример: "Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное". Теперь Вадим читает Библию, Сашину Библию.

Беседы наши стали чаще и длительнее и темы глубже. Тип мышления аристократический. Вадим уже имел образование, был женат, сын воспитывается у его матери, увлекался наркоманией, женщинами, ему 29 лет, находился в рабстве папиросы. Вижу: Господь и его зовет. Как-то он разговорился с человеком, и тот его начал расспрашивать о Боге. "Подождите немного, пока я укреплюсь, чтобы вас больше приобрести", - сказал он. И тоже уже враг пытался отнять у него то, что получил Вадим. На работе дал он прочитать письмо, которое он получил от Володи, и там нашлись двое, которые ходили раньше на собрания к нам и перестали; дьявол их напитал ядом, и вот теперь они его изливали на Вадима. Я очень боялся за его веру, что она пошатнется, услышав слова этих богопротивников, и молился, чтобы Господь не дал ему споткнуться и довел до покаяния. Несколько дней действительно Вадим как-то сник. Пришлось ему дать контрответы на то, что те ему втолковывали. К счастью, когда те изливали свою грязь на нас и Бога, Вадим молчал. После еще нескольких маленьких попыток те двое умолкли. Я успел Вадима предупредить: "Не давайте святыни псам, и не бросайте жемчуга перед свиньями, чтобы они его не попрали ногами и, обернувшись, не растерзали вас". Как хорошо пригодились эти слова здесь.

Приехала мать Вадима с его сыном на свидание, и Вадим имел желание там бросить курить, покаяться, обрадовать мать. Я был с женой как раз тоже тогда на свидании, но враг и сердце матери использовал. Она ему привезла мешок махорки и сказала: "Кури, зачем бросать?". Когда я с ней заговорил о Боге - у ней целый сумбур в сердце и времени нет для Бога, хотя не отрицает, что Бог есть. Ее в детстве заставляли насильно молиться, и это посеяло, по-видимому, плохое семя. Там Вадим не покаялся. А желание имел. Он он должен был созреть до покаяния, действительно сокрушиться и оплакать множество своих грехов и решиться раз и навсегда порвать со старой жизнью. Много еще нужно было терпеливых бесед, свидетельств. И, слава Господу, Он давал эту невозможную в этих условиях возможность! Много еще было разобрано непонятных тем, с искривленным понятием. Прошло со времени свидания еще почти полтора месяца. Каждый день мы виделись, и не только виделись, а я молился: "Господи, возроди душу его для вечной жизни, даруй Вадиму покаяние". И вот Вадим решился! Созрел в своем решении без предупреждения и поторапливания. Но опять же: где покаяться? Думали, искали, гадали - один выход: та же крыша этого же здания. Решили лезть туда. "Там же рабочие внутри", - сказал Вадим. "Ничего, пошли", - говорю. Думал, что хватит душе томиться, пора помочь ей вернуться из сети дьявола.

Мы залезли на крышу. К нашему счастью она оказалась свободной, только на соседней крыше работали электрики. Мы еще раз побеседовали, сидя, я объяснил ему сущность покаяния и важность самого акта молитвы и т. д., и мы склонили колени. Сперва я помолился, а затем Вадим. Когда я взглянул на него после молитвы, лицо его было бледным от волнения и руки дрожали. Он вытащил календарь: "Сегодня ... июля", - сказал он. "Да, сегодня ты нашел мир с Богом! Это важное число, его запомни на всю жизнь и знай теперь, кто ты есть!" От ответственности момента Вадим не сразу смог и радость объять, которую ему дал Господь. Но Вадим смог поверить, что ему Господь простил, а вечером уже излилась радость в его сердце радость спасенной души!!! Мы еще поблагодарили Господа о прощении на крыше, просили об исполнении Духом Святым души Вадима, побеседовали о самом необходимом в первое время. Я приветствовал Вадима как брата. Не хотелось и слазить со столь благословенной крыши! Но

время шло к съему, и мы вынуждены были идти на съем. Вадим весь сиял и ожил. Слава Господу, Он сделал, что смог! Кровь Его не зря лилась на Голгофе! С тех пор прошло всего десять дней, но Вадим уже возрос в вере, одерживает первые победы над плотью и дьяволом, бросил курить, не сквернословит, не употребляет наркотиков (иногда и здесь есть возможность), работает по ночам, там же, за станком, у него лежит телогрейка, на которой он встает на колени и искренне молится. Хорошая черта у него, которая мне нравится: не страшится, не заботится о будущем, совершенная легкость и беззаботность. Когда я ему говорю: "Вадим, тебя будут вызывать, у тебя будут испытания, готовься", - ему это кажется странным. Готовиться? Он готов. Слава Господу. Объяснил ему, что теперь его задача и забота - спасение сына, матери, если возможно, жены (тоже сидит). Библия у него -везде с ним. Каждый день разбираем накопившиеся вопросы. Мне остается десять дней до конца срока. Я доволен! Оправдались все страдания, скорби и переживания. Оправдались вполне. А сколько еще плода даст сказанное и спетое в других местах, а также написанное на стенах?! Оно не будет бесплодным! Молюсь о том и о многом другом ежедневно на коленях, дважды, у своей нары, да и не только я об этом молюсь. За это время, последнее время моего последнего года, освободились сестры Лиза Реймер и Мария Тевс, которые сидели в Челябинске за работу с детьми. Лиза вышла замуж за вдовца и уехала из Аполоновки в Солнцевку того же района и является матерью шестерых детей -один сын Сережа ее - и своим трудом служит Господу. Трудно ей было согласиться на этот брак, оставив детскую школу (воскресную школу), но по настоянию брата все же решилась. Меня же Господь обильно благословил и в последние дни моего пребывания здесь. Смог я написать то, что вы сейчас читаете. Правда, писал не за письменным столом и не в кабинете. Приходится писать в душе..., где меньше глаз. Пусть только оно принесет благословения. Только выйду вечером подышать свежим воздухом после работы -невозможно остаться одному, всегда находится собеседник, желающий что-то услышать, что-то узнать о том, что все же волнует его душу, хоть он и давит в себе это.

Хочется рассказать еще об одном человеке, с которым меня свел Господь в последнее время. Высокий голубоглазый старик. Подошел ко мне с вопросом:

"Ваня, поясни мне, что это было со мной? Мне было семь лет. Мать меня послала на второй этаж свет выключить. Поднимался я по лестнице, вдруг меня кто-то поднял за голову, придавив ее с обеих сторон как подушками. Я чувствую и вижу, что я в воздухе, ногами болтаюсь и матерюсь. Я любил материться. Когда прошло некоторое время, я подумал, надо матери и гостям дать знать, что со мной, чтобы увидели меня, а они сидели за печкой. Кричать боялся, хотел руками постучать о пол второго этажа - руки не двигаются, хочу ногой стукнуть о стенку - не могу. И тут я хотел сказать: "Боже мой, сколько я так буду висеть?". Не успел я подумать: "Боже мой", - как меня отпустил кто-то, и я кубарем свалился с лестницы. Через десять дней только я сказал матери правду. А сразу ведь они слышали, что упал, я просто сказал, что упал с лестницы. Когда же после рассказал одному старику об этом, он спросил: "Кому первому ты рассказал об этом?". Я сказал: "Матери". "Умрет мать твоя". И точно, через малое время умерла мать у меня". Пояснил я ему, что это козни дьявольские, а Господь сильнее его, и как только Вы упомянули имя Божие, Вас дьявол отпустил. Он согласился и убежденно говорил: "Как сильно имя Божие - в этом я убедился". Беседовал я с ним неоднократно и поясняю ему, как освободиться ему от этой силы. Господь благословляет наши беседы. Еще он мне рассказывал: "Попросила одна хозяйка (они строили дом) мою мать побыть ночь в ее доме, пока она куда-то съездит. Ну я и пошел с ней. Мать взялась за стирку, я лег в кровать. Вдруг кто-то стал сильно стучать в дверь. Мать пошла, открывает, везде смотрит - нет никого. Потом я лежу, вдруг из-за печки козел и не козел, ходит на двух ногах, руки человеческие, и прямо ко мне. Я под одеяло, он протягивает ко мне руку. "У-ить, у-у-ить", - говорит. Потом убежал за печку. Я глаза протираю и смотрю снова. Он снова наполовину из-за печки вылез и "у-ить" на меня. Я закричал: "Мама, смотри, какой интересный козел". Мать как увидела - меня в охапку, закрыла дом и домой. На следующий день хозяйка приходит, и когда мать ей рассказала о происшедшем, та и говорит: "Ой, я забыла вас предупредить. Когда у меня работали строители, я их плохо кормила и мало платила, и вот один из них - старик - и говорит: "Ты будешь жить в этом доме, но скучно тебе не будет". И точно:

петухи кричат, то козлы какие-то за мной ходят, то из подпола какие-то звуки, а по сути дела - нет никого. Я уже привыкла и скучаю без них".

Описал я эти случаи, чтобы еше раз убедились, насколько раньше дьявол был явным, а теперь стал искушать людей на зло невидимо для всех, духом страшным, убеждая людей, что его нет, чтобы люди росли в неверии, и еще затем, чтобы мы видели, насколько сильно имя Божие.

Часто мне приходилось слышать от одних вопрос, есть ли черная магия, и что это такое, а от других - случаи и содержание ее. Вы, видимо, мало слышали о ней. Расскажу в предостережение. Книга черной магии, противоположная книге Библии. Книга черной, дьявольской силы. Я не советую ни одному человеку брать ее в руки и желать ее. Этот же старик рассказывал мне: Он знал инженера, который работал на шахте. Купили они с женой сарай. И когда они его разбирали, чтобы перевезти, нашли в нем большую иллюстрированную книгу. Взяли ее домой. Жена была учительницей, и стали ее читать. Напечатана она была на латыни. Читают и смеются, до того им странно все. Вечером, когда ложились спать, стали выключать свет, и вдруг все затряслось: и стол, и стул, и все, что на столе, ходуном ходит, и шкафы. Как только включат свет - все нормально. Так и не уснули всю ночь. Ночь, две, три. Инженер сонный приходит на работу, усталый, невыспавшийся. И когда ребята спросили, в чем дело, он и рассказал. Посоветовали к участковому идти. Он пошел и привел того. Тот сел за стол писать акт. "Ну-ка, выключайте свет", - сказал он. Выключили свет, и тут же все затряслось. "Хватит, хватит, включайте...", - и он ушел испуганный. Через некоторое время приехали два очень грузных человека на двух машинах - ЗИЛах - и стали допытываться, где книга. Оказывается, ее дети уже успели спрятать, но за шоколадки рассказали, где она. С тех пор все тихо стало в доме у них.

А мы имеем книгу, которая спасает от этой силы тьмы, мы имеем Отцом любящего Бога и Спасителем - Иисуса Христа, который отдал жизнь за нас. Как не благодарить и славить нам Его вечно?!! И как нам молчать об этой освобождающей силе Божьей, как не говорить этим бедным людям о силе молитвы, которую мы испытали, о силе Слова Божия, которой мы пользуемся ежедневно и так мало ценим ее?!!

"Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари. Кто будет веровать и креститься, спасен будет; а кто не будет веровать, осужден будет" (Марк. 16:15-16).

Послесловие

Пишу я эти строки 16 лет спустя. Освобождение моё было маловероятным. Братьям почти по всем тюрьмам перед окончанием срока добавляли срок, как неисправившимся. Среди них был и Р.Д. Классен, с которым я сидел в Долинке. Ему добавили в 1984 году три года за якобы антисоветскую пропаганду (показывал заключенным фотографии с похорон родителей, которые жили до своей смерти в Америке).

Но в глубине моей души теплилась вера и надежда, что ради детей, ради церкви Господь даст освободиться. Вечерами я закрывался в медицинском кабинете, завешивал окно и двери одеялами, чтобы снаружи не видно было света и в тиши и спокойствии писал вышенапечатанные тетради. Медицинская сестра-казашка решилась вынести их из зоны, а там передала их моим родителям. К концу срока меня решили придавить тяжелой работой в цеху металлообработки. Сами заключенные сочувствовали мне и говорили, чтобы я отдыхал. Но я две недели отдохнул, а потом всё же попросился за станок. Так подошел день, когда меня вызвали на вахту, дали свидетельство об освобождении и выпустили из зоны. И, наконец, я - за воротами и заборами, за которыми провёл годы, где я испытал и печали, и радости, трудности и благословения, страхи и утешения, а самое главное - удивительные возможности благовестия, свидетельство мучающимся в грехах людям: заключенным и вольным. И что радовало: жертвы для свидетельства не были бесплодными.

За воротами меня ожидали отец и брат Мирау. Дорога домой с пересадками в поездах и автобусах была долгой, но радостной. Вскоре я очутился в радостных обьятиях мамы в отцовском доме. Её молитвы и слёзы, переживания и стенания обо мне не были тщетны. Всё

утонуло в счастье встречи. Меня строго предупредили с угрозой объявления розыска, чтобы я был через неделю в Шахтинске, где я жил с семьёй, но я всё же решился сначала поехать в Омскую область к родителям. После радостных встреч в церквах я поехал домой. До постановки на учет в милиции мы решили сначала поехать в Темиртаускую церковь, где мы тоже порадовались в общении и благодарили Бога за оказанную мне милость, что сохранил верным и вернул к семье и в церковь. Церковь была разрушена, собраний в городе не было. Пришлось начинать почти сначала. Бог явил Свою милость. Вскоре начались собрания, покаяния и крещение. Мне дали надзор на два года. Я не имел права после 8 вечера выходить за калитку своего двора, не имел права выезжать из города без ведома милиции и должен был еженедельно отмечаться в отделении милиции.

Но один раз я забыл отметиться. Составили акт о нарушении, второй раз был праздник жатвы в пригороде. Пришли из милиции, составили акт и повели потом на суд. Очень угрожали, что ещё одно нарушение и мне дадут новый срок. Но Господь не допустил. Слава Ему! Судья, угрожавшая мне, вскоре умерла.

Потом братья решили написать ходатайство верховному прокурору и в министерство обо мне. Ждать пришлось недолго. Вскоре пришел ответ: сняли все нарушения с меня и сняли надзор милиции. Я стал снова вольным человеком. Появились новые возможности для благовестия. Сердце трепетало. У нас вся церковь была благовестующая. От малых до старых. Вскоре стали выезжать с христианской библиотекой к городскому универсаму. Без особых затруднений шли братья и сестры в города и сёла, приглашали людей, устраивали богослужения в клубах и под открытым небом. На севере в Якутии жил брат Володя, который покаялся в зоне, и от него уже образовалась небольшая группка верующих. Нужны были делатели на огромных полях для благовестия в России и Якутии! Как нужны! Готов ли я? Готов ли ты, дорогой читатель, отозваться на зов Божий? Открылись двери для Благой Вести в школах.

Каждый отпуск - для благовестия. Иначе мы и не мыслили. Но тут смерть дочери и другие причины сломили мою твёрдость в отношении выезда в Германию. Я согласился, и в 1992 году мы прибыли на немецкую землю. Думал, что забьюсь в угол и буду молчать, но не тут-то было. Дух Божий звал к благовестию и к беседам о благовестии в церквах.

Господь дал возможность выдержать экзамен и в отношении моей работы. И вот уже пятый год работаю я самостоятельно зубным врачом, имею собственную практику около города Lage-Lippe.

Господь благословляет пациентами. Стараюсь не забывать и Россию, Казахстан. Почти каждый год езжу туда с благовестием. Продолжаю испытывать Божьи благословения. Слава Ему и благодарность за трудности и радости, за призыв на поля благовестия и чудный путь!

Иван Паульс (Johann Pauls)

Издательство "Слово", Германия, 2002 г.